

ДЖИММИАН ХАНТЕР

*Брачная ночь
Джентльмена*

Разве настоящий английский джентльмен может предать друга? Никогда! И офицер британской разведки Хит Боскасл, которого друг попросил стать телохранителем своей невесты, намерен следовать законам чести, даже если эта невеста — его первая любовь Джулия Хепуэрт. Страсть Хита и Джулии разгорается с новой силой, однако им остается только молча страдать во имя долга... Помочь влюбленным способно только чудо. Но неужели этим чудом окажется опасный скандал?..

Джиллиан Хантер

Брачная ночь джентльмена

Глава 1

Мейфэр

1814 год

До этого вечера лейтенант-полковник лорд Хит Боскасл пребывал в приятной иллюзии, что он хозяин своей судьбы. Не то, чтобы он не знал несчастий и неприятностей. Напротив. В жизни ему довелось сталкиваться с изрядной долей невзгод. Казалось, он наконец-то заслужил тишину и покой. В конце концов, Хит пережил войну, пытки, шпионаж, любовь двух ветреных красоток и являлся членом семейства, постоянно бросающего вызов обычаям и правилам света.

Так что следует отнести к его чести, что он без видимого удивления встретил просьбу своего друга, полковника сэра Рассела Олторна.

Человек, менее привычный скрывать свои чувства, мог бы легко себя выдать. Однако лорд Боскасл остался невозмутимым. Впрочем, скорее, он пребывал в легком шоке. Он ожидал, что Олторн призовет его обратно на военную службу. Но в качестве солдата, а не спутника дамы. Он не рассчитывал, что придется вспомнить прошлую любовную эскападу... какой бы незабываемой та ни была.

— Ну так что, — переспросил его Рассел, — берешься за это или мет? Позаботишься ради меня о Джулии, пока меня здесь не будет?

— Ты мог бы дать мне больше времени на раздумья.

— Тебя не было в Лондоне.

— Ты мог мне написать.

— Зачем? Чтобы у тебя было время отказаться?

Хит покачал головой.

— Какой ты заботливый и предусмотрительный!

Друзья стояли на вершине великолепной каменной лестницы роскошного особняка в Мейфэре. Любому, кто наблюдал за ними снизу, из ярко освещенного множеством свечей бального зала, они показались бы всего лишь двумя скусающими гостями, удалившимися от шумной толпы, чтобы в тишине выкурить по сигаре.

Хит и Рассел стали друзьями, когда были еще необстрелянными юными офицерами-кавалеристами в Саагуне, среди засад, и стычек, сбора информации и ледяных ночных патрулей; утолявших жажду приключений. К несчастью, Хит во время одного из таких приключений попал в плен, но сэр Рассел Олторн, старший офицер, выручил его, потеряв при этом левый глаз и заработав славу героя...

— Я не могу этого сделать, — произнес наконец Хит, глядя сквозь облака сигарного дыма на фигуры танцующих среди темно-красных мраморных колонн.

Возможно, женщина, ставшая предметом их с Расселом беседы, тоже находится в этой толчее. Узнают ли они друг друга? Что скажут при встрече? Это будет чертовски неловко, если вспомнить их краткую, но впечатляющую историю.

— Я не видел Джулию много лет. Я не знал, что умер ее муж и что она вернулась в Англию.

И что Рассел, охотник и герой момента, успел с ней обручиться. Олторн всегда был честолюбивым и склонным, к соперничеству, даже в далекие годы их учебы в колледже. Он был откровенно настроен оставить след в истории.

— Мне пришлось уговаривать ее принять мое предложение, — продолжал Рассел, и в голосе его прозвучало некоторое недоумение.

Он был немного ниже Хита ростом и коренастее. Резкие черты лица, ржаво-коричневые волосы и серо-зеленые глаза излучали грубоватую мужественность, восполняли напористой решительностью то, чего Рассел не добирал в утонченности.

— Представь себе: Джулия поначалу мне отказала.

— О чем только она думала? — пробормотал Хит.

Рассел рассмеялся.

Хит вздохнул:

— Ей что, грозит опасность?

— Не знаю. — ответил Олторн. — Тетка Джулии убеждена, что за их городским домом наблюдают. Я в этом сомневаюсь. Леди Далримпл известна своей бестолковостью. Впрочем, нам не стоит недооценивать Оклера. Этот человек участвует в смертельных дуэлях ради развлечения. Его стремление к мести кажется очень личным.

— Откуда ты знаешь?

Лицо Рассела напряглось.

— Он распустил слух в преступном мире, что хочет меня уничтожить.

— Но война окончилась.

— Видимо, жажда насилия, свойственная Оклеру, не унялась. В последнее время его видели то у «Тортони», то в других кафе, где он явно нарывался на ссору. Трезвым умам его не попятить. В его поведении нет ничего разумного.

Хит погрузился в раздумья. Ни для одного из собеседников не было тайной, что Арман Оклер был их общей Немезидой. Бывший французский шпион, подвергший пыткам не только Хита, но и несчетное число других английских солдат, ловко ускользнул от плена в Португалии. Ни Хит, ни Рассел никогда не видели его лица. Свои допросы он проводил в маске палача. Баскаслу было хорошо известно, какой ужас внушал Оклер своим «пленникам». Большинство из них после пыток погибали.

Но сознавал ли Рассел, что значила для Хита женщина, на которой он собирался жениться? Знал ли он, что произошло в том далеком августе много лет назад? Разумеется, нет. Судя по всему, Джулия ничего об этом ему не рассказала.

Встреча Хита с Джулией Хепуэрт была страстной, но слишком краткой и очень скрытной... связью. Ни одна душа в мире не подозревала, что он жаждал ее... желал с того дня, как она несколько лет назад ранила его выстрелом в плечо. Что она стала единственной женщиной, о потере которой он сожалел.

Он медлил признаться в этом самому себе. Только став старше, понял, что ему никогда и никем ее не заменить.

Он тогда подкрадывался к Расселу из-за валуна, чтобы в шутку попугать, а Джулия выстрелила в него. Выстрел оцарапал Хиту плечо.

Зато первый же взгляд на нее поразил его в сердце. Оно до сих пор кровоточило. Время от времени. Хотя он приучился жить с этой болью. Хит слегка улыбнулся, вспомнив, о первом их столкновении.

— С вами все в порядке? — спросила она, спрыгивая с коня и осматривая раненого. — Пожалуйста, скажите, что я вас не убила.

Погруженный в море противоречивых ощущений, Хит не шевелился. Жгучая боль в плече, стыд, что его ранила девушка... жар, исходивший от ее рук, торопливо и без

стеснения рвущих на нем куртку, чтобы осмотреть грудь. Ее темно-рыжие волосы щекотали его живот, воспаляя чувства. Как мог он так бурно желать женщину, едва его не убившую? Это не поддавалось разумному объяснению. Но, черт побери, она его возбуждала.

Он прищурился и оценил ситуацию.

— Ну скажите же что-нибудь! — в панике взмолилась Джулия.

Она была высокой, гибкой, пышногрудой. Властной. Она была самой соблазнительной женщиной, которую он когда-либо встречал. Он захотел овладеть ею тут же и немедленно, прямо здесь, среди камней... как первобытный дикарь.

— Ладно, — процедил он сквозь зубы, подавляя свои дикарские инстинкты, — вы меня убили. Я мертв. Теперь вы счастливы?

— А грубить мне ни к чему.

— Неужели? Простите, что мне трудно демонстрировать изысканные манеры после ранения.

— Не понимаю, почему вы так ужасно со мной разговариваете. Это ведь был несчастный случай. Я испугалась.

— Что вам взбрело в голову? Вы в меня стреляли!

— И ничего удивительного, — возмущенно проговорила она. — Зачем вы выскочили на меня из-за этого камня?

— Я принял вас за другого.

— Ну а я решила, что вы бешеная лисица, которая напала на кур прошлой ночью.

— Я что, похож на бешеную лисицу? — с досадой поинтересовался он.

Его рассердил и одновременно привлек проказливый блеск ос глаз. Он не понимал, что хуже: что она причинила ему вред или что, несмотря на это, он ее желал. Она потянула с его плеч батистовую рубашку, чтобы лучше рассмотреть рану, и он резко сел.

— Выглядит не так плохо, как я боялась.

— Вам легко говорить.

— Я прошу прощения.

Он повернул голову, и ее волевой подбородок коснулся его щеки.

— Красивое плечо, — тихо произнесла она.

— Неужели? — неохотно ухмыльнулся он.

— Конечно, я в этом не эксперт.

Он уставился на ее губы. Алые, влажные, манящие. Он слышал, как один из молодых гостей говорил, что Джулия Хепуэрт — бесшабашный, бесенок. Но это прозвучало как комплимент. Хит готов был держать пари, что мужчина, сказавший и о, никогда не был мишенью ее выстрелов и не испытывал сниженных мук, когда она касалась его, срывая рубашку. А может, испытывал? Возможно, она стреляет направо и налево, оставляя за собой груды жертв.

— Мы кому-нибудь будем рассказывать об этом? — спросила она, глядя на него просительным взором.

— Это зависит от многого.

Хит решил, что поцелует ее. Любая девушка, которая сначала стреляет, а потом раздевает, заслуживает того, чтобы ее поцеловали. Если не большего.

Ее рука скользнула по расстегнутой рубашке, кончики затянутых в перчатку пальчиков коснулись его груди.

— От чего зависит? — прошептала она, откидывая голову, чтобы бросить на него

подозрительный взгляд, ясно свидетельствовавший, что он не первый мужчина, который находит ее привлекательной. Зато, наверное, он был первым, в кого она стреляла.

— Оттого, насколько вы сожалеете о случившемся.

Ее сочные губы раздвинулись в улыбке.

— Все предупреждали меня, что вы бессовестный повеса, Хит Боскасл.

— Какая жалость, что они не предупредили меня насчет вас, — пробормотал он.

— Что я бесшабашная и порывистая?

— Нет, что вы соблазнительная и...

Мрачная тень опустилась на их живую перепалку, придавила, как саван, сделала воздух душным и погасила невидимые искры пламени, проскочившие между ними. Шанс поцеловать ее алые губки был утрачен. У Хита резко заболело плечо. Он сморщился, Джулия вскочила, наступив ему на руку. Хит чуть не выругался. Чертовски небрежная бабенка.

— Полагаю, жить вы будете, — объявила она безразличным тоном, когда он стал натягивать рубашку на голые плечи.

— Что, ради всего святого, здесь произошло? — требовательно спросила тень.

— Я его подстрелила, — ответила Джулия, причем вид у нее был не такой кающийся, как следовало бы.

— Что?! — потрясение переспросила тень.

Хит понял, что это Рассел, человек, которого он меньше всего хотел видеть свидетелем своего унижения.

— Вы подстрелили моего лучшего друга? Отвечай немедленно, Боскасл, что ты натворил такого, что мисс Хепуэрт сочла нужным в тебя стрелять?

Хит в одиночестве вернулся в дом, не в силах выносить ехидные комментарии Рассела. Он решил, что отыщет Джулию во время вечерних развлечений, когда с ней не будет спутника.

Она обнаружила его несколько часов спустя в библиотеке... одного. Остальные гости отправились на охоту и должны были вернуться к вечеру. В доме остались только немощные и дети.

Гнев Хита давно утих, а вот влечение к красавице никуда не унию.

— Вы пришли снова стрелять в меня? — сурово поинтересовался он, и тон вопроса был гораздо резче, чем его чувства.

Плечо уже не болело, и он прекрасно понимал, что выстрел был случайным.

Она растерянно обернулась. Щеки ее вспыхнули розовым треном на бледном лице. Волосы спускались на плечи беспорядочной волной, амазонка несколько смята.

— У меня нет оружия. — Она вскинула руки, сдаваясь. — Общайте меня, если хотите.

Он жизнерадостно ухмыльнулся:

— Думаю, обыскать вас стоит.

— Как хотите. Только не...

В коридоре раздались юные голоса. Кто-то громко прошептал:

— Может, она пошла в библиотеку?

— Нет, она побежала вверх. Я слышал ее шаги.

— Она прячется в платяном шкафу. Отряд, за ней!

Джулия круто обернулась и заперла дверь библиотеки. Руки Хита тут же обвили ее талию и медленно притянули к себе. В конце концов, Джулия у него в долгу. Он нагнул голову и пробежался губами по контуру ее щеки. Кожа была нежной. Как сливки. Губы

Джулии приоткрылись. Зовущие, нежные, сочные...

— Не выдавайте меня, — прошептала она. Ее нежная грудь скользнула по его руке. —

Или мне придется провести весь день, читая сказки моим кузенам.

— Кузенам Боскаслам?

Она вглядывалась в его лицо, лишь слегка сопротивляясь.

— Да.

— Тогда примите мое сочувствие, — пробормотал он, усаживая ее на диван рядом с собой. — Если хотите, можете почитать сказки мне.

— Мы не должны, — прошептала она, пряча лицо у него на плече. — Я действительно не должна быть с вами наедине... Вот так...

— Знаю. — Нежная тяжесть ее тела, аромат волос сводили Хита с ума. — Давайте сбежим и поженимся.

— Вы негодяй, — промолвила она, кусая губы. Ее серые глаза смотрели мечтательно и тоскливо. — Как будто вы на это способны!

Страстный мужской взгляд из-под отяжелевших век скользил по ее телу.

— Я без ума от вас.

— Вы же уезжаете на войну! — рассмеялась она с возмущением.

— А если я погибну и никогда не вернусь? — спросил он, снова притягивая ее к себе.

Ее серые глаза светились лукавством и здоровым недоверием. Даже в эту минуту ее трезвый ум не парил в облаках. Разумная и обворожительная! Хит никогда не встречал такого чарующего сочетания.

— Ну и что? — поддразнила она.

В ней было что-то такое, перед чем он не мог устоять. Что-то дополнявшее его серьезную натуру. Он даже не очень понимал, кто кого соблазняет: он — ее или она — его? Он никогда так легко не вступал в интимные отношения с женщиной.

— Ваша кожа такая теплая и нежная.

У нее перехватило дыхание.

— Никто и никогда меня так не обнимал.

Он уткнулся носом в ее шейку. Она никогда не поверит, что он никогда так себя не вел, что из всех братьев он был самым сдержанным.

— Никто и никогда так не манил меня.

— Вы это говорите просто так.

— Думаете, я стал бы лгать?

— Я думаю, что вы опасный повеса и...

Он поцеловал ее в сочные соблазнительные губы и буквально вжал в спинку дивана. Он хотел, чтобы она принадлежала только ему.

Они оба были молоды, порывисты и страстны. Тогда он уже знал, как возбудить женщину, но в их свидании не было ничего преднамеренного. Он целый час целовал ее, исступленно пожирая ее рот, даря маленькие ласки, которые доставляли ей удовольствие. А между ласками они разговаривали. Он медленно вел ее, уговаривал, манил, знакомил с тайнами чувственности. Он разрушал ее внутренние запреты так мягко, что она того не сознавала. Да что она, Хит не мог предсказать и собственную реакцию. Все, что он сознавал, — это никогда ранее не испытываемое вождение.

Он перестал следить за временем. Окружающий мир ушел из его сознания. Хит помнил, как они скатились на пол, как перелетел через карточный столик ее жакет, как открылась в

расстегнутом лифе ее прекрасная грудь.

Его рубашка была расстегнута до пояса. Он буквально задышался от вожделения. Когда он склонился к ней, крепко зажав бедрами, она уперлась ладонями ему в грудь. Он мучительно жаждал облегчения. Он ощущал жар ее тела, дрожь ее беспомощного возбуждения, нежный призыв ее кожи. Отчаянно стремясь к ней, Хит вздернул ее юбку. Будущего не существовало.

— Что вы со мной делаете? — задыхаясь, неуверенно прошептала она.

— Тебе больно?

Она потрясла головой. Дыхание срывалось с губ краткими выдохами блаженства. Он наслаждался, прикасаясь к ней, целуя ее губы, грудь, играя с ней. Никогда, ни до, ни после того дня, не испытывал он такого отчаянного, безудержного возбуждения. Она откликнулась на каждое его движение, ее тело словно созрело для его прикосновения.

— Что, если кто-нибудь заметит, что нас нет? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Ты делаешь доброе дело, — прошептал он в ответ, скользя губами по ее шее.

— Доброе дело? — рассмеялась она.

— Да. — Он жизнерадостно усмехнулся. — Ты читаешь сказку человеку, которого ранила.

Она посмотрела на его плечи.

— Не вижу никакого урона твоему телу.

— А дырка в плече?

В этот знойный день ему ни о чем не хотелось думать всерьез. Он уезжал на войну и знал, что может не вернуться. Просто чудо, что они сумели вовремя остановить этот бездумный, жаркий порыв, который кинул их друг к другу. Если бы Хит до конца последовал своим инстинктам, то уговорил бы ее отдаться ему. Но к ним, одновременно к обоим, вернулся здравый смысл.

— Не надо, — сказала она.

Он помог ей одеться.

— Я отыщу вас вечером, за ужином.

В дверях она позволила ему поцеловать себя в последний раз. Они помедлили. Жар еще не оставил, их тела, возбужденные до мучительной жажды близости.

— Пожалуйста, не рассказывайте никому, — попросила Джулия.

Он вздохнул, уткнувшись ей в шею, глубоко вдыхая в себя ее запах. Он хотел, чтобы она осталась с ним... не хотел отпирать двери.

— Никогда.

— Обещаете?

— Обещаю. — Он поймал ладонью ее упрямый подбородок. — Но я хочу увидеть вас снова. Я должен вас увидеть.

Но он так и не увидел ее. Сославшись на простуду, она не вышла к ужину тем вечером. Он обдумывал, стоит ли пойти к ее отцу и, во всем признавшись, попросить ее руки.

Но ведь она взяла с него слово, что он никому ничего не скажет.

И он не сказал.

Иногда он размышлял о том, что было бы, если б он все-таки это сделал.

До этого вечера он полагал, что больше никогда ее не увидит. С того дня прошли годы. Она вышла замуж за другого, а Хиту осталось лечить уязвленные чувства. Весьма вероятно, что она тоже старалась забыть о случившемся.

— Проблема в том, — с досадой продолжал Рассел, прерывая воцарившееся между ними молчание, — что Джулия считает, будто может сама о себе позаботиться. Она всегда так считала.

— Возможно, это в ее силах.

— Защититься от хладнокровного убийцы? — Рассел поправил черную шелковую повязку на глазу.

Хит не понял, было ли это просто нервным жестом или не слишком тонким напоминанием о том, чем пожертвовал Рассел ради спасения друга.

— Она в Индии стреляла в человека. Ты знаешь об этом? — спросил Рассел.

Хит не знал. Он считал, что потерял ее навсегда, и не хотел знать подробности ее жизни с другим мужчиной в дальней чужой стране; Он неумел легко проигрывать в любви и убедил себя, что она ему безразлична.

— Сипая? — лениво поинтересовался он.

— Нет. Пьяного английского солдата, напавшего на одну из ее служанок. Она выстрелила ему прямо в задницу.

Хит рассмеялся:

— Я об этом не слышал. — Впрочем, его это не удивило.

— Слава Богу, это не стало общим достоянием, — с чувством произнес Рассел. — Это не та история, которая украшает порядочную молодую женщину.

— Ты ставишь ей это в упрек?

— Я, конечно, нет, — с мальчишеской ухмылкой отозвался Рассел. — Но нет никакой нужды, чтобы весь цивилизованный мир знал, что я без ума от чертовой амазонки. Понимаешь? Пусть это остается нашей тайной.

Хит поднял брови. Без ума?

— Я ни единой душе не расскажу об этом.

— Я это знаю. — Рассел издевательски усмехнулся. — Она ведь и тебя когда-то подстрелила. В плечо, не так ли? — Он засмеялся. — Господи, я чуть не забыл об этом. Да, было дело. Ты валяешься в грязи, белый как полотно, а Джулия склоняется над тобой, уверенная, что убила тебя. Я поначалу решил, что между вами что-то происходит, и озверел от ревности.

Хит промолчал. Эта картина ярко стояла у него перед глазами: грязь, боль, кровь, склонившаяся над ним Джулия... ее ясные серые глаза, пышное соблазнительное тело.

— Я помню, как ты до упаду смеялся, когда сообразил, что случилось.

— Думаю, что именно в тот день я решил, что женюсь на ней. Если вообще на ком-нибудь женюсь.

Хит посмотрел вниз, на бальный зал. Под балконом какая-то женщина старалась спрятаться за колонной. Хит не мог разглядеть ее лица, но что-то в ее осанке и фигуре показалось знакомым и привлекло внимание. Какого черта она делает? Играет в прятки?

— Думаю, то же самое могли бы сказать и все мужчины в этом зале.

— За исключением тебя. — Рассел облокотился на балюстраду.

Свет огромной хрустальной люстры осветил половину его лица, тень смазала контуры второй. Полугерой, полунегодяй. Он был человеком с изъянами. Хит это знал, но понимал, что в душе и сам не лучше. У Рассела не было привилегированного детства и воспитания. Он практически вытянул себя из грязи, добился успеха... и стал чертовски хорошим солдатом.

— Вы с Джулией сразу яростно невзлюбили друг друга. Не так ли? Полагаю, что это

вполне естественно. Вы ведь полные противоположности.

— Я не... не могу сказать, что невзлюбил Джулию.

— Нет, ты наверняка относишься к ней с неприязнью, Я никогда не видел, чтобы мужчина и женщина шли на нелепейшие уловки, лишь бы избежать встречи друг с другом. В тот вечер Джулия упросила меня поменяться с ней местами за столом, чтобы не говорить с тобой. А потом вообще не явилась к ужину. Она уехала на другой день, и я потерял ее из виду. Хорошо хоть ее муж оказался любезнее: был убит во время восстания.

Хит покачал головой. Прошедшие годы были добры к Расселу, приятные мальчишеские черты лица преобразились в чеканную мужественность. Разумеется, черная наглазная повязка усиливала репутацию героя, презирающего смерть, и покоряла все женское население Англии. Однако в душе Рассел оставался тем же грубоватым, хоть и привлекательным, ублюдком, что и раньше.

Но все-таки однажды он спас Хиту жизнь. И по всей вероятности, если придется, не задумываясь повторит то же самое. Несмотря на все недостатки, отваги ему не занимать.

Хит догадывался, что придет день, когда Рассел воспользуется своим подвигом и его дружбой, но даже в самых буйных фантазиях он не мог вообразить, что речь пойдет о Джулии Хепуэрт.

Хит был удивлен, что его чувства к Джулии остались столь же острыми, столь же горько-сладостными... столь же... неоднозначными. Он считал, что воспоминание о ней погребено под многими событиями прошлого, которые лучше не ворошить. Ему вовсе не хотелось вспоминать о том, что потерял.

— Если мы с ней так неприязненно относимся друг к другу, нам тем более не стоит общаться.

Не сводя глаз с грациозных движений вальсирующих, Хит ждал ответа. Он ощущал на себе оценивающий взгляд Рассела, который анализировал его слова, обдумывал свою стратегию. Судя по всему, друг не питал подозрений насчет того, что произошло между Джулией и Хитом много лет назад. Возможно, свойственная ему самоуверенность не позволяла считать, что женщина, на которой он планирует жениться, может быть как-то связана с одним из его друзей.

— Ты мой должник, Боскасл, — наконец тихо произнес он твердым и решительным голосом. — Я всего лишь хочу, чтобы ты потратил на это месяц.

Голубые глаза Хита потемнели. Целый месяц в обществе Джулии? Он не смог бы доверить себе и часа с ней.

— Я собирался поехать в Париж.

— Неужели из штаба Веллингтона последовало приглашение поиграть в посла?

Хит чуть не рассмеялся. Рассел был так предсказуем в своем честолюбии.

— Волнуешься, что упустишь такую возможность?

— Помоги мне поймать Оклера, и я гарантирую тебе вознаграждение.

— За то, что я стану нянькой при твоей нареченной, теперь дают медали? Что я должен делать? Мешать Джулии кого-нибудь подстрелить? Ты это серьезно?

Рассел улыбнулся, но взгляд его оставался холодным.

— Ты человек слова.

Человек слова. Да, Хит оставался им всегда. Это было его неотъемлемым правилом поведения в мире войны и хаоса, путеводной звездой, которая вела его в сложных и путаных перипетиях судьбы. Ирония состояла в том, что именно это его свойство (то ли добродетель,

то ли порок) не позволяло сейчас признаться в истинных причинах своего нежелания пойти другу навстречу.

Рассказать правду — значит, нарушить слово, данное Джулии. Правда погубит доброе мнение Рассела о ней. Почти наверняка положит драматический конец их помолвке. Хит будет выглядеть негодяем, совратителем юных дев, вертопрахом, который распускает сплетни о своих победах. Да он скорее отрежет себе левую ногу! Это наверняка будет не так болезненно.

Хит обреченно кивнул. Его погубила собственная честь. Это научит смирению, научит не воображать себя таким чертовски добродетельным.

Рассел расхохотался.

— На какое-то мгновение я решил, что ты откажешься. Почему бы тебе не спуститься вниз, чтобы поговорить с ней? Подружиться...

— Ты ей уже сказал об этом? — поинтересовался Хит, изумленный самоуверенностью Рассела.

— Конечно. Попробуй утаить что-либо от Джулии.

— Как она к этому отнеслась?

— По-моему, она не поверила, что я...

Заметив какое-то движение на лестнице, оба собеседника разом обернулись. Молодой слуга в темной ливрее поднял голову и с важным видом приблизился к ним.

— Это для вас, сэр Рассел. Граф велел мне вас разыскать.

Рассел распечатал письмо и прочитал.

— Оклер только что отправился во Францию, — тихо ругнулся он. — У меня нет времени уговаривать тебя, Боскасл. Ты должен это сделать, — Рассел хмуро глянул на него. — Ты хоть помнишь, как она выглядит?

— Помню, — сдержанно откликнулся Хит.

Он не только помнил, как выглядит Джулия, он помнил и завораживающий звук ее голоса, и ее легкий смех, и нежную упругость ее кожи. Он помнил отблеск золота в ее рыжих волосах и то, как эти волосы рассыпались по его обнаженной груди, словно русалочьи сети... Манящие... чувственные...

Казалось, его влекло к ней... извечно. До того как его чувственность пресытилась и любовные связи стали оставлять после себя лишь пустоту и неудовлетворенность. Она была не первой и не последней женщиной в его жизни. Но она оставила самый глубокий след в его памяти. Она была той, кто бросил его... голодным, мучительно жаждущим большего.

Разумеется, этого не знал никто в мире, включая Джулию. О своих переживаниях Хит ничего не рассказал даже братьям. Свои желания и личные дела он хранил в тайне. Он скорее унесет свои тайны в могилу, чем поделится ими с приятелями или выплечет спяну на плече надушенной шлюхи.

Его темные брови сомкнулись в хмурой гримасе.

— Когда ты отправляешься?

— Через несколько часов. Он от меня не уйдет.

Глава 2

Джулия пряталась за одной из колонн бального зала. Она наблюдала за двумя мужчинами, беседующими на балконе. Разобрать, о чем они говорили, было невозможно. Издалека она едва различала их лица, но Хита Боскасла она узнала бы везде и с любого расстояния. Этот красивый повеса по-прежнему притягивал женское внимание. По правде говоря, несколько дебютанток устроили целое представление, прохаживаясь туда-сюда прямо под балконом и стараясь привлечь к себе его взгляд.

Ее жених тоже привлекал внимание, Джулия насупилась, когда две хихикающие девицы остановились перед ней.

— Как ты думаешь, они нас заметили? — прошептала одна.

Ее подруга бросила быстрый взгляд на балкон.

— Боскасл посмотрел прямо на меня.

— А что сэр Рассел?

— Я слышала, что он помолвлен. Но он тоже на меня смотрит.

— Давай посмотрим в ответ. Они похожи на богов.

Джулия громко откашлялась. Девушки вздрогнули и попятились, налетая друг на друга.

— Дамы, — холодным тоном произнесла Джулия, — разве вам не объясняли, что не просто невежливо, но и непростительно дерзко глазеть... даже на богов.

Когда дебютантки, пристыженные, поспешили прочь, Джулия, лицемерка этакая, продолжила разглядывать две впечатляющие фигуры на балконе. Не могут же они все это время обсуждать ее. Они выглядели абсолютно спокойными, а это означало, что Хит не сообщил Расселу их секрет.

Хит посмотрел именно туда, где она стояла, и она опять скользнула за колонну. Если Рассел узнает, что произошло между ней и Хитом много лет назад, он наверняка придет в ужас. Сам факт, что Джулия это скрывала, станет доказательством ее вины.

У нее были все причины чувствовать себя виноватой. Ради всего святого, она выстрелила в мужчину и практически пригласила соблазнить себя... и все в один день. Незабываемый день.

До сих пор у нее стыла кровь при воспоминании о том, как Хит лежал среди камней, безмолвный... неподвижный. Какое облегчение испытала она, когда, бросившись на землю, обнаружила, что он жив. Даже слишком жив. Его голубые глаза обожгли ее огнем, яростные, не верящие случившемуся... такие обескураживающе мужские.

У нее возникло ощущение, что он раздевает ее этими жгучими глазами, несмотря на рану.

— Вы меня подстрелили!

— И неудивительно. — Она была в ужасе.

Возможно, она обезобразила шрамом его мускулистое идеальное плечо. Отец снова запрет от нее ружье!

— Зачем вы выпрыгнули на меня из-за скал?

— Я принял вас за другого.

— Ну а я решила, что вы бешеная лисица, которая прошлой ночью напала на курятник.

— Я что, похож на бешеную лисицу? — негодуяще поинтересовался он.

«Нет», — подумала она, прикусывая язык.

Он был похож на худого сердитого волка, готового в любую минуту прыгнуть на нее и растерзать. Даже раненный, он излучал опасную силу. И чувственные флюиды. Конечно, ее предупреждали насчет него. Все девушки мечтали поймать в свои сети Боскасла. А она его подстрелила! Можно считать это поимкой?

А затем она стала стаскивать с него рубашку. Облегчение от того, что рана оказалась поверхностной, сменилось приятным потрясением. Оказалось, что он и вправду такой великолепный, каким она представляла его в воображении.

— Рана не так страшна, как я боялась.

— Вам легко говорить.

Она почувствовала себя спокойнее. Она ведь не сильно его ранила.

— Прошу прощения. Мне очень жаль.

С этого все и началось. Унизительный несчастный случай, который привел к самой волшебной, магической интерлюдии, какую ей довелось испытать в жизни. Его поцелуи и грешная дрожь продолжали будоражить ее, преследовали, как повторяющийся чувственный сон. Ни до, ни после не откликалась она на ласки так бурно и страстно.

Джулия совершенно не могла себе представить, что скажет, когда столкнется с ним лицом к лицу... Сегодня вечером.

Иногда, анализируя свою жизнь, она жалела, что Хит не рассказал о случившемся. Тогда она, наверное, не поехала бы в Индию. Отец наверняка заставил бы ее выйти замуж за Хита и посоветовал бы им приспособиться друг к другу. Ей не пришлось бы стрелять в того солдата... Из всех ее грехов этот шокировал общество больше всего.

Она с тревогой заметила, что Хит и Рассел покинули балкой. Затем Хит появился на противоположном конце холла. Один взгляд на его профиль, орлиный нос и волевой подбородок с ямочкой заставил сердце Джулии забиться сильнее. Она прислонилась к стене, наблюдая за ним с замороженным раздражением. Ну почему он не растолстел или не растерял зубы? А может быть, растерял? С того места, где она стояла, невозможно разглядеть его рот. Она помнила его твердые чувственные губы, маленький белый шрамик в уголке рта, его обворожительную ухмылку, кружащие голову поцелуи, которыми они обменивались.

Она больше никогда не встречала мужчины, обладавшего разящей насмерть элегантностью Хита Боскасла. Не встречала никого даже близко похожего на мужчину, который соблазнял ее во время охотничьего приема, когда они оба были слишком молоды, чтобы понимать, куда идут. А может быть, все было не так? Совсем наоборот? Может, это она неуклюже пыталась его соблазнить? Буйная мисс Хепуэрт, как прозвали ее тогда друзья. Теперь, они, возможно, дали ей еще худшее прозвище... Скверная леди Уитби.

У нее было много времени на то, чтобы поразмыслить о происшедшем между ней и Хитом. Годы... ушедшие на раздумья и сожаления. Бывали моменты, когда самой большой ошибкой в жизни она считала то, что ни у кого из них не хватило решимости довести их жаркое столкновение до конца. Впрочем, так она думала не всегда. Понадобилось неудачное тоскливое замужество, чтобы она трезво поняла, чего хотела и что могла иметь.

К душевному удовлетворению в жизни ведет не одна тропа. Но в тот день, когда они с Хитом расстались, она испытывала лишь оглушительную панику и виноватое облегчение от того, что они остановились на краю... до того как их обнаружили.

Хит приближался.

Он шел к ней с той неизменной ленивой грацией, которая когда-то обожгла и

взбудоражила ее нервы. У Джулии и сейчас при виде его, перехватило дыхание. Он оказался выше, шире в плечах, чем ей помнилось, и, пожалуй, посухощавее, но все равно опасно привлекательным в своем черном фраке и модных панталонах. Старше, опытнее, но такой же убийственный для женских сердец, как всегда. Она не могла отвести от него глаз и еле дышала. Она же считала, что никогда больше его не увидит! Мучительная боль неосуществленных желаний заставляла ее надеяться, что им никогда больше не придется встретиться. Ей было больно представлять, что все могло быть иначе. Но сейчас она не могла отрицать, что с волнением предвкушает это свидание. В ней назревало возбуждение от встречи с этим умным, красивым, неотразимым... повесой. Впрочем, глупо думать, что он до сих пор остался таким, каким жил в ее памяти.

Шесть лет, как много воды утекло. Она успела побывать замужем и овдоветь в далекой Индии. Она познакомилась с изнанкой жизни, о которой высший свет только читал в газетах и ужасался.

Интересно, что слышал о ней Хит?

Его походка была неторопливой, но решительной.

Помнит ли он, что было между ними, что они делали тогда, в библиотеке?

Джулия взяла себя в руки и подняла глаза на это невыразимо красивое лицо, скульптурные черты, твердый волевой подбородок. В синих глазах Хита прыгали веселые чертики, как бы отвечая на ее невысказанные вопросы.

Он знал о ней все.

Он прекрасно помнил, что произошло между ними в тот день.

И не потерял ни единого зуба, не приобрел ни одного седого волоска!..

Хуже того, она не могла отвести от него глаз, жадно впитывая взором все детали его внешности. Можно было подумать, что она никогда раньше не видела красивых мужчин. Конечно, дело было не только в его поразительной внешности. Их связывала тайна.

— Джулия, — произнес он низким проникновенным голосом, вызвавшим в ней новую волну полузабытых воспоминаний... дразнивших ее изголодавшиеся чувства. — Продолжаешь прятаться? Надеюсь, сегодня ты не вооружена? Должен ли я тебя обыскать?

Она склонила голову набок, разглядывая его с напускным недоумением.

— Простите... я с вами знакома? Разве нас представляли друг другу?

Он взял ее за руку и непринужденно притянул к себе.

— Очень забавно, если учесть, что ты чуть не застрелила меня при первой встрече.

— А не надо было прятаться за скалой. Я приняла вас за лисицу. — Теперь, когда дар речи вернулся к ней, она не могла сдержать поток слов.

Теплый взгляд Хита поощрял ее к легкой беседе. С ним было так просто разговаривать.

— О, Хит, неужели вы наконец простили меня? У вас остался шрам?

— Да и еще раз, да. Вообще-то я приобрел несколько шрамов со времени нашей встречи, но только ваш связан у меня с приятными воспоминаниями.

Они замолчали. Джулия почувствовала, как тяжело бьется ее сердце, заметила взгляды, которые бросали на них другие гости, ощутила, что годы лишь усилили его врожденный магнетизм. Она удивилась, когда Рассел сообщил ей, что Хит так и не женился. Впрочем, он был еще, достаточно молод и мог позволить себе не торопиться с женитьбой, а в качестве избранницы к его услугам было все женское население Англии. На выбор. Мужчине с внешностью и обаянием Хита Боскасла не придется слишком усиленно трудиться в поисках спутницы жизни.

Она смотрела на него, а он улыбался, и в этой улыбке не было ни самоуверенности, ни высокомерия. Истинный джентльмен, он не пустился в красочные воспоминания об их грешной интерлюдии.

Встреча с ним оказалась гораздо более эмоционально напряженной, чем рисовало ей воображение. Он был все тем же обаятельным повесой, которого она помнила. Война изменила многих ее знакомых, а Хит к тому же побывал в плену и пережил очень многое. Он слегка откашлялся. Она строго приказала себе не распускаться и отвела взгляд в сторону.

— Не хотите ли выпить чего-нибудь? — спросил он, направляя ее к концу коридора.

— Выпить?

Как бы ей хотелось не вспоминать его обнаженным, не думать о его руке, которая сейчас так вежливо поддерживала ее, а тогда касалась самых сокровенных мест ее тела. Он держался так непринужденно. Наверное, его должны забавлять воспоминания о том, что тогда произошло между ними.

— Да, — беспечно уточнил он. — Какого-нибудь освежающего напитка.

— Напиток? — тупо повторила она.

— Хотите, чтобы я нарисовал вам картинку, Джулия? — Он помахал рукой у нее перед глазами. — Джулия?

Он говорил тем теплым, шутливым тоном, который звучал так обольстительно и который все это время она старалась забыть. У него всегда было проказливое чувство юмора. Ей потребовалось все самообладание, чтобы не показать, как это на нее действует, как каждое его слово, каждый жест возвращают в прошлое. Слишком все это оказывалось манящим, соблазнительным. Она отвела глаза, страшась, что выдаст себя. Хит был слишком проницателен, и Джулия боялась, что ей не удастся его обмануть. Как унижительно, что она до сих пор помнит каждое его слово.

— Я выпила всего один бокал кларета, Хит.

— Что ж, значит, он весь ударил вам в голову.

— Ничего подобного.

— Нет, так и есть, иначе вы не целовали бы меня так страстно.

— Вам не нравится?

— Конечно, нравится, но боюсь, что завтра утром я отнесусь к этому иначе. Я никогда не делаю того, о чем буду сожалеть. Ну, до сих пор не делал...

Он погрузил длинные изящные пальцы в ее локоны и вновь притянул ее на диван. Его чувственность покоряла, подчиняла, жар его четко очерченных губ дурманил. Остальные гости отправились на охоту, а они с Хитом оказались запертыми на три часа в библиотеке и не могли открыть дверь. По крайней мере делали вид, что замок заело и они не могут его отпереть. Три роковых часа. Они навсегда изменили ее судьбу. Их краденое удовольствие окрасило всю дальнейшую жизнь. Тоска лишь нарастала, становилась все настоятельнее, неудовлетворенность томила сладкой горечью. Было в Хите что-то внушавшее доверие, что проникло сквозь все ее защиты. И потом... он же сдержал данное ей обещание.

Джулия с усилием заставила себя вернуться в настоящее. Хит больше не держал ее за руку, но она продолжала ощущать тепло его сильных пальцев. Волна приятного возбуждения вызвала легкий румянец.

Она встретила глазами с его вопросительным, проницательным взглядом и вздохнула про себя: слишком легко утонуть в его взоре, как это было однажды. Вокруг двигались гости, с любопытством поглядывая на них, узнавая... Некоторые явно знали о помолвке Джулии с

сэром Расселом, а Хит для всех был неуловимым холостяком, брачным призом, за которым гонялись, стремясь заполучить его любой ценой.

Она не сдержала смеха:

— Да, я хотела бы чего-нибудь выпить... Что угодно, кроме кларета.

Пламя вспыхнуло в глубине его темно-синих глаз. Насмешливая улыбка была неотразимой.

— Ах да. Я слышал, что кларет слишком ударяет в голову.

Погруженный, в задумчивость, Хит шел рядом с ней и пытался оценить свое положение. Ему как-то не верилось, что он ввязался в эту историю. Возможно, такую цену приходится платить за то, что он всегда вел себя замкнуто. Большею частью он просто игнорировал светское общество с его причудами и скандалами. Приглашение на сегодняшний, бал графа Одема он принял только по настоянию Рассела, которого давно не видел. Ему следовало сообразить, что за этим кроется какой-то тайный мотив.

Хит готов был вернуться на военную службу. Лондон надоел ему до скрежета зубового. Один его любовный роман закончился, другой не думал начинаться. Хит был взвинчен и сам не знал, чего хочет. Может быть, просто какого-то отвлечения от терзающих его демонов, от собственных мыслей. В последнее время он ни в чем не находил удовлетворения. Он не рвался к одиночеству, но узкий кружок друзей вызывал нетерпеливое раздражение.

Меньше всего на свете он ожидал увидеть сегодня Джулию Хепуэрт... или леди Уитби, как она теперь звалась. Он искоса бросил на нее оценивающий взгляд. Это бледно-зеленое платье окутывало ее восхитительные формы, как дымка. Зеленый не считался в Лондоне пристойным для траура цветом. Означало ли это, что она восприняла иностранные представления, о моде? Пусть так, но как же хорошо было видеть ее снова! И интересно, как давно умер ее муж? За прошедшие годы она не утратила ни остроумия, ни чувственной привлекательности...

И своего таланта дразнить его. Какого черта она выходит замуж за Рассела? Такой... неподходящий брачный союз. Эта парочка скоро сведет друг друга с ума. И вообще, решил он, что оттенок зеленого не годится для траура... или даже полу-траура. Любопытно, любила ли она своего мужа? И как должен он, Хит, «заботиться о ней», пока Рассел где-то разыгрывает героя? Как он сможет притворяться, что между ними никогда ничего не было? Какими бы равнодушными ни казались они на вид, нет смысла притворяться, что у них никогда не было общего прошлого.

— Куда отправился Рассел?

Звук ее голоса вырвал Хита из размышлений о возникшей перед ним дилемме. Она спросила о Расселе. О шутнике, который устроил эту дурацкую историю, о человеке, для которого он должен стать неохотным местоблюстителем. Хит нахмурился и с удивлением и некоторым облегчением заметил, что они почти дошли до комнат с угощением. Пожалуй, некоторый перерыв в пребывании с ней наедине даст ему время придумать, решение.

Он изучал ее украдкой. Она прошла в дверь. Это была та же Джулия, но вместе с тем совершенно иная, отличная от той, какой была при их последней встрече. Более уверенная в себе. Вся противоречивость ее характера сгладилась, сплавилась в единую, более яркую, более интересную личность. Он не мог прочесть ее мысли, не мог догадаться, как смотрит она на сложившуюся ситуацию. На него.

Она казалась такой невозмутимой. Ее глаза больше не вглядывались в него с обескураживающей невинностью. Ее проницательный пристальный взгляд словно бросал ему вызов. Прислужница богов, ставшая Герой, главной богиней. Хит почувствовал, как меняется его мнение о ней, шла переоценка ценностей. На свете не было другой женщины, которую он мог бы с ней сравнить. Ни одна не приходила в голову. Прошлые его романы были незамысловаты и откровенны. То, что лежало между ним и Джулией, было смутным и

неопределимым; неосуществленное желание... вопрос, оставшийся без ответа.

Он был с ней знаком и незнаком. Что ж, теперь все изменится к лучшему. Теперь они уже не те молодые люди, которые с бездумной страстью кинулись в объятия друг другу тогда в библиотеке. Казалось, с тех пор прошла целая жизнь. Годы и годы. Что сделал с ними жизненный опыт. Оправдало ли время ее ожидания или просто стерло их?

Она подняла на него глаза, отпила глоток лимонада, Он вдруг вспомнил вкус ее поцелуев, сочную нежность ее губ, чувственный голод, вызванный ею. Она рассмеялась, когда он первый раз ее поцеловал. Они тогда, как дети, хохотали до слез неизвестно над чем. Эхо утраченной, ослепительно сладостной наивности пронзительно кольнуло его в сердце. С той поры он никогда так не смеялся. Но ведь им невозможно вернуться в прошлое. Время не повернуть вспять.

— Вы смотрите на мои губы, — прошептала она, поймав его взгляд.

— А-а... — Он вытащил из кармана жилета хрустящий от крахмала белоснежный платок. — Лимонад. На ваших губах.

Она с сомнением взяла платок и провела им по губам. А потом, оглядываясь по сторонам, повторила:

— Куда уехал Рассел?

— Его вызвали по срочному делу...

На ее губах не было ни капли лимонада, и они оба это знали. Выгнув бровь, она переспросила:

— Опять?

— Да. — Он взял ее под руку и направил к гостям, толпившимся у стола. — А что, его часто вызывают?

— Да. И...

— Он просил меня присмотреть...

— За мной. — Она поморщилась, глаза ее неодобрительно потемнели.

Эта идея явно принадлежала не ей.

— Но, Хит, это же нелепо.

— Не уверен. Оклер — чудовище.

Она поставила стакан на буфет.

— Я не могу в это поверить. Почему Оклер не оставит вас в покое? Разве вы с Расселом недостаточно пострадали в Саагуне?

— Оклер не подчиняется доводам рассудка, — тихо заметил Хит.

— Пусть кто-нибудь другой займется самопожертвованием. Для разнообразия.

— Мы все еще живы, Джулия. Другие потеряли гораздо больше.

Она посмотрела прямо ему в лицо, без слов напоминая, что ей тоже пришлось принести жертвы.

— Как поживает ваша семья, Хит?

Он приостановился, восхищаясь умелой переменой темы разговора.

— Довольно хорошо, благодарю. Грейсон недавно женился.

— Я слышала об этом. Кто бы мог подумать? Прирожденный повеса сковал себя узами на всю жизнь!

— С лучшими из нас такое случается, — Хит рассмеялся, припомнив бесшабашное и буйное прошлое старшего брата. — И с самыми худшими тоже.

— Кажется, теперь твоя очередь?

— Постараюсь увернуться.

Она смерила его критическим взглядом.

— Я-то думала, что ты давно женат и имеешь уже по меньшей мере пятерых детей.

Ничего не могло, быть дальше от истины. Он никогда даже не задумывался о женитьбе. Не то чтобы он имел предубеждение против института брака, но... Интересно, влюблена ли Джулия в Рассела? Разумеется, влюблена. Половина лондонских дам падала в обморок, когда сэр Рассел Олторн театрально входил в зал. Как давно она с ним помолвлена? Когда начался их роман? Они казались такими несовместимыми: независимая, свободолюбивая Джулия и Рассел, отчаянно стремившийся, произвести впечатление на окружающих. Хотя... считается, что противоположности сходятся... дополняют друг друга. Нет, с его стороны было высокомерием так легко судить ее, чисто мужской самоуверенностью. Почему, основываясь лишь на одной незабываемой встрече много лет назад, он решил, что хорошо ее знает? Только потому, что память о ней преследовала его все эти годы? Но это вовсе не означало, что она чувствует по отношению к нему то же самое. Не исключено, что она стала с годами относиться к нему как к негодному соблазнителю, чуть не погубившему ее. То, что для него было значительным жизненным моментом, для нее могло быть унижительным переживанием.

— Ты не обязан выполнять его поручение, — бросила она через плечо, снова направляясь в бальный зал.

— Нет, обязан, — мягко отозвался он. — Я был бы бесчестным негодяем. Рассел действительно рисковал жизнью, спасая меня.

— Честь... — рассеянно пробормотала она. — Что это, в сущности, такое?

— Ты не веришь в честь, Джулия? — Я верю в то, что из-за нее мужчины умирают.

Она отодвинулась от него и тут же влилась в группу гостей, встретивших ее настороженными улыбками. Честь. Он застыл на месте, негодуя, что не смог найти быстрого ответа. Казалось, она презирала само это понятие. Было ли это следствием того факта, что ее муж погиб в Индии жестокой смертью офицера? Война многих женщин ожесточила, ранила, разочаровала.

Друг их семьи, Сэмюел Брекленд, и родной брат Хита, Брэндон, тоже отдали свои молодые жизни за честь нации.

Хиту хотелось хорошенько встряхнуть Джулию. Она задела его за живое, вызвала в нем возмущение. Разве мир устоит, если в нем не останется чести? Кто она такая, чтобы насмехаться над тем единственным, что он ценил? Кто она такая, чтобы заставлять его задумываться, кем он стал? И почему, ради всего святого, он позволил одному ее небрежному вопросу так себя взволновать? Его брат, Грейсон, сотни раз выражал те же чувства, но услышанные от Джулии, они приобрели особый, глубокий смысл. Она неожиданно обернулась и раздраженно, даже с некоторым смущением, заметила, что он топчется за ее плечом. Совершенно очевидно, что ей эта ситуация радости не доставляла. Как и ему. Пытаясь слиться с толпой гостей, она шепотом бросила в его сторону:

— Подите прочь, Хит. Вы ходите за мной, как курица-наседка.

Курица-наседка!.. Он, Хит Боскасл! Никто никогда так о нем не отзывался. Он чуть не рассмеялся. Получалось, что ей такая ситуация была столь же неудобна, как и ему. Господи, если бы его братья видели его сейчас. Если бы только она знала, что он чувствует на самом деле. Если бы он сам себя понимал.

— Хит, — прошептала молодая женщина, стоявшая позади него. — Она сказала — Хит?

— Хит Боскасл?

— Он здесь?

— Где же он?

— Я его не видела. Он редко посещает подобные вечера.

— Я слышала, что он появился на свадьбе своего брата.

— А вы были туда приглашены? Как вы полагаете... может, он подумывает о женитьбе?

Он услышал, как его имя стало повторяться и перелетать из уст в уста, обсуждаться небольшой группкой воинственных молодых женщин, вдруг заметивших его присутствие на балу. И за это он должен благодарить Джулию! Хит терпеть не мог быть центром внимания. Это шло вразрез с его скрытной натурой, его способностью сливаться с тенью и оттуда наблюдать за окружающим миром. А эти девицы... они, наверное, не набрали бы и одной разумной мысли на всех.

Он тактично проскользнул между женских фигур, столпившихся вокруг него, как рой душистых мошек. Ему грозила серьезная опасность быть растерзанным этой толпой щебечущих, энергично обмахивающихся веерами дебютанток.

Он поспешно и ловко отступил, сопровождаемый хором разочарованных вздохов. К тому времени как Хит освободился из этой осады, насланной на него Джулией, ее шелковое платье уже мелькнуло в дверях на противоположном конце бального зала.

Теперь, чтобы ее догнать, требовалось все его искусство кавалерийского офицера. Но их разговор не был окончен. От него нельзя отделаться, как от зеленого юнца, что бы там ни произошло между ними в прошлом. И что бы ни принесло им будущее.

Джулия сделала несколько глубоких вдохов и пошла по освещенному свечами коридору. Тишину нарушал лишь шелест ее шелкового платья. Она шла решительными широкими шагами. Под настроение она легко могла обогнать большинство мужчин своего возраста.

Но Хит Боскасл... это совсем другое дело.

И так было всегда. Она должна была сообразить, что его инстинкты с возрастом станут лишь острее. Что ж, ее тоже. Она больше не была восторженной девятнадцатилетней дурочкой, которая, выпив бокал кларета, завалилась на диван в библиотеке с самым привлекательным мужчиной на свете и готова была отдаться ему с самозабвенным бесстыдством.

Полная презрения к себе, Джулия крепче сжала губы. Господи Боже! Нет! Теперь она была вдовой двадцати шести лет от роду, которая смогла спокойно уйти от этого самого привлекательного мужчины на свете, потому что так было правильно.

Разве нет?

Она предупреждала Рассела, что поручать ее безопасность заботам Хита — мысль ужасная, оскорбительная... Это значит призывать несчастье... Что она не хочет никакого защитника-телохранителя... (по крайней мере не такого, который знает ее лучше, чем она могла признаться кому бы то ни было).

Проблема состояла в том, что Рассел в своей благонамеренной мужской самоуверенности уверил ее, что он один знает, как лучше поступать в ее интересах. Он знает, кому может доверять, на кого может положиться и кем может манипулировать с ловкостью Макиавелли. Хотя, если быть честной, он не сказал, что может манипулировать Хитом, но явно на это намекал. Он собирался оставить ее под защитой самого компетентного человека, какого знал, человека, которому, по его заявлению, доверял больше всех прочих.

А Джулия в ответ могла лишь сидеть на диване в молчаливом отчаянии, пока ее прославленный жених отечески читал ей лекцию, и дожидалась момента, чтобы вставить протестующее словечко.

— Только не Хита Боскасла. Найдите другого офицера... кавалериста... сыщика с Боу-стрит... какого-нибудь борца на покое... наконец, исправившегося преступника.

— Джулия, дорогая. — Рассел присел рядом с ней и окинул ее серьезным пристальным взглядом. — Доверься мне. Я мужчина. Я лучше знаю, как поступать.

Да, он, безусловно, был мужчиной. Возможно, он даже знал, что для нее лучше, но он не знал и никогда не узнает, что произошло между Джулией и Хитом много лет назад в Корнуолле. На диване, очень похожем на тот, на котором они сидели сейчас. И на полу.

Она уставилась на узорчатый турецкий ковер, замороженная воспоминаниями о лежащем на ней полуголом Хите Боскасле, его чутких и ловких руках, его чувственном рте, заклеившем ее навеки жаром своих поцелуев. У него было тело и чувственное обаяние юного бога. От одной мысли о нем у Джулии на миг перехватило дыхание.

Это было самое яркое, сокрушительное любовное переживание, которое ей довелось испытать в жизни. Даже после пяти лет замужества. Необыкновенное приглашение к наслаждению, поразительное откровение, страстное пробуждение...

— Значит, ты согласна, что так будет лучше? Он безжалостный убийца, Джулия...

— Хит Боскасл? — недоверчиво переспросила она, растерянно моргая.

Рассел наградил ее раздосадованным взглядом. Его единственный глаз выразил всю глубину его недовольства.

— Нет, не Боскасл. Кажется, ты меня не слушаешь. Я говорю о человеке, которого намерен отдать в руки правосудия, Джулия, о французском шпионе, пообещавшем убить меня. Об Армане Оклере.

— А-а... — смущенно протянула она. — Но почему? Я имею, в виду, почему не позволить кому-нибудь еще стать героем? Для разнообразия.

Ответ она знала заранее, Рассел вот-вот должен был получить виконтство за отважную службу в легкой кавалерии, за риск, которому подвергался, защищая свою бригаду, причем некоторые из его подвигов, по мнению Джулии, граничили с сумасбродством. Но он обратил на себя внимание великого Веллингтона, и ходили слухи, что Расселу светило золотое будущее в политике. Она знала, что это имело для него очень большое значение и что он заслужил признание своих заслуг.

Ей подумалось, что публичная карьера очень ему подходит. Гораздо меньше она была уверена в собственных талантах хозяйки светских приемов. Ее навыки заржавели. Наверное, ей легче было бы пережить муссон, чем пребывание в лондонском свете. Она слишком привыкла вести себя как заблагорассудится. Может быть, если бы ей с мужем, офицером в полку легких драгун, довелось жить в Калькутте, а не в бунгало на краю отдаленной провинции, она была бы более подготовлена к возвращению на светскую арену.

Она вышла замуж за сэра Адама Уитби всего через месяц после того, как встретила его на скачках. Ее отец поощрял этот брак. Адам был милым, внимательным и бесконечно в нее влюбленным. Она понимала, что он никогда намеренно ее не обидит. Так и было до самой его смерти. Возможно, он уделял ей недостаточно внимания, но не по своей вине.

Как многие другие англичане, он был захвачен мечтой послужить в Индии и нажить там себе состояние. Он уверял Джулию, что их ждет прекрасное будущее. Джулия тоже мечтала о приключениях и с готовностью согласилась последовать за ним. Им потребовалось специальное разрешение армейского начальства на брак.

В Индии ей было нестерпимо одиноко, и Джулия вскоре осознала, что больше всего скучает по туманной, дождливой зеленой Англии и отцу. У нее был повар-француз и полная свобода, но с Адамом они виделись урывками. Они прожили вместе всего три года. Теперь она начинала жизнь заново и понимала, как это сложно. Занять прежнее положение в обществе оказалось не так просто. Большая часть ее подруг были замужем и воспитывали детей. Если б не поддержка Рассела, Джулия все еще билась бы головой о стену светского непонимания. Он помог ей в заботах о смертельно больном отце, виконте Маргейте. Рассел оказался необычайно добрым и терпеливым, он взял на себя труды по похоронам и всем юридическим вопросам. Выросший сиротой, он хотел завести семью, дом, детей. Он ведь сам себя создал.

По правде говоря, Джулия не представляла себе, как бы пережила смерть отца и справилась с делами без Рассела. Голова ее была в тумане и лишь недавно начала проясняться. Она пребывала в полной растерянности, потеряв мужа, а затем, по приезде домой, беспомощно наблюдая, как умирает отец.

Она приняла предложение Рассела, толком его не обдумав. Джулия не сомневалась, что сердце ее успокоится, когда она освоится с новой ситуацией. И потом Рассел был необычайно привлекательной личностью.

Джулия остановилась посреди коридора, чтобы оглядеться и понять, где оказалась. Бронзовые стрелки высоких часов в футляре розового дерева показывали час ночи. У нее была назначена встреча, на которую она уже опаздывала. Нужно торопиться, пока Боскасл не понял, что она покинула бальный зал... Если он уже не догадался об этом. Не стоит его недооценивать. И то действие, которое он на нее оказывал. Как бы ни было чудесно снова видеть его, она не уверена, что эта встреча будет обоим на пользу. Как оказалось, время не уменьшило его привлекательности, и все же...

Джулия не доверяла самой себе, страшилась остаться с ним наедине. Как ужасно узнать о себе такое в двадцать шесть лет!

Она резко раскрыла веер из слоновой кости и внимательно взгляделась в него в полумраке коридора. Между его пластинками была спрятана самодельная карта дома, показывающая расположение комнат.

Большой крестик отмечал кабинет хозяина бала, графа Одема. Получалось, что эта комната находится сразу за углом, слева от нее, через четыре двери.

Без дальнейших затруднений Джулия нашла место назначенной встречи, однако дверь оказалась заперта. Она приложила ухо к филенке и услышала в комнате несомненный шелест бумаг. Недовольно нахмурившись, она коротко и тихо постучала.

Раз.

Второй.

Третий.

И нетерпеливо прошептала:

— Ради всего святого, Гермия, откройте дверь, пока меня не поймали.

Дверь тут же распахнулась. Бледное удлиненное лицо тетушки с короной серебристо-белокурых волос хмуро выглянуло из-за двери. Джулия протиснулась мимо тетушки в комнату, моля Бога, чтобы ее никто не заметил.

— Почему ты меня не впускала?

— Ты не постучала секретным стуком.

— Господи Боже! — пробормотала Джулия, глядя на разбросанные по комнате письма и раскрытые конверты. — Это какой-то разгром. Надеюсь, ты нашла то, что искала?

Ее тетушка поправила вазу с павлиньими перьями, которую уронила на ковер.

— Не нашла. Этот негодяй очень хорошо спрятал свои секретные бумаги.

— Ну тогда поскорей прибирай этот беспорядок.

— Зачем я буду это делать?

— Ты хочешь, чтобы граф узнал, что ты взломщица?

— Мне плевать на его мнение обо мне.

Джулия опустила на колени и стала поспешно собирать разбросанные письма в аккуратную пачку.

— Помоги мне, пожалуйста.

— Ладно. Нет, эти лежали в нижнем правом ящике секретера. Они были в шкатулке, перевязанные красной ленточкой.

Джулия полезла под секретер.

— А эти ты видела? — спросила она, заглядывая в портфель со старыми письмами.

— Нет, — нахмурилась Гермия. — Наверное, это выпало из ящика. Можешь посмотреть, что там за бумаги?

Джулия вздохнула.

— В такой темноте я едва могу их разглядеть. Вроде бы деловые письма. Давай посмотрим их повнимательнее.

— У нас кончается время. Я сказала Одему, что встречу с ним в половине второго.

— Как ты сможешь смотреть ему в глаза после того, как обыскала его личные вещи? — с досадой поинтересовалась Джулия, выползая из-под секретера.

— Вопрос очень интересный, — протянул приятный низкий голос над ее головой. — Может, вам стоит попрактиковаться на мне, испытать свою невозмутимость прежде, чем я провожу вас к графу.

Джулия быстро выпрямилась, глаза ее потемнели от волнения. Итак, он последовал за ней. Она должна была догадаться.

Он был категорически не похож ни на одного из ее знакомых. Этот человек всегда был на два хода впереди других. Он получал удовольствие, анализируя человеческие характеры. Его тихая повадка скрывала опасную пронизательность, которая, на удивление, странным образом шла ему, была одной из многих его обаятельных черт.

— Боскасл! — ахнула за спиной тетушка. — Что, ради Зевса, вы здесь делаете?

— Это я должен вас спросить...

— Он меня охраняет, — нетерпеливо вмешалась Джулия.

— Что? — недоуменно переспросила Гермия.

— Охраняет меня, пока Рассел бегает в поисках этого француза. Разве это не самая дурацкая идея, которая могла прийти кому-либо в голову?

Леди Далримпл окинула Хита восхищенным взглядом.

— Я думаю, это гениальная мысль: нанять Боскасла в качестве личного телохранителя. Я понятия не имела, что его можно нанять, иначе сама бы схватилась за него.

— Его нельзя нанять, — с притворным сожалением покачал головой Хит. — По крайней мере не за деньги.

Брови Гермии подскочили в немом изумлении.

— Тогда почему же?..

— Потому что Рассел боится, что этот француз, который намерен убить его, может наслать кого-то на меня, пока Рассел за ним охотится, — коротко объяснила Джулия. — Он боится, что меня возьмут в заложницы... Словно кто-нибудь захочет с этим возиться.

— Ты не можешь винить его за то, что он хочет тебя защитить, — заметила Гермия.

Хит резко обернулся.

— Сюда кто-то идет. Судя по звуку шагов, мужчина. Предлагаю закончить это волнующее обсуждение попозже.

Гермия схватилась за руку Джулии.

— Это Олдрик. Спрячьте меня.

Джулия с досадой окинула взглядом ширококостную фигуру своей тетушки. Красное шелковое платье с турнюром из тафты лишь подчеркивало ее могучую фигуру, никак не давая ей слиться с окружающей обстановкой.

— Куда, по-твоему, я могу тебя спрятать?

— За секретер... мы все должны спрятаться, чтобы избежать объяснений.

— Я прятаться не стану, — объявил Хит, скрепя руки на груди. — Я не сделал ничего плохого и отказываюсь...

Гермия схватила его за рукав и одновременно резко толкнула Джулию в сторону секретера.

— Мы все объясним вам позднее, Боскасл. Но жизненно важно, чтобы Олдрик нас не застал. — Она посмотрела Хиту в глаза. — Вы человек светский. Сомневаюсь, что вас может шокировать мелкий скандал. Видите ли, Олдрик меня шантажирует.

— Граф вас шантажирует?!

Раздался звук поворачиваемого в замке ключа, они втроем нырнули за секретер, и дверь медленно отворилась. Хит стоял па коленьях, зажатый между обнаженными плечами Джулии и пышным бюстом Гермии. Не было возможности даже пальцем шевельнуть. Он не помнил, чтобы когда-нибудь оказывался в такой дурацкой ситуации.

Джулия подняла голову и посмотрела ему в лицо. Уголки ее сочных алых губ приподнялись в еле сдерживаемом смехе.

В тот давний день, который она провела с ним, Джулия много смеялась. Из-за пустяков и серьезных вещей. И сейчас ему внезапно... необъяснимо тоже захотелось смеяться, несмотря на то, что его по-прежнему влекло к ней, несмотря на то, что она выходит замуж за его соперника, что ее колено упирается ему пониже спины... Ему безумно хотелось посмеяться над капризом судьбы.

Но вместо этого Хит сосредоточил внимание на паре обутых и кожаные туфли мужских ног, расхаживающих по комнате. Графа Одема никак нельзя было назвать молодым человеком: ему было за шестьдесят. Но он был моложав, и при встречах с ним в клубе Хит наблюдал остроту его ума и проницательность.

А еще Одем был достаточно внимателен, чтобы заметить валявшееся на полу письмо.

— Черт, — мягко произнес граф, наклоняясь, чтобы поднять его. — Кто-то обшаривал мой секретер. Не очень приятная история. Поступок, прямо скажем, недружелюбный.

Он встал на колени, лицо его оказалось практически на одном уровне с лицами трех гостей, теснившихся за секретером. Каким-то чудом граф вроде бы их не заметил. Еще один дюйм, и это наверняка бы произошло.

Хит нахмурился. Он не представлял, как, застигнутый за обыском кабинета хозяина дома, сможет объяснить ситуацию. Он ведь сам ничего не понимал в происходящем. Черт побери, он даже не знал, почему прячется!..

— Неуклюже, как неуклюже, — бормотал тем временем граф и, откашлявшись, добавил громко и внятно: — Очень хорошо, что я не прячу здесь мои личные бумаги.

Несколько мгновений спустя он удалился, мурлыча под нос какую-то песенку, и запер за собой дверь. Гермия выползла из-под секретера, выпрямилась и оправила платье и турнюр.

— Да-а, — протянула она. — Бодрящее переживание.

Хит поднялся на ноги и смерил ее мрачным взглядом.

— Я вряд ли могу назвать «бодрящим» преступление.

— Это вовсе не преступление! — воскликнула Джулия, бросаясь на защиту тетушки. — Одем направил нам личное приглашение.

— И в этом приглашении предлагалось перевернуть вверх дном его кабинет? — раздраженно фыркнул Хит.

— Побудьте здесь еще несколько минут, пока я удостоверюсь, что берег чист, — проговорила Гермия, несколько не смущенная его презрением. — Вы же где-то там немножко шпионили, Боскасл. Уверена, что вы меня поймете.

— Шпионажем я никогда не занимался. И сомневаюсь, что хочу быть втянутым в эту историю.

— Я тоже не хочу, — прошептала Джулия у него за плечом. — Но все-таки она моя тетка, и мне не хочется, чтобы ей причинили вред.

Хит обернулся и всмотрелся в ее белеющее в полумраке лицо. Его всегда привлекали контрасты ее внешности: бледный цвет лица, огненно-рыжие волосы, широко расставленные выразительные глаза, гладкая кожа... Но Хита тянула к ней не только утонченная красота. В Джулии были ум, сердечность, теплота... Джулия была личностью. Он вдруг подумал, понимает ли Рассел, во что ввязался и насколько ему повезло.

— Полагаю, вы такое проделываете не слишком часто?

— Хотите верьте, хотите нет, но это наша первая попытка «проникновения и взлома».

Он вытащил из жилетного кармана карту дома, которую она обронила в коридоре, и весело ухмыльнулся:

— О, этому я верю. Надеюсь, она станет и последней.

Ее полные губы изогнулись в легкой улыбке.

— Одного опыта более чем достаточно для некоторых приключений. Не правда ли? Особенно греховных.

Не было никаких сомнений, на что она намекала. Его пульс мгновенно участился в ответ.

— Не знаю, Джулия. Некоторым из нас первый вкус соблазна лишь разжигает аппетит.

— Тогда хорошо, что я не рьяный гурман.

— А может быть, ты сидела не за тем столом, — вежливо откликнулся он.

— А может быть, я предпочитаю есть одна.

Хит медленно улыбнулся. Он не мог вспомнить, когда в последний раз сражался на словесной дуэли с женщиной, не зная, победит или проиграет. Этот вызов горячил ему кровь.

— Эй вы, двое, пошли, — прошептала от двери Гермия. Она приоткрыла ее, снова выглянула в коридор, затем исчезла и нем. — Не время вспоминать прошлые знакомства.

Хит лишь растерянно покачал головой. Он до сих пор не понял, что они здесь делали и как он оказался в самой гуще этого непонятного заговора.

— Что тут происходило? — произнес он, снова обращаясь к Джулии. — В чем, собственно, было дело? Не ждете же вы, что я поверю, будто безобидный старый Олдрик шантажирует вашу тетушку?

— Но это правда, — с извиняющимся видом пожала плечами Джулия.

— Тогда с этим нужно бороться по всем правилам. То есть привлечь власти, а не рыться в чужом столе.

— Но это ведь не обычное гражданское дело, — обыденным тоном заметила Джулия. — А сугубо личное. Олдрик угрожает опубликовать старые любовные письма Гермии, если она не согласится на его требования.

— То есть... — Хит оборвал фразу, потому что ему стало очень любопытно.

Для мужчины, который редко бывал в свете и не знал сплетен, такое любопытство было вполне простительно.

— Как вообще попали к нему письма твоей тетушки?

Джулия потрянула головой.

— Они были написаны ему.

Хит еле сдержал ухмылку.

— Ты шутишь?

— Боюсь, что нет. Видишь ли, много лет назад у Олдрика с Гермией был бурный роман, и она по глупости описала некоторые детали их связи в письмах.

Джулия посмотрела ему прямо в глаза, словно предостерегая не упоминать некоторые подробности их собственного прошлого. Но Хит невероятным усилием воли превратил свое лицо в холодную маску.

— И Олдрик пригрозил опубликовать ее письма, если она не заплатит ему какую-то несусветную сумму? — поинтересовался он, пытаясь, чтобы в голосе прозвучало приличествующее случаю отвращение.

— Нет. — Джулия обошла его, коснувшись платьем. — Не совсем. Он пригрозил, что выставит их роман на всеобщее обозрение, если она не согласится выйти за него замуж.

Хит больше не мог сдержать рвущуюся наружу улыбку. Объяснение оказалось совсем не таким, какого он ждал, гораздо более разумным. Образ Олдрика — злобного шантажиста растаял. Пожилой граф, влюбленный в бойкую вдовушку — соблазнительницу его юности настолько, что дошел до шантажа... Хит потер переносицу, чтобы не расхохотаться. Возможно, необузданная страсть была семейным свойством семейства Джулии. По крайней мере в его роду это передавалось по наследству. Неудивительно, что двое молодых людей с подобной наследственностью, оставшись наедине, явили взрывное сочетание. Что поделаешь? Такая кровь!

— Господи Боже, — произнес он. — Кто бы мог подумать? Олдрик и твоя тетушка?!

— Моя тетушка в ужасе от того, что ее нескромное прошлое будет выставлено на суд публики.

— Да уж. Могу себе представить. Гермия и Олдрик, наверное, были огненной парочкой. В свое время.

Джулия бросила на него быстрый предостерегающий взгляд, словно напоминая, что ей тоже хотелось бы похоронить их личное прошлое. Но ей не нужно было волноваться. У Хита не было намерения возродить это прошлое, поэтому так, на удивление, неожиданно прозвучали следующие ее слова:

— Чтобы прояснить ситуацию, скажу, что не забыла случившееся тогда между нами, в библиотеке.

Хит глубоко втянул в себя воздух и притворился, что разглядывает глобус на бронзовой подставке в углу кабинета. К чему она это сказала? Прояснить ситуацию... Как же!.. Ее откровенность лишь разожгла тлеющие угли. Теперь их прошлое стало открытой темой и требовало дальнейшего обсуждения.

— Я тоже ничего не забыл.

— Возможно, нам стоит проверить дверь? — сказала она, бросив на него выразительный взгляд. — На всякий случай... чтобы не оказаться запертыми внутри.

Хит мрачно посмотрел на нее.

— Возможно.

Наступило молчание. Хит позволил ему затянуться. Он давно понял, что о человеке по его молчанию можно узнать гораздо больше, чем по разговору. Что же узнает он сегодня о Джулии? Он продолжал исподтишка наблюдать за ней. Он никогда не знал в точности, какие чувства она к нему испытывает. Но можно, он тогда совершил непоправимую ошибку, и она не в силах его простить? Он мог ее просто отпугнуть.

Сейчас она была холодна, как снежинка на февральском морозе. Молчание, казалось, совсем ее не смущало. Что ж, ее жизнь тихой не назовешь: выстрелить в соотечественника-

англичанина, защищая слугу-туземца... Либо старые правила на нее не действовали, либо она никогда их не придерживалась. Она прошла мимо него и сама проверила дверь. Ее уверенность в себе и целеустремленность пробудили в нем все спящие чувства, повлекли к опасности, ранее ему незнакомой.

Она действительно была Джулией Хепуэрт, но не той Джулией, которую он с нежностью вспоминал в буйных эротических фантазиях. Пожалуй, источаемый ею соблазн удесят�ерился. Сердце Хита тяжело и грозно дрогнуло. Как такое может быть? Какая-то частица его души тосковала по беспшабашной юной девушке его молодости — девушке, которая смеялась над жизнью и делила с ним свою невинность. По крайней мере ту он мог вести за собой... руководить ею.

— Я слышал, что твой отец умер, — сказал он, стараясь найти безопасную тему для разговора. — Мне очень жаль, Джулия.

Она послала ему через плечо взгляд, в котором смешались благодарность и пронциательность.

— Он бы обрадовался, если бы ты навестил его. Большинство друзей остались равнодушны к его болезни. В конце он не мог сосредоточиться, мысли разбегались, но перед смертью его разум вернулся и был остер, как и прежде. Вы бы хорошо побеседовали.

— Жалко, что я этого не знал. — И Хит сказал это искренне.

Отец Джулии был добросердечным великаном, заразительно жизнелюбивым, истинным джентльменом, человеком щедрым до глупости. Большую долю своих добрых качеств он передал единственной дочери.

— Я тоже потерял отца, — помолчав, произнес Хит.

— Рассел мне говорил, — сочувственно кивнула она. — Но думаю, тебе было легче, у тебя много братьев и сестер.

— Они разделяют горе, но... Ты была близка с отцом?

Она улыбнулась, и ее улыбка застигла его врасплох. Она повзрослела, и это пошло на пользу ее внешности, подчеркнуло благородство лица, гармонично сочетая широкий рот и волевой подбородок. Она стала ярче. Теперь очевидно, что она женщина с характером.

— Ты ему нравился. До последнего месяца его жизни я даже не подозревала насколько...

У него не было времени спросить, что она имеет в виду.

В коридоре перед кабинетом раздались голоса, прервав их нежданно возникшую интимность. Они попятнулись друг от друга, шагнули к двери, создавая впечатление двух поврозь заблудившихся гостей. Хит остановился и молча посмотрел, как она скрылась в гардеробной. Он понятия не имел, какое извинение придумает, но в одном не сомневался: не станет он целый месяц сторожить Джулию для другого мужчины.

Джулия отступила в гардеробную, смущенная и огорченная собственным поведением. Все эти годы она, оказывается, обманывала себя. Считала, что изменилась, стала сильнее. Сколько наставлений она прочла себе перед зеркалом, сколько воображаемых бесед провела сама с собой. Какие придумывала остроумные ответы, как готовилась ловко и холодно держать его на расстоянии.

Все это забылось, едва она посмотрела в незабываемо синие глаза Хита Боскасла. Она словно снова превратилась в пустоголовую девчонку, а вдова не первой молодости сразу куда-то исчезла. Невероятно, неловко, непонятно, что он полностью разрушил ее защиту и так глубоко ее взволновал. Единственной разницей между тем временем и этим было то, что

она научилась скрывать свои чувства. Но Джулия продолжала их ощущать... хотя не могла винить его за тот отклик, который он в ней пробуждал.

Она мазнула по запястьям губочкой, смоченной в апельсиновой воде, в надежде, что ароматная прохлада успокоит ее нервы. Хит был обаятелен, как всегда, и так искренне добр, говоря о ее отце, но от этого ей становилось только хуже. Так же, как от воспоминания о предсмертных сожалениях отца, что не вышла она «замуж за Боскасла».

— Будь оно все проклято, — разозлилась она и швырнула губочку в фаянсовый таз для умывания. — Будь прокляты все мужчины!..

— Ну, наверняка не все, — шутливо произнес у нее за спиной приятный женский голос. Джулия медленно повернулась и увидела миниатюрную женщину лет тридцати, вольно раскинувшуюся на бархатной кушетке. При виде ее удивления женщина лениво поднялась с уверенной грацией императрицы. Ее имя вертелось у Джулии на языке. Она ее узнала.

— Вы...

— Одри Уотсон, — проговорила женщина с приветливой улыбкой. — Вы меня помните?

— Конечно. Мы встречались в Гайд-парке много лет назад.

Джулия выдавила улыбку, напоминая себе, что она в Лондоне и нужно следовать правилам общения, ею почти забытым. Во время их прошлой встречи Одри была любовницей знаменитого портретиста. Судя по тому, что Джулия потом читала в газетах, этот роман был лишь началом успешной карьеры куртизанки. Лондонское общество обожало Одри. Она устраивала скандальные приемы и продавала свои интимные услуги по сногшибательным ценам.

Господи Боже! Куртизанка!.. Какое славное возвращение в высший свет!

Словно читая мысли Джулии, Одри улыбнулась:

— Вы, разумеется, наслушались сплетен обо мне. Не сомневайтесь, дорогая... все они верны.

Джулия растерянно моргнула. Она сразу поняла, почему общество было очаровано этой женщиной. Одри буквально источала легкую шутливость.

— В таком случае разрешите вас поздравить. Вы лучше справляетесь с противоположным полом, чем я.

Одри посмотрела на нее с тревогой.

— Вы ведь леди Уитби? Не так ли? Джулия Хепуэрт, которая обожает стрелять.

— Виновна. Признаюсь.

Одри радостно рассмеялась:

— Вы так же печально известны, как и я, и мы обе заслужили нашу славу.

— Боюсь, на этом наше сходство заканчивается, — объявила Джулия с притворной торжественностью. — Видите ли, я навлекла на себя позор, стреляя в мужчин, а вы... вы...

— Позволяя стрелять им, — проказливо усмехнулась Одри. — Впрочем, я оставила нескольких любовников... покалеченными... Может быть, этот факт заставит вас почувствовать себя лучше.

Джулия вздохнула, вспомнив, почему поспешила спрятаться в этой комнате.

— Хотела бы я, чтобы мои проблемы были так просты.

Одри понизила голос и со значением кивнула в сторону молодой служанки, расправлявшей плащи и накидки, попутно прислушиваясь к каждому словечку их разговора.

— Не вас ли я видела несколько минут назад, тайком спешащей на свидание с Хитом

Боскаслем? — тихо осведомилась она.

Джулия изумленно открыла рот. Она совершенно забыла, что у светского общества всюду есть глаза и уши.

— Это было вовсе не свидание.

Одри многозначительно улыбнулась, давая понять, что она знает лучше.

— В дамских кругах утверждают, что даже находиться в обществе любого Боскасла равнозначно свиданию. Женщины теряют рассудок, Джулия.

— Это, безусловно, так, — не думая, подтвердила она.

— Они самые милые повесы в мире, — восторженно заявила Одри. — Я обожаю их.

По непонятной причине восторги Одри не вызвали у Джулии никакой радости. Знать, что другие женщины находят Хита неотразимым, не слишком приятно. По правде говоря, это лишь усилило его грешное обаяние и еще раз подчеркнуло, что ситуация с охраной попросту невысказана. Подумать только: Хит Боскасл — ее телохранитель!.. В нем эта ситуация тоже никакого энтузиазма не пробудила, и Джулия никак не могла по в этом винить. Какая тяжкая обязанность легла на его плечи! Джулия сразу успела впутать его в дурацкую историю отношений ее тетушки с графом.

Глаза Одри распахнулись в предвкушении чудесного скандала.

— Только не говорите мне, что Боскасл попросил вас стать его любовницей.

— Разумеется, нет, — вздохнула Джулия.

— Неужели женой? — ахнула Одри. — Я упаду в обморок от зависти.

— Вы явно не слышали последних новостей, — сухо откликнулась Джулия, вновь сознавая, насколько отвыкла она от светской болтовни. — Я помолвлена с сэром Расселом Олторном.

— С Олторном? — В голосе Одри прозвучало явное разочарование. — О-о!..

Молодая служанка бросила удивленный взгляд на Джулию и стала внимательно в нее всматриваться. Дверь гардеробной отворилась, впуская трио щебечущих дебютанток. Одри изящно отошла, уступая место. Она послала Джулии извиняющуюся улыбку и быстро вернула своему лицу невозмутимую мину, но последующее замечание только еще раз подтвердило ее истинные чувства.

— Что ж, в таком случае я согласна с вашими предыдущими словами.

Джулия заколебалась. Вообще-то настал самый подходящий момент, чтобы сбежать. Ей вовсе не хотелось быть втянутой в какие-то лишние откровения насчет ее прошлых отношений с Хитом. Или нынешних. Но Одри так ловко возбудила ее любопытство, что Джулия поняла: ей придется вкусить это яблоко, несмотря на то, что сделает с ней потом змей. Одри явно неприязненно относилась к Расселу.

— Мои предыдущие слова? — мягко переспросила она. — Что вы имеете в виду?

Одри покачала головой.

— «Будь прокляты все мужчины». Вы же именно это сказали, едва вошли сюда.

Да, она сказала именно это, но теперь в маленькую комнатку втиснулись еще три женщины. Сейчас было не время и не место продолжать этот разговор. Ее репутацию вряд ли укрепит беседа с известной куртизанкой. Интересно, может быть, Одри знает Рассела не понаслышке? И у нее есть причины его невлюбить? Возможно, Рассел публично отверг ее? Или же она просто была так очарована Боскаслами, что все другие мужчины проигрывали в сравнении?

Джулия сказала себе, что дело, видимо, в этом.

Она по опыту знала, что Боскаслы — обаятельные дьяволы, рядом с которыми простые смертные бледнеют и сливаются со стенами.

Следующие полчаса Джулия просидела в уголке бального зала рядом с тетей, терпеливо отвечая на расспросы о своей жизни в Индии. Как выжила она, находясь столько времени вдали от цивилизации? Продолжаются ли до сих пор ее ночные кошмары? Неужели ее слуги продолжают курить хукки и считать ее «неверной»? Граф Одем несколько раз пытался вытащить Гермия потанцевать, но она отказывалась и говорила, что он ведет себя как тщеславный старый дурак. Впрочем, Джулия подозревала, что тетушка наслаждается его вниманием и все еще питает к графу глубокие чувства, хоть и не может простить ему измены. Джулия не могла ее осуждать. На ее месте она чувствовала бы то же самое.

— Ты знаешь, — произнесла Гермия, прикрывая губы веером, — что скандально знаменитая куртизанка Одри Уотсон сегодня здесь?

— Да, — откликнулась Джулия, глядя на танцующих, чтобы избежать прямого взгляда в глаза тетушки. — Я разговаривала с ней.

Гермия потрясенно опустила веер.

— Ты с ней говорила?

— Да. Она очаровательная женщина.

— Что она тебе сказала? — заинтересованно спросила тетушка.

— Она... — Джулия с досадой замолчала.

Сосредоточиться на нормальном разговоре не получалось: Хит весь вечер держал ее под пристальным наблюдением и даже не пытался это скрывать. Когда она вышла из гардеробной, он стоял неподалеку и терпеливо ждал ее. Его присутствие наверняка должно было подбавить убежденности рассуждениям Одри о том, что между ними что-то происходит. Он проводил Джулию обратно в бальный зал и с тех пор не сводил с подопечной глаз. Двадцать минут тому назад она попыталась ускользнуть из душной, пропахшей разнообразными духами атмосферы в сад, но Хит каким-то сверхъестественным инстинктом предвосхитил ее желание и ждал на террасе, невозмутимо покуривая сигару.

— Какая неожиданность: вы тоже здесь, — сказала она. Сердце Джулии гулко билось где-то у горла. — Мы снова встретились.

— Не желаете ли пройтись? — спросил он и, скрывая за вежливостью истинного джентльмена намерения опытного искуителя, предложил ей руку.

Джулия его жест проигнорировала, хотя внутренне не могла не признать, что на роль телохранителя он подходил лучше всех.

— Да, благодарю вас, мне хотелось бы прогуляться... Но если не возражаете, одной. В Индии я привыкла бродить в одиночестве.

Хит посмотрел на темные аллеи сада.

— Я не могу этого позволить, — извиняющимся тоном произнес он и покачал головой.

— Не можете позволить...

— Военная дисциплина, и все такое. — Он пересек террасу и приблизился к Джулии, по дороге сунув сигару в горшок с каким-то растением. — В данный момент я всего лишь выполняю приказ.

Она скрестила руки, чувствуя растерянность. Ей не хватало воздуха. Право, Хит слишком далеко зашел в своей ответственности за нее.

— Так дело не пойдет.

— Согласен, — отозвался он, смущенно улыбаясь.

— Согласны?

Он шагнул в круг лунного света и прямо встретил ее изумленный взгляд. Серебристый лунный свет и тени лишь усиливали привлекательность его лица.

— Как давно умер ваш муж?

— Четырнадцать месяцев назад.

Он помолчал. Она почти видела, как он мысленно оценивает события этого периода. Четыре месяца на плавание из Индии. Еще месяц или около того на визиты к родным... Поддержка Рассела помогла ей справиться с болью, когда она была слишком расстроена, чтобы ясно мыслить. Рассел поджидал Джулию в Дувре, заранее снял ей номер в гостинице, чтобы она отдохнула, и лишь потом поспешил отвезти ее к постели больного отца. Он позаботился обо всем. Буквально ошеломил вниманием и учтивостью. Да, именно так. Теперь она начала приходить в себя, спустилась с небес на землю и была наконец способна думать самостоятельно. Временами она жалела о том, что приняла предложение Рассела, не дав себе толком отдышаться. Однако ей не хотелось вновь оказаться одной, а он выказал себя преданным и падежным другом. Они оба хотели детей, и Джулия страшилась лишь того, что они еще недостаточно знают друг друга.

— Хотите прогуляться? — внезапно спросила она Хита, слегка смущенная его настороженным молчанием, напоминая себе, что он действует в ее интересах.

И он не виноват в том, что в его присутствии ее сердце билось как бешеное.

Хит окинул сад внимательным взглядом.

— По размышлении, нет. Вероятно, внутри дома будет безопаснее.

Безопаснее? Но от какой угрозы? Она пошла рядом с ним. В воздухе повисли вопросы без ответа. Неужели он имел в виду, что ее общество несет ему угрозу? Если он испытывал к ней какие бы то ни было чувства, то скрывал их слишком хорошо. Казалось, это должно было ее успокоить.

— Вы действительно думаете, что Рассел в опасности? — спросила она.

— Рассел так считает. — Хит повернулся к ней, и взгляд его пронизательных голубых глаз вонзился ей прямо в сердце. — Оклер способен на все. Это я знаю по опыту. А вот чего я не знал, так это что он приступил к действиям. Я надеялся, что мы больше о нем не услышим.

Джулия должна была сознаться, что испытывала очень приятное чувство, прогуливаясь рядом с этим крепким широкоплечим мужчиной. Он мог разрушить ее самообладание, она могла не доверять своей выдержке, находясь с ним наедине, но никто не мог усомниться в его способности ее защитить. И не могла она оспорить мнение Одри Уотсон, что общество Боскаслов ошеломляюще действует на чувства. Да и разве можно забыть, что именно этот мужчина обладает необыкновенным талантом обольстителя?

Джулия окинула взглядом сад и тихо ахнула:

— Ваша сигара... она все еще дымится в том горшке.

— Пусть дымится, — ухмыльнулся он.

— Но там, где дым...

— Там обычно поблизости один из Боскаслов.

Пусть дымится!.. Ничего себе!

Джулия ощущала, что в ней тоже медленно тлеет пламя, готовое вспыхнуть в любой миг. С этим настроением она спустя минуту вошла в бальный зал и вновь погрузилась в его

душное, озаренное свечами тепло. Как и можно было ожидать, несколько гостей устали сидеть на них, некоторые просто из любопытства, другие — не скрывая удивления. Хит, казалось, не замечал этого, или же ему было все равно. По правде говоря, он привлекал больше внимания, чем Рассел, который так жаждал интереса общества и наслаждался им. Джулия высоко держала голову и даже позволила легкой полуулыбке играть на губах. Если бы не Хит, она осталась бы на воздухе еще на полчаса или даже на час. Рассел не поверил ей, когда она предупредила, что растеряла все светские манеры. А может быть, она утратила терпимость к подобной чепухе. Ей пришлось иметь дело с проблемами, гораздо более сложными и серьезными.

Хит отвернулся, чтобы побеседовать с пожилой парой, но продолжал держать Джулию за руку, не давая ей ускользнуть. До нее донеслись обрывки разговора группы пышно разодетых матрон, стоявших неподалеку.

— ...и даже не хватает приличия одеться в полутраур.

— ...Ну чего можно ждать от вдовы, которая прострелила мужчине... я не могу даже произнести это слово!

Хит огляделся и прервал свой разговор, объявив:

— Задницу. Она выстрелила этому ублюдку в задницу. Я, правда, не знаю — в левую или правую ягодицу. Вам следует спросить об этом ее саму.

— О, никогда!.. — воскликнула матрона.

— Пожалуй, стоило бы, — возразил он с дьявольской ухмылкой. — Это могло бы принести вам большую пользу. Возможно, даже удержало бы вас от повторения сплетен на балу.

Хит сердечно раскланялся с пожилой парой, ответившей ему одобрительными улыбками. Затем, взяв Джулию под руку, он повел ее на середину зала, под мерцающее сияние трехъярусной хрустальной люстры. Туда, где все могли их рассмотреть. Ну конечно, самый желанный и востребованный повеса и печально прославленная вдова, прострелившая задницу английскому солдату.

— Благодарю вас, — сухо произнесла она, когда с оркестрового помоста донеслись звуки веселого контрданса. — Это должно невероятно вознести мою репутацию.

Его ответа она не расслышала. Низкий голос Хита был совершенно заглушен внезапным взрывом скрипок, виолончелей и флейт, которым разразился оркестр. Впрочем, Джулии показалось, что дерзкий шалопай откликнулся:

— Так все-таки в левую или в правую?

Она ощущала себя неуклюжей, и негнущейся, как деревянный щелкунчик. Другие танцующие пары исподтишка бросали ил них любопытствующие взгляды, возможно, сравнивая непринужденную грацию Хита с неуверенными движениями Джулии. Они словно ждали, что она вытащит пистолет и начнет ни расстреливать по одной все свечи в люстре. Ее раздосадовали собственные размышления о том, как воспринимают ее люди. Ей была ненавистна мысль, что какие-то ее слова или поступки могут поставить в неловкое положение Рассела, подорвать его репутацию, над которой он так долго и старательно трудился.

Она повернулась не в ту сторону, но Хит крепко сжал ее руку и твердо развернул, снова введя в ритм. Он так ловко и так изящно провел ее через все па, словно мог повторить это даже во сне. Танец с ним тяжело сказывался на ее нервах. Его мужественное обаяние действовало на нее отвлекающе, у нее никак не получалось сосредоточиться на том, что она

делает. Хотелось ей признавать это или нет, но она чувствовала себя неуклюжей, незелантной, казалось, ее манеры и повадка слишком заржавели за многие годы пренебрежения ими.

Однако постепенно Джулия успокоилась. Она послушно подчинилась ему в танце, его умению и грации. Его невозмутимость заражала и ее. Она понимала, что он полон решимости мягко и ненавязчиво помочь ей расслабиться.

Хит всегда был слишком наблюдательным. Он замечал каждую ее ошибку, и да, конечно, ей следовало носить полутраур. Рассел тоже так считал, но она не смогла принудить себя следовать традициям. Она потеряла мужа и отца, но, не надевая черное, вовсе не хотела оскорбить их память. Отец ее презирал траурную одежду, утверждая, что вдовы выглядят в них как черные вороны. Вот и Джулия отказывалась следовать требованиям этикета только из уважения к людям, которых она знать не знала. По правде говоря, она почти не знала сэра Адама Уитби, когда выходила за него замуж, да и ко времени его смерти узнана немногим лучше. Но если бы жизнь дала ей шанс, то Джулия была бы ему хорошей женой. Она верила в данные обеты.

Джулия и ее молодой муж за год их пребывания в Индии виделись всего несколько раз. Адам вечно переезжал с одной заставы на другую, а она заполняла часы одиночества чтением и рисованием. Сейчас она чувствовала себя виноватой из-за того, что не тосковала по нему. У нее не осталось даже ребенка. А вот что у нее было, так это солидное отцовское состояние, а еще унаследованная уверенность, жажда жизни и страстность. Это поможет ей выжить.

— Вы снова движетесь не в ту сторону, — прошептал Хит, явно забавляясь происходящим.

Он круто развернул ее в противоположном направлении.

— Я стараюсь убежать.

— От меня? — Он одарил ее проказливой улыбкой. — Дорогая, как вы можете?

— Трудно поверить. Не так ли?

— Просто невероятно. Такого никогда не бывало! А я-то думал, что веду себя идеально.

В этот момент такт свел их очень близко, тела соприкоснулись, жар вспыхнул сильнее, взгляды сомкнулись. Джулия утратила способность думать, двигаться, дышать. Грудь в тесном заключении корсажа пошла иголочками, дрожь неукротимых ощущений разбежалась волнами по телу. Взгляд Хита потемнел признанием... пониманием — о, насчет обольщения ему было известно все! — но тут танец вновь развел их.

Джулия смогла вздохнуть свободно.

Напрасно она думала, что Индия — самое опасное место. Ее охватила неожиданная, безудержная потребность сбежать из бального зала и спрятаться где-нибудь. Рассел убеждал ее, что она может легко вернуться в свет и выжить в нем, но она давно подозревала, что он ошибается. В любом случае он уже демонстрировал все признаки того, что станет подолгу отсутствующим мужем. Джулия начинала раздумывать, не суждено ли ей провести остаток жизни в одиночестве, пока он будет доказывать где-то свою отвагу. Он всегда ощущал себя не на месте в высшем свете, вечно мучился своим низким происхождением. Никакие уверения Джулии не укрепляли его веру в себя. Он был неуверенным и надменным одновременно. Такой уязвимый и чувствительный.

Однако при этом он был одним из немногих мужчин этого мира, готовых жениться на скандально известной вдове. Кроме того, они были много лет знакомы.

Почти так же долго, как с синеглазым дьяволом, крутившим ее по бальному залу.

Танец кончился.

Джулия испустила вздох облегчения и заметила, что с противоположной стороны зала ей улыбается Одри Уотсон. Взгляд Одри перешел на Хита и задержался на нем. Она была не единственной присутствующей здесь женщиной, которая не сводила с него томных глаз. Вполне понятно, что он обзавелся целой свитой поклонниц в высшем обществе.

Было бы легко обвинить его в том, что произошло много лет назад. Даже теперь Джулия не была уверена, кто из них стал инициатором того первого поцелуя, она или он. Она задумалась, как поведет себя, если вновь появится возможность повторить тот памятный день. Докажет ли она ему и самой себе, что стала мудрее? Этого ей никогда не узнать. Шанс возобновить прошлое пропал навсегда.

Хит отвел ее к тетушке. Джулия решительно обернулась к нему. Нет, это не должно продолжаться. Со стороны Рассела было неразумно, неправильно обращаться с подобной просьбой к Хиту, нельзя было ставить его в такое неловкое положение. Прошлого не воскресить.

— Я освобождаю вас от обязательств, — вполголоса произнесла она.

Он пристально смотрел ей в глаза. Лицо его ничего не выражало.

— Вы меня слышите? — повторила она взволнованным голосом. — Мы не можем так продолжать... Это... возвращает слишком многое. По крайней мере для меня.

Он кивнул. В синих глазах вспыхнуло опасное пламя.

— Я понимаю. И соглашаюсь с этим.

И хотя Хит продолжал наблюдать за ней до конца бала и проводил ее домой, он не промолвил почти ни слова.

Удостоверившись, что Джулия и ее тетушка благополучно вернулись домой, Хит взял пролетку и поехал к Расселу. Когда никто не отозвался на тихий стук, Хит взял на себя смелость войти в дом без приглашения.

Боскасл полагал, что в преддверии завтрашнего раннего отъезда в Дувр Рассел уже лег спать.

Хит стоял у подножия лестницы и соображал, как поступить дальше. Ему не хотелось вытаскивать Рассела из постели, но нельзя оставлять друга в неведении и в пустых надеждах на то, что Джулия найдет в Хите защитника. Придется Расселу придумать какой-либо иной способ ее охраны. Хит готов был рисковать жизнью ради страны, но рисковать своим сердцем в его планы не входило. Он не видел смысла притворяться и врать самому себе. В его жизни пыток и так было предостаточно.

Наверху в комнатах горел свет. Остальной дом был погружен в темноту и молчание.

Хит, нахмутив брови, медленно направился к ступенькам. И взгляд его был напряжен, а мысли заняты размышлениями о том странном обстоятельстве, что входная дверь оказалась так беспечно незапертой.

Непонятно, но на страже не было ни одного слуги, а ведь Рассел утверждал, что за ним охотится убийца. Может быть, приятель уже уехал?

Из комнат наверху донесся женский смех. Незнакомый смех.

Неприятное предчувствие холодком скользнуло у него по спине.

Он осторожно стал подниматься по узкой лестнице и услышал грубый голос Рассела, отвечавший на смех женщины. Слов Хит разобрать не смог, но разговор был явно не враждебным. Боскасл заколебался в нерешительности, но мысль о незащищенности Джулии внезапно оказалась сильнее правил приличия.

Дверь в конце коридора была открыта. На какой-то миг Хит замер на месте, не веря своим глазам. Стройная женщина танцевала на ковре, зажав туфельки в одной руке, а другой вкалывая шпильку в локоны, рассыпавшиеся по обнаженной груди.

— Леди Харрингтон, — наконец произнес Хит с легкой улыбкой. — Как приятно вновь видеть вас. Всю. — Его холодный взгляд прошелся по ней, от потрясенного лица до кончиков босых ног.

Туфельки упали на пол. Она схватила свое бледно-розовое платье со смятой постели, стремясь прикрыться. Но ей не стоило стараться: Хита она ничуть не заинтересовала.

Она с ужасом ахнула и метнулась мимо, только розовый блик мелькнул по лестнице.

Хит дал ей сбежать. Дверь в спальню за ее спиной все еще оставалась открытой, и, распахнув ее пошире, Боскасл увидел стоявшего у секретера Рассела, с голой грудью, пачкой бумаг в одной руке и пистолетом в другой.

— Черт побери, Люси, — раздраженно произнес он. — Я же сказал тебе, что должен выспаться. Что ты забыла теперь?

— Возможно, свою добродетель? — откликнулся Хит, опершись спиной о косяк. — Или свои брачные обеты?

Рассел быстро оглянулся, бумаги в беспорядке упали на пол.

— Боскасл? Какого черта?

— Извини, — промолвил Хит ровным голосом, уставясь на скомканные простыни. — Я

понятия не имел, что у тебя гости. Я пришел сообщить, что не могу выполнить то, о чем ты меня просил. Я не стану заботиться о Джулии.

— Это совсем не то, о чем ты подумал, — сказал Рассел, и в его голосе прозвучали смущение и отчаяние.

Хит ответил ему оценивающим взглядом. У него эта ситуация сочувствия не вызвала.

— Я уезжаю. У мужчины есть некоторые потребности, а Джулия... ну, она слишком сдержанная... насчет искусства любви. Ты ведь не расскажешь ей об этом?

— Зачем?

И с каких это пор Джулия стала сдержанной? Слово «сдержанная» никак не отвечало характеру той Джулии, которая извивалась под ним на ковре в библиотеке. Женщине, которая заставляла его задышаться от похоти, томиться несбывшимися желаниями.

— Это впервые...

— Рассел, заткнись.

— Я хочу сказать, что не нужно этого презрения. Ты и сам далеко не монах. Разве нет?

— Надень рубашку.

Рассел небрежно потянулся за батистовой рубашкой, лежавшей на стуле позади него.

— Что ты вообще здесь делаешь? Я велел тебе присматривать за моей нареченной.

— Чтобы ты мог резвиться на свободе? Это не слишком справедливо.

Рассел, насупясь, застегивал пуговицы.

— Как, черт возьми, ты вообще проник в мой дом?

— Дверь не была заперта. Довольно беспечно со стороны человека, на которого якобы охотится убийца.

Рассел недоверчиво уставился на Хита:

— И мой дворецкий тебя не остановил?

Хит выпрямился, понимая, что инстинкт его не подвел. И он, и Рассел нанимали в качестве слуг только опытных бывших солдат, доказавших свое мужество на поле боя.

— Никаких признаков дворецкого не было.

Рассел рванулся к двери с потемневшим от тревоги лицом.

— Значит, что-то случилось. Он меня никогда не подводил.

Три минуты спустя они обнаружили дворецкого и двух лакеев в кладовке, избитых, связанных, с заткнутыми ртами. Нападавший был в маске, никто не слышал его голоса и не мог его описать. Слуги были застигнуты врасплох.

— Думаешь, это Оклер? — спросил Хит, когда они осмотрели весь дом.

— Конечно, нет, — резко откликнулся Рассел. — Очевидно, он нанял какого-то негодяя, чтобы поиграть со мной.

— Почему?

— Он враг, и не секрет, что я намерен его уничтожить. Не мне объяснять это тебе. — Он потрогал прикрывающую глаз черную повязку и голосом, низким от волнения, продолжил: — Именно поэтому ты и нужен. Ты знаешь Джулию по крайней мере достаточно, чтобы охранять ее.

— Да, но...

— Я был свидетелем того, что сделал с тобой Оклер в Португалии. Я нашел тебя полумертвым, безумным от пыток, превосходящих человеческое терпение. Как ты можешь забыть, скольких наших людей он убил?

— Я не забыл, — коротко ответил Хит. — Так мы будем разыскивать человека,

проникшего сюда, или нет?

Рассел сунул руки в рукава пальто.

— Об этом я позабочусь сам. Я хочу, чтобы ты сейчас же отправился к Джулии домой, Пожалуйста, Хит.

— Господи Боже!

— Не задавай мне вопросов. Просто сделай это.

Хит покинул Сент-Джеймс-стрит в отвратительном тревожном настроении, размышляя о том, как, черт побери, он справится со сложившейся ситуацией. Конечно, то, о чем попросил его Рассел, было логичным и обоснованным. И Хит распорядился бы точно так же.

Но все снова сходилась на Джулии, которая несколько часов назад его отстранила... прогнала. И не по злобе, а по здравому смыслу, которым он восхищался. Она осознала опасность их взаимного влечения, она основывалась на знании самой себя.

Несколько минут Хит постоял перед ее городским домом, позволяя своим чувствам остыть и успокоиться. Он с удовольствием встретился с ней сегодня, но не был уверен, что хочет повторить эти переживания. Он не любил, когда что бы то ни было бросало вызов его самоконтролю.

Она всегда заставляла его чувствовать себя... в общем, будила чувства. А он еще не решил, хочет ли этого. Разумеется, его инстинктивное стремление защитить ее боролось с бессловесной похотью, которую она в нем пробуждала. Привлекательная женщина, которая могла бы стать ему другом. Есть ли в мире что-либо более опасное? Какой ужас в его возрасте вдруг узнать, что не всегда можно предсказать следующий поворот собственного пути. Что ж, разве не это делает жизнь интересной?

Леди Далримпл уже спала, когда он объявился у двери дома Джулии на Беркли-сквер. Пожилой дворецкий, ответивший на его резкий стук, поначалу отказался впускать Хита. Однако Хит объяснил, что леди Уитби нуждается в охране от человека вломившегося только что в дом сэра Рассела и избившего его слуг.

— Ваша правда, милорд, этим французишкам доверять нельзя! — крикнул дворецкий' вслед Хиту, заспешившему по коридору. — Нам нужно было всех их взять в плен.

— Отличная идея, — пробормотал Хит. — Удивляюсь, почему никто до этого не додумался.

— Не доверяю я этому Наполеону, — добавил дворецкий, хватаясь сморщенной рукой за стойку для зонтов, чтобы удержаться на ногах. — Говорю вам, мы должны были...

Хит круто обернулся.

— Где леди Уитби?

— Наверху, в своей спальне, — растерянно заморгал дворецкий. — Наверное, читает, милорд. Она любит читать за полночь. Но вы же не думаете, что кто-то... что-то... — Он нервно глотнул слюну. — Сэр Рассел хотел поставить у ее двери лакея, но леди Уитби категорически отказалась. Сказала, что у нее от этого начнутся кошмары. Сказала...

— Слишком много, — вполголоса закончил его фразу Хит. — Господи, помоги мне. Разве ради этого я приобретал опыт?

Он взбежал по ступенькам, перескакивая через две, и направился прямо в комнату, под дверью которой мерцал свет свечей. Она была не заперта — явный недосмотр, за который придется серьезно попенять. Джулия лежала поперек кровати, уткнув лицо в какую-то очень интересную книжку.

Первая мысль, пришедшая ему в голову: слава Богу, Джулия жива, невредима, не знает,

что у нее гость и что на слуг Рассела совершенно нападение. Следующее, что привлекло... и приковано его внимание: сдержанная чувственность ее позы, изгиб спины под ночной рубашкой, открытые до бедер, гладкие сильные ноги, скрещенные изящные лодыжки. Этой неосторожной, ненамеренной позой Джулия с легкостью сразила бы наповал большинство мужчин. Он застыл на месте, борясь с нахлынувшим желанием, ведя с собой молчаливую, но жестокую битву. Он и сам не мог понять, что происходит, почему его с такой силой накрывает одержимость женщиной, принадлежащей его другу. Ну какой в этом смысл?

Отблески огоньков делали ее волосы более светлыми, чем ему помнилось. Плечи были покрыты красивым бледно-золотым загаром, впрочем, понятно, она ведь провела в Индии годы. Хита несколько не удивило бы, узнай он, что она, презирая условности, не скрывалась от солнца, как полагалось благопристойной англичанке. Джулия была Джулией, и его не шокировало бы даже известие о том, что она каждый день плавала в реке с какими-нибудь тиграми-людоедами. Он с радостью и сам откусил бы от нее кусочек. Или присоединился к ней на этой постели и дал волю своим мужским инстинктам. Дрожь яростного, неукротимого желания сотрясла его.

Сердце Хита забилося как бешеное. Виной было и облегчение от того, что она невинна, и ее безыскусная сексуальность, будоражащая кровь. Он обнаружил, что ему очень легко вообразить, как он снимает ее простую ночную сорочку... Очень легко мысленно нарисовать картину, — как он проводит рукой по изгибам ее тела, вжимает его в постель и завершает то, что началось много лет назад. Сдержанная? Так, кажется, описал ее Рассел? Только не та женщина, которая задыхалась от его, Хита, нескромных поцелуев и разделила с ним интимные вольности. Он слишком хорошо помнил, как она искушала его. Она не поверит, если он признается, какие чувства к ней испытывает. Он сам себе не верил и не знал, что с этими чувствами делать.

Картина их прошлого свидания растаяла, когда Джулия неожиданно перекатилась на бок. Соблазн остался, но отошел на задний план, наверное, чтобы мучить Хита потом. Длинные рыжие волосы рассыпались по плечам. Серые глаза сузились до ярких опасных щелочек, полных непонятных эмоций. Он моргнул. Внимание его рассеялось.

Она держала в руке пистолет и целилась прямо ему в грудь с неустрашимой решительностью. Хит сделал глубокий вдох. Джулия вновь собиралась стрелять в него. Эту часть их прошлого он вовсе не жаждал повторить. Поцелуи и смех — безусловно. Пистолетную рану — категорически нет.

— Это я. — Он произнес первое, что пришло в голову.

Джулия была известна своей способностью стрелять в мужчин, и третий раз мог оказаться смертельным.

— Ради Бога, Джулия, это всего лишь я.

Она опустила руку с пистолетом, глядя мимо него на дверь.

— Что случилось? — спросила она. — Рассел с вами? Почему вы ворвались ко мне?

— С вашим женихом все в порядке. Но на его дворецкого и слуг напали нынче вечером, когда Рассел... укладывал вещи в дорогу. — Надо бы просто сказать: укладывал, и не уточнять, что или кого именно.

Нет, Хит ничего ей не скажет. Не станет он вестником дурного, а то она действительно пристрелит его на месте. Ему совершенно не хотелось вступать в их отношения с Расселом больше чем необходимо. Вернее, в этом не было смысла.

Она одернула ночную рубашку, прикрывая колени... слишком поздно, чтобы облегчить

его мучения. Он уже успел достаточно рассмотреть ее соблазнительное тело, чтобы не заснуть остаток ночи... чтобы возродить тайных демонов желания.

— Так почему же вы здесь?

Хит нахмурился. Господи, она чертовски напугала его своим пистолетом. Эта женщина, без сомнения, заслужила свою репутацию опасной.

— Рассел послал меня удостовериться, что вы в безопасности.

— Вы полагаете, мне грозит опасность?

Хит прямо встретил ее взгляд. Он не собирался оскорблять ее ложью и не хотел подробно объяснять, насколько жестоким, насколько безумным человеком был Арман Оклер.

— Я не знаю.

— Может быть, мне стоит покинуть Лондон?

— Возможно. Сутолока не всегда обеспечивает безопасность.

Она гибким движением встала с постели. С распущенными волосами Джулия выглядела моложе и беззащитнее, несмотря на пистолет в руке. Она не выпустила оружия, но перестала целиться.

— Спасибо, — проговорила она, и в ее глазах заплясали знакомые проказливые искорки, на щеки вернулся румянец. — Какой вы опытный и умелый телохранитель, Боскасл.

Хит почувствовал, как в его груди шевельнулось... Что именно? Предчувствие? Притяжение? Или просто мужское влечение, то самое дьявольское чувство, которое рушило царства и губило карьеры, превращало свои жертвы в полных идиотов? Он никогда бы не поверил, что способен попасться в подобную ловушку желаний. Каким же надменным дурнем он был!

— Спасибо? За что?

Она ухмыльнулась, и теснящее грудь чувство усилилось, жаром раскатилось по телу. Он не знал, как с этим бороться.

— За то, что явились меня спасать.

— А-а, это.

Она продолжала смотреть на него пронзительным и кокетливым взглядом.

— Спасать от чтения. Как же мне вас отблагодарить?

— Я что-нибудь придумаю. Позвольте мне рассмотреть поближе ваш пистолет.

— Пожалуйста, но будьте осторожны: он заряжен.

Глаза Хита удивленно расширились, когда она спокойно отдала ему свое оружие.

— Где вы его взяли? Это же мантоновский кремневый дуэльный пистолет!

— Муж подарил.

Хит перевел оценивающий взгляд с пистолета на нее.

— Ваш муж?

— Давно. Он ведь часто отсутствовал.

— Это изумительно красивое оружие.

— Знаю.

Он всмотрелся в ее лицо и внезапно осознал, как близко друг к другу они стоят. Кто сократил расстояние между ними? Он или она? Хит этого не мог понять. Было впечатление, что их притянуло друг к другу как магнитом против всякого здравого смысла. Он мог разглядеть крохотную родинку на стройной шейке, бурно вздымающуюся пышную грудь.

Джулия была женщиной в самом расцвете зрелой красоты. И эта женщина принадлежала другому. Вся его кровь вскипела при этом напоминании. Ну почему Джулия так соблазнительна?!

— Послушайте, Джулия, я...

Она склонилась вперед и ошеломила Хита легким поцелуем в щеку. Он не двинулся, не шевельнулся, но каждая жилка, каждый его нерв и мускул откликнулись на жар ее губ. Внешне он этого не выказал. Не показал, насколько захотелось ее обнять. Его самого поразила яростная сила этого желания. Он хотел... он вожделел ее. Прошли годы, но она могла прорвать его защиту, не прилагая никаких усилий. А он воображал, что исцелился, стал равнодушен. Боже, помоги! Зря он надеялся, что переболел ею.

— Дорогой Хит, — пробормотала она, отодвигаясь. — Боюсь, что ты слишком благороден и честен.

Честь сейчас была далека от его мыслей. Да и не напрасно ли она считает его благородным человеком? Она ведь понятия не имеет о том, что он претерпел за годы, прошедшие с их последней встречи. Он убивал. Он уходил от женщин, рыдавших и моливших его остаться.

Он мог бы сию минуту уйти из этого дома и послать Рассела ко всем чертям. Возможно, его военная карьера на этом закончится. И возможно, это не самый плохой вариант. Конечно, ему будет не хватать волнений, приключений, отвлекающих от обыденности. А денег более чем достаточно. Наверное, тогда следует приискать себе жену, обзавестись наследником или двумя... Нет, выбор есть. И нет необходимости терзаться и мучиться. Он может нанять кого-нибудь вместо себя. Мысли проносились, сменяя друг друга, а он стоял и смотрел ил Джулию, пытаясь прочесть ее желания. Помоги им Боже, если сейчас она коснется его!..

— Какое у вас ужасное выражение лица. — Она, прикусив губу, всматривалась в него. — Перестаньте думать о том, о чем сейчас думаете!

Хит резко втянул в себя воздух... и чувства его вновь заполнились ею... ароматом ее волос, манящим теплом ее тела, легким прикосновением муслина ее ночной рубашки к его пальцам. Она поцеловала его в щеку. После всего, что они проделывали в библиотеке, она воображала, что этот непорочный детский клевок может его успокоить? Ну и нахальство! Это дерзкое оскорбление, вызов, приглашение к... он сам не знал к чему. Он был зол и возбужден одновременно. Опасное сочетание.

— Я вас пугаю? — невольно усмехнулся Хит.

— Не глумитесь. Стыдно признаться, но я нахожу ваш мрачный, насупленный вид весьма привлекательным. — Она попятилась от него, потом взяла с туалетного столика расческу. — Но ведь вы меня знаете. Я словно притягиваю неприятности. Правда?

— Разве я неприятность, Джулия?

Ее пальцы крепко стиснули резную ручку расчески, и это было единственным свидетельством того, что вопрос ее расстроил. Она посмотрела на него через плечо. Рассыпавшиеся по спине волосы сделали ее похожей на греческую богиню.

— Вполне можете оказаться. Однажды так и случилось, как я припоминаю.

— Вы выжили, — улыбнулся он.

— Вы тоже.

Он оперся о кроватьную стойку и неотрывно наблюдал за скольжением расчески по роскошным локонам Джулии. Ему мучительно хотелось провести рукой по ее волосам.

— Откуда вы знаете?

Ее рука замерла. Казалось, она искренне удивилась, словно ей никогда не приходило в голову, что она могла причинить ему боль.

— Что вы хотите этим сказать?

— Откуда вы знаете, какие чувства я к вам испытывал? — спросил он, пристально глядя на нее. — И могли я выжить или нет?

Она подняла на него глаза и мягко поинтересовалась:

— Вы ведь это несерьезно?

Он вдруг пожалел о сказанном. Он вообще не имел привычки так откровенничать, раскрывать самые глубинные свои мысли. Да и чего он этим мог достигнуть? Он уставился на изумительные изгибы тела Джулии.

— Ответьте же мне, — настойчиво попросила она, опуская расческу.

— Вы так и не дали мне шанса... — Он резко оборвал себя.

Желание рассказать боролось с бессмысленностью такого признания. Пусть прошлое спит и не поднимает головы.

— Закончить мое совращение? — предположила Джулия, и в ее серых глазах мелькнула грусть.

— Не знаю... — Он помолчал. — Возможно.

Она не была трусихой и глаз от его лица не отвела.

— Что ж, значит, мы оба счастливо избежали неприятностей.

— Неужели?

Рот ее чуть приоткрылся. Он опустил глаза и заметил, что пальцы Джулии перестали судорожно сжимать расческу, дыхание стало прерывистым. В этот момент он осознал, как сильно желает Джулию, признался самому себе в неодолимом влечении к ней и принял эту правду во всей ее силе и наготы. Джулия могла принадлежать кому-то другому, но теперь должна принадлежать ему.

— Вы говорите о совращении, соблазнении, как будто это самоцель, — сказал он. — Но разве этим все ограничивается? Я не виню вас за недоверие к моим мотивам. Мужчины каждодневно соблазняют женщин и бросают их. И все же... если бы я в тот день сделал бы вас своей, сомневаюсь, что на этом все бы для нас закончилось.

Щеки Джулии залил румянец. Она глубоко вздохнула. Хит улыбнулся с сожалением:

— Это могло быть для нас началом.

Он спустился по лестнице, с удовлетворением размышляя, что исполнил свой долг, поступившись желанием. Он не собирался исповедоваться ей, и вряд ли его признание разрядило обстановку. Но по крайней мере в эту ночь Джулия в безопасности. Он напомним слугам о необходимости быть начеку, обратить особое внимание на предосторожности, а затем несколько минут ходит перед домом. И постарается обдумать исходы из этой нелепой ситуации. Ясно, что им с Джулией опасно находиться рядом. Они не могут доверять себе. Он станет ее соблазнять. Или она его пристрелит.

Пейтон, седовласый дворецкий Джулии, встретил Хита у подножия лестницы.

— Все в порядке, милорд? — поинтересовался он тревожно.

— Вроде бы так, — нахмурился Хит...

Если не считать собственного внутреннего состояния, которое было слишком сложным и постыдным, чтобы обсуждать его с дворецким.

— Вы довольно долгое время провели наверху, в комнате миледи. Я было подумал...

— Не о чем тут думать, — откашлялся Хит. — Просто не входите к ней без стука. Можете нарваться на пулю.

Пейтон позволил себе понимающе улыбнуться.

— О, слуги прекрасно осведомлены о стрелковом таланте леди Уитби, милорд. Уверю вас.

— Талант? — произнес Хит, натягивая перчатки. — Это вежливо сказано. Что ж, таланты талантами, но хочу напомнить о том, что сказал вам ранее сэр Рассел: вы должны быть особенно бдительны, охраняя этот дом. За садом и улицей необходимо, наблюдать днем и ночью.

— Я на страже, милорд. — Дворецкий проводил его до двери. — У меня при себе пистолет.

— Очень хорошо. Только не стреляйте в меня, я вернусь через несколько минут, чуть-чуть подышу воздухом.

— Разумеется... — Пейтон ступил вперед и распахнул перед Хитом дверь в темноту. — А ваш спутник, кажется, ушел.

Хит круго обернулся к пустынной улице.

— Мой спутник?

— Мужчина в черном экипаже, который следовал за вами, милорд. Я собирался пригласить его войти, но потом подумал, что вы поручили ему наблюдать за домом. — Он заговорщицки кивнул Хиту, явно довольный собой. — Ради безопасности. Я понимаю, что идет секретная операция.

— Ради безопасности. — Хит стиснул зубы, повернулся и сокрушенно вернулся к двери. Значит, тут был человек, наблюдавший за домом. Кто-то работавший на Рассела? Возможно, но тогда куда же делся этот тип? И почему Рассел не предупредил его об этом? — Полагаю, Пейтон, вы смогли бы описать мне этого наблюдателя? Или его экипаж?

— Право, милорд, я не хотел показаться невежливым, пристально разглядывая его. Но экипаж я рассмотрел хорошо. По-моему, очень маленький и черный. Или темно-синий. А если подумать, то он мог быть темно-коричневым.

— Вы поразительно наблюдательны.

— Благодарю вас, милорд. Мы возвращаемся в дом?

— Пожалуй, да, — кивнул Хит, стягивая перчатки и думая о Джулии. — Боюсь, что возвращаемся.

Джулия с тетушкой подслушивали разговор между Хитом и Пейтоном из-за двери гостиной первого этажа, отделанной в прелестных кремовых и бледно-золотых тонах. Тетю Гермию разбудил шум в доме, и она зашла в комнату Джулии, чтобы выяснить, в чем дело. Когда племянница объяснила ей, что произошло со слугами Рассела, Гермия заявила, что слишком взволнованна, чтобы вернуться в постель. Они вместе спустились вниз, собираясь выпить по чашке успокоительного ромашкового чая.

— Что там делает Боскасл? — прошептала Гермия.

— Он уходит.

— Уходит?

— Да. — Джулия приникла к щелке в двери. — Нет, он возвращается.

— Возвращается? Куда?

— Сюда. Господи, тетя Гермия, он направляется прямо в эту комнату. Отойдите от двери. Быстренько.

Они успели попятиться всего за минуту до того, как распахнулась дверь. Джулия не верила своим глазам. Хит решительно шел на них, словно не замечая двух женщин в ночных рубашках, сбившихся в кучку на середине комнаты.

Он скинул куртку и швырнул ее на резную спинку атласного дивана. Затем снял башмаки и аккуратно пристроил их под миниатюрный столик.

Джулия и тетушка обменялись потрясенными взглядами. Они лишились дара речи.

Наконец Джулия открыла рот. Что, собственно, он выделяет? Он ведь должен понимать, что они находятся здесь же, в комнате. Однако создавалось впечатление, что зрители его несколько не смущали.

Хит распустил белый шелковый галстук и аккуратно положил его на столик рядом с какой-то из книжек Джулии. Улегшись на диван, Боскасл заложил мускулистые руки за голову и вытянул ноги. На двух дам, открыв рот следивших за ним с расстояния всего в два фута, он не смотрел. К счастью, на этом процедура его раздевания закончилась. Джулия была растеряна. Она еще не пришла в себя после их разговора наверху и не осмеливалась обдумать все сказанное. Была ли это игра? Ловкая попытка заманить ее в постель? Нет, Хиту не было нужды прибегать к подобным уловкам. Так зачем же он все это сказал? Ей стало только хуже: пробудило привычную муку.

Она шагнула к нему.

Он же, казалось, пристально изучал фреску над камином, на которой резвились боги и богини.

— Хит. — Она вынуждена была откашляться, потому что зрелище его великолепной фигуры, небрежно раскинувшейся на диване, возбудило тревожные эротические картины в ее голове.

У него был вид человека, удобно устроившегося на ночлег. И это у нее в гостиной!

— Я, право, не знаю... но это ведь не может... вы же не можете... как это выглядит...

Хит окинул ее мрачным взглядом из-под полуопущенных век. Пронзительный блеск его синих глаз подействовал на нее, как укол кинжала, кончик которого был смочен кружащим голову возбуждателем. У него из всех знакомых ей мужчин был самый чувственный, тревожащий взгляд. Неудивительно, что она покорила ему тогда, в прошлом. Его глаза

плавили женские сердца с расстояния в двадцать шагов. Она почувствовала незванный порыв ощутить его в себе... глубоко-глубоко. Он собирался ночевать на ее диване, чтобы никто не смог причинить ей вред. Наверняка. Его галантность тронула Джулию до глубины души. Поманила соблазном. Ведь он собирался остаться на всю ночь.

Он снял галстук и башмаки перед ней и ее тетей. Что последует дальше?

— Тебе что-то нужно от меня, Джулия? — В его голосе прозвучали покорность и некоторая досада.

Она встала прямо над ним и собралась с мыслями. Хит занял всю длину дивана. Щеки ее вспыхнули при воспоминании, каким сильным и порочным было его тело, вжимавшее ее в пол. У нее были годы на то, чтобы проанализировать это божественное ощущение. Наверное, ни одна женщина не забывает свое первое чувственное переживание. Джулия потеряла счет тому, сколько раз втайне вспоминала наслаждение и наваждение того дня. Жесткий выпад его бедер, прикосновение его губ. У тела осталась своя неизбывная память.

— Как по-вашему, что это вы творите? — наконец негромко произнесла она.

Он закрыл глаза, словно отрешаясь от ее вмешательства.

— Совершенно очевидно, что я намерен провести здесь ночь. Вы не возражаете, если дверь останется открытой?

— В этой комнате? — Она задержала дыхание. — В моем доме?

— Я хочу видеть улицу.

— Но, Хит, в этом нет необходимости! — воскликнула она. — У меня есть лакеи, которые вполне способны охранять дом.

— У Рассела тоже были.

Тетушка Гермия, придерживая халат на груди, тихонько подвинулась к окну.

— Не знаю, как ты, Джулия, но я чувствую, себя гораздо спокойнее, когда в доме присутствует крепкий мужчина.

Джулия искоса посмотрела на Хита. Он, пожалуй, был слишком крепким для ее душевного спокойствия. Вот и рассуждайте после этого о соблазнах! Как ей теперь себя вести? Как чувствовать себя спокойно? Если великолепный красавец повеса спит в гостиной — это, по-вашему, нормально?

Она попятилась и уперлась в чайный столик.

— Как к этому отнесутся соседи?

— Гораздо лучше, чем если бы нашли нас утром убитыми, — с чувством откликнулась тетушка Гермия. — Я буду спать намного спокойнее, зная, что Боскасл под рукой.

— Ну а я нет, — пробормотала Джулия. — Ему следовало бы охранять Рассела, а не меня.

Хит открыл глаза и посмотрел мимо нее в окно. Казалось, ее слова и волнение вовсе его не тронули.

— Незадолго до того, как я сюда приехал, какой-то мужчина остановил свой экипаж за углом вашего дома. У вас есть какие-нибудь тайные поклонники, Джулия?

— Что вы, нет, — ответила тетя Гермия. — Чудо, что Рассел женится на ней, ведь она так испортила свою репутацию, подстрелив того солдата.

— А Рассел не поручал кому-либо наблюдать за вашим домом? — обратился Хит к Джулии.

— Нет. — Она нахмурилась, осознавая наконец грозящую ей опасность.

Хит настолько запутал ее мысли, что Джулия забыла истинную причину его прихода.

Она устыдилась своих придинок, желая хорошенько встряхнуть его.

— Он пару раз предложил это, но я и так редко выхожу одна, поэтому заводить телохранителя показалось ненужным.

— Боскасл, хотите, чтобы вам принесли халат? — предложила Гермия, гостеприимная, как светская хозяйка бала. — И может быть, немного бренди...

— Он не пьет, — промолвила Джулия и тут же прикусила язык, сообразив, что проболталась, открыла, что помнит такую подробность. — По крайней мере раньше никогда не пил.

Она поймала дерзкий блеск его глаз и попятилась к двери. Шажок за шажком она раскрывала, какую важную роль он сыграл в ее жизни. Улыбка слегка искривила уголки его чувственного рта.

— Я по-прежнему не пью, — произнес он с видимым удовольствием. — Какая у вас, Джулия, замечательная память. Я очень польщен, право слово.

Память у нее действительно была отличная. Джулия подумала об этом несколько минут спустя, снова укладываясь в постель. Она прекрасно помнила, как легко Хит Боскасл разрушил ее самообладание. Слишком много произошло тогда, и теперь они не могли притворяться, что между ними нормальные дружеские отношения. Каждая их встреча превращалась в испытание соблазном, в стычку прошлых характеров и нынешних. И будущих, наверное. Будь они оба мужчинами, наверное, кулачным боем разрешили бы постоянно возникающее между ними напряжение. Однако в данном случае это было невозможно.

На следующее утро Джулия, спускаясь вниз, ожидала, что Хит уже уехал. В конце концов никто не угрожал ей прямо, и вообще днем дома она находилась в достаточной безопасности. Здравое смысла у нее хватало, и она не собиралась покидать дом без мужского сопровождения. Инстинкт самосохранения был у нее развит в должной мере и никуда не делся. Но эти же инстинкты спустя всего минуту отчаянно забили тревогу.

В столовой за завтраком восседал Хит. Безупречно выбритый и одетый в свежую одежду, он невозмутимо читал газету. Густая черная бровь выгнулась при ее появлении, и краткий взгляд блеснул из-под тяжелых век.

Это длилось всего несколько секунд, но Джулию бросило в жар, словно она вошла в раскаленную печь. Несколько мгновений она не могла шевельнуться, замороженная его магнетическим присутствием. Нет, не зря матери дебютанток предостерегали драгоценных дочурок тщательно оберегать свою добродетель от страстных чаровников Боскаслов.

Впрочем, ведь ей, Джулии, удалось прожить без этого Боскасла долгих шесть лет. Он тоже жил и обходился без нее. Неужели она не сможет общаться с ним в течение месяца? Сможет!

Вот справиться с собственными чувствами будет задачей потруднее. Когда он ей улыбнулся, она ощутила блаженную боль где-то глубоко внутри, в желудке. Черный локон небрежно упал ему на лоб. Хит выглядел усталым, но жизнерадостным, несмотря на то что провел наверняка не слишком удобную ночь на диване.

Хит Боскасл был хорошим человеком, и сколько бы Джулия ни твердила, что не нуждается в нем, оба знали, что это не так. Он находился здесь только потому, что верил в правильность такого поведения. А она... она тогда, в те далекие годы, поступила с ним... взбалмошно и необдуманно. Интересно, что думает он о ней теперь? Она боялась спросить его об этом, полагая, что ее тогдашнее поведение было неприличным, особенно в сравнении

с нынешними изощренными и опытными дамами, добивавшимися его внимания. Надо думать, что нынче он гораздо тщательнее и осторожнее скрывает свои романы. Интересно, кто сейчас его любовница, что она за женщина: она ведь наверняка не захочет одалживать его Джулии.

— Вы уже позавтракали? — поинтересовалась она, запрещая себе продолжать такие сумасбродные размышления.

— Да, благодарю вас.

Она уселась за стол и разгладила несуществующую складку на льняной скатерти. Конечно, шесть лет брака немного научили ее обращаться с мужчиной. Она больше не была наивной девочкой. Она была столь же искушена в любви, как и Хит. Ну, возможно, ее опыт был не столь разнообразным, но она, безусловно, могла вести себя так, как должно.

Впрочем, могла ли?

Почему она вообще задумалась об этом?

Она же выходит замуж за Рассела. Первого лондонского красавца храбреца... героя, любимца общества. Он годами хранил ей верность, шутливо называл себя последним звеном, связывающим ее с цивилизацией... Возможно, так и есть. Сама она изначально не считала себя светской дамой, даже когда жила в Англии. Мать Джулии умерла, когда ей было всего три года. Отец брал ее на охоту, и все детство и юность она провела бок о бок с ним, в компании егерьей и охотников-спортсменов.

Рассел вроде бы любил ее. Но Джулия иногда сомневалась, что подходит к той светской жизни, к которой он стремился. Он тихо и неотступно преследовал ее. В те немногие разы, когда они обменивались письмами во время ее замужества, Рассел умолял ее возвратиться домой. Она иногда боялась, что его влечет к ней ее недоступность, пусть и неосознанная. Не пойдет ли это влечение на спад, когда она станет его женой? Некоторых мужчин больше увлекает и радует погоня, а не победа.

— Есть ли какие-нибудь вести от Рассела? — поинтересовалась она.

Хит опустил газету на стол.

— Он уехал, оставив сообщение, что двоим его помощникам удалось проследить нападавшего до трактира в Сент-Джайлзе. Один головорез с верфей открыто хвастался, что проник в дом Рассела. Он утверждал, что его нанял какой-то иностранец и хорошо заплатил за это.

— Иностранец? — нахмурилась Джулия. — И Рассел продолжает верить, что Оклёр во Франции?

— Он убежден в этом больше, чем когда-либо. Он подозревает, что цель нападения — навести его на ложный след. В любом случае он уехал.

Джулия взялась за серебряный чайник. Он все еще был горячим. Это послужило ей мгновенным отвлечением от пронзительного взгляда синих глаз.

— А что известно о человеке в экипаже, который был здесь вчера ночью?

— Кто бы он ни был, но больше здесь не появлялся.

— Возможно, это было случайное совпадение, — пробормотала Джулия, опуская глаза. Она никак не могла сосредоточиться, пока он сверлил ее взглядом.

Хит встал и, приблизившись сзади, склонился над ее стулом. Голос у нее над ухом прозвучал волнующе тихо:

— А возможно, и нет. Возможно, у вас действительно есть тайный поклонник.

Джулия подняла голову. Все ее нервы напряглись от его близости. Тепло, исходившее от

его лица, согрело ей щеку и на мгновение сковало язык. Не может быть, что она действовала им него так же, как он на нее. У него было шесть лет на то, чтобы подавить свои порывы, научиться их сдерживать или по крайней мере скрывать. У нее тоже. Так почему ее сердце бьется так бешено? Почему она чувствует, что ситуацией владеет он, а не она? Наверное, это ощущение возникло из-за трепета и жара, волной прокатившихся по ее телу.

— Тайный поклонник? — Ее позабавила эта мысль, и поэтому голос прозвучал обманчиво ровно. — В Лондоне, у вдовы, которая стреляла в мужчину из-за нападения на ее служанку? Я понятия не имела, что светское общество ввело моду на свирепых женщин.

— Вы обладаете умом, красотой и некоторым состоянием, Джулия, — спокойно возразил Хит. — Я думаю, что существование тайного поклонника вполне реально.

Нежданное удовольствие на миг охватило ее. Она налила себе крепкого бодрящего чая из серебряного чайника, удивившись, что рука не дрожит.

— Что ж, тогда скажу, что предпочитаю поклонников, которые стучатся в дверь, а не маячат на темной улице в закрытом экипаже.

— Но вы ведь собираетесь замуж за Рассела, а он может без энтузиазма отнестись к мужчине, который постучится в дверь, — напомнил Хит. — Прошлым вечером вы присутствовали на балу. Вы заметили чей-нибудь пристальный взгляд?

— Да, ващ, — нахмурилась она. — Всякий раз, когда я оборачивалась, вы были тут как тут.

— Это совершенно другое, — сухо откликнулся он.

Его подбородок чуть прикоснулся к ее щеке, и Джулия испугалась, что у нее выпадет из рук чашка.

— Люди пристально рассматривали вас, а не на меня, — пробормотала она.

Громкое тьяканье в холле прервало их разговор. Хит вежливо выпрямился и отодвинулся от ее стула. Джулия смогла наконец свободно вздохнуть.

— А-а... — протянул он. — Это ваша тетушка и ее свирепая стая собачек-лилипудок.

— Они меня защитят, — кивнула Джулия и сделала глоток чая. — Теперь, Хит, вы можете отправляться домой. Говоря это, я не хочу показаться неблагодарной, но у нас с Гермией есть свои планы надень. А вы отдохните. Пожалуйста.

Он скрестил руки на груди и улыбнулся:

— Куда мы отправляемся?

— Что вы хотите этим сказать? — медленно проговорила она. — Одем сопровождает нас на прием.

Дверь в комнату отворилась, и Хит обернулся. На пороге стояла Гермия в атласном платье синего павлиньего цвета и тюрбане с перьями.

— Граф может сопровождать вашу тетушку, но вас, Джулия, сопровождаю я. Разве только вы сочтете мое общество нежелательным.

Это было произнесено низким бархатным голосом, перед которым не смогла бы устоять ни одна женщина.

Джулия заколебалась, но решила проигнорировать предостережения, молнией промелькнувшие у нее в голове: какой будет от этого вред? Рассел хотел, чтобы она завела друзей, чтобы она чувствовала себя свободнее на светских сборищах. Значит, ей следует практиковаться.

— Разумеется, этот прием может стать приятным развлечением, — неохотно признала она.

Глаза Хита заискрились проказливым весельем.

— Возможно, там я смогу обнаружить вашего тайного поклонника.

Джулия скептически усмехнулась:

— Вы обнаружите, что такого не существует.

* * *

Когда приехал граф Одем, чтобы проводить свою возлюбленную Гермю на прием, Хит, устроившись в гостиной, просматривал книгу по древнему санскриту. Чуть сдвинув занавеску, Хит взглянул в окно и внимательно изучил уличную толпу. Он занимался этим практически всю ночь. Кроме обычного парада кебов и экипажей, разносчиков и торговцев, доставлявших заказные товары, никто и ничто в шумной уличной суеде не вызывало подозрения. Хотя в бурлящей суматохе Лондона можно было незамеченным совершить преступление и скрыться в лабиринте аллей, улочек, трющоб и нор.

Однако Хит был подозрительным по натуре. Свойственные ему терпение и пронизательность были причиной того, что его командиры в Португалии выбрали именно его и предложили войти в особый элитный отряд проводников, а точнее, офицеров секретной службы Британии, которые передавали приказы во время сражений, развозили депеши и в случае нужды становились двойными агентами. К несчастью, его захватили в плен в самом начале этой карьеры и подвергли пыткам. Пытал его французский офицер по имени Арман Оклер. Перенесенные страдания оставили шрамы не только физические, но и душевные, хотя и закалили характер. Хит пережил адские муки, и теперь не многое могло его испугать.

Он до сих пор получал удовольствие, разгадывая головоломки, загадки, тайны, разбираясь в путанице, приводя все в порядок. Он был страстным криптографом. Расшифровка кодов доставляла ему радость, приносила ощущение стабильности, необходимое его душе в этом неупорядоченном растерзанном мире. Разумеется, самый большой вызов бросали ему человеческие взаимоотношения. Людская непредсказуемость без смысла и логики. Ему еще предстояло раскрыть тайну чувств и эмоций. По крайней мере он на это надеялся.

Взять, к примеру, историю со вчерашним нападением на слуг Рассела. Она носила отпечаток чего-то очень личного, и это заинтриговало Хита. Получалось, что Оклер играл в какие-то игры. Он хотел нагнать страха и тем продлить свое мщение. Но почему? В Париже он прославился как дуэлянт. Наполеон находился в изгнании. Зачем Оклеру морочить себе голову, зачем тратить время, преследуя Рассела?

Дверь за его спиной отворилась.

В комнату ворвался граф Одем, его круглое лицо было мрачнее тучи, седые волосы всклокочены.

— Проклятое лондонское движение когда-нибудь меня добьет, — провозгласил он. — А эта женщина готова?

Хит отвернулся от окна, его раздумья были прерваны. Одем выглядел бодро и щегольски, как истинный денди. И одет он был соответственно: яркий золотой камзол, белый вышитый жилет, бриджи из тонкой кожи и сверкающие блеском гессенские сапоги, которые еще больше укорачивали его коренастую фигуру.

— Если, говоря «эта женщина», вы подразумеваете леди Далримпл, тогда, полагаю, она со своими собачками ждет вас в саду. Если вы имеете в виду Джулию, то она еще не готова.

Одем фыркнул, но голос Хита явно его успокоил.

— Привет, Боскасл. Полагаю, что обе уже рассказали вам, какой я негодяй.

— Скажите мне только одно, Одем, вы действительно шантажируете леди Далримпл?

Одем, как камень, свалился на диван.

— Не стану этого отрицать. Да, шантажирую.

Хит недоверчиво покачал головой.

— И так прямо признаетесь в этом?

— Почему бы нет?

— Потому что это некрасиво, не по-джентльменски... и наконец незаконно.

— Любовь и должна быть незаконной, — произнес Одем, сплетая пальцы на полном животе.

— Любовь? — выгнул бровь Хит. — Ради всего святого, объясните мне, каким образом сочетаются любовь и шантаж? Видимо, в моем светском воспитании случился пробел по этому поводу. На мой взгляд, это звучит как-то... примитивно.

— Если бы я не любил эту злосчастную женщину, то никогда не стал бы шантажом загонять ее в брак со мной. Разве не так?

— Не вижу логики.

— При чем здесь логика? Господи Боже, Боскасл! Я же не какое-то чудовище. Я просто мужчина, по уши влюбленный в самую жестокую и самую желанную женщину во всей Англии. Если не во всем мире.

Хит поглубже устроился в кресле. Все это лишь подтверждало его теорию, что человеческие взаимоотношения следуют своим непредсказуемым путем.

— Мы обсуждаем леди Далримпл?

— Кого же еще? — пожал плечами Одем, откидывая голову и спинку дивана. — Полагаю, вы никогда не теряли голову из-за женщины? Ну конечно, только не вы. У вас репутация человека сдержанного. По правде говоря, как я вспоминаю, слухи о ваших романах никогда не попадали в газеты. Вы какая-то аномалия среди Боскаслов.

— Не стоит думать, что у меня нет личной жизни, если она не стала общим достоянием.

— Не обижайтесь. Хотелось бы мне в молодости иметь ваш здравый смысл. Тогда, возможно, я не потерял бы Гермину... если бы был поскрытнее. Эта женщина — богиня, и я преклоняю колена перед алтарем ее красоты и обаяния.

Хит с трудом сдержал улыбку. Гермия была в два раза больше Одема. И по росту, и по весу.

— Как я понимаю, леди Далримпл не хочет выходить за вас замуж?

— Конечно, хочет. Эта женщина без ума от меня.

— Значит, она хорошо это скрывает, — возразил Хит.

— Она упряма как ослица.

— Так ослица или богиня? Решите раз и навсегда.

Одем огорченно потер лицо.

— Я сделаю все, чтобы ее добиться. Все, что угодно. Понимаете?

— Боюсь, что да, — поморщился Хит.

— Тогда вы согласны мне помочь? Поддержать мое предложение?

Из-за двери донесся знакомый женский голос. Хит наклонился вперед:

— Я ни на что подобное не соглашаюсь. Полагаю, что мне вообще не стоит вмешиваться в это дело.

— Мужчины должны стоять друг за друга.

— Только не тогда, когда пожилую даму шантажом загоняют в брак, которого она не хочет, — покачал головой Хит. — Это нелепо и жестоко.

Одем резво вскочил с дивана.

— Я без нее погибну... Я буду преследовать ее до моего смертного часа.

— Возьмите себя в руки, Одем. Дамы находятся прямо за дверью. Предлагаю вам найти более подходящий способ покорить Гермию.

Завтрак в саду не начинался до двух часов пополудни. Его устроили в маленькой деревне. Хит надеялся, что прием будет небольшим и тихим, тогда ему было бы легче наблюдать за Джулией. К тому же он собирался договориться с ней о стратегии их совместного поведения. Но прием оказался светской давкой, на которую было приглашено около трехсот гостей. Распорядитель церемонии потерял голос, еще не дочитав список присутствующих.

Джулия, Гермия и Одем понаблюдали за состязанием в крикет и приняли участие в боулинге на траве. Хиту нравилось смотреть на Джулию. И не только по обязанности. Она выглядела на редкость великолепно в своем бледно-желтом наряде, эффектно подчеркивающим ее сверкающие рыжие волосы и сливочную кожу, чуть позолоченную солнцем. Когда закончилась последняя игра, хозяйка приема, леди Биком, оказавшаяся племянницей графа Одема, вынесла в сад пятерых своих домашних мартышек, которые тут же ловко ускользнули из клеток и устроили настоящий дебош на длинных столах с угощением. Это было незапланированным развлечением и стало самым ярким моментом приема.

Несколько дам разразились криками, изображая бурный испуг. Хит и Джулия спасли трех обезьянок, но одна из них, женского пола, просто прилипла к Хиту и отказывалась отцепиться от него, несмотря на все мольбы хозяйки, простиравшей к ней пухлые белые руки.

— Какое же ты разборчивое существо! — восторженно воскликнула леди Биком. — Выбрала самого привлекательного мужчину в Лондоне.

Обезьянка спрятала мордочку Хиту под сюртук, чем вызвана у Джулии приступ смеха.

— Думаю, это одна из его тайных поклонниц.

Хит бросил ей лукавую усмешку и попытался бережно отменить от себя животное.

— Это меня смущает.

— Только не говорите мне, что вам впервые приходится отделяться от женщины.

— Обычно они пахнут гораздо лучше, — откликнулся он, морща нос. — И не помню ни одной такой волосатой.

Джулия, стремясь помочь, просунула руку ему под сюртук.

— Ну же, выходи, скверная девочка, ты рвешь рубашку его милости.

Обезьянке вдруг наскучила игра, и она забралась Хиту на плечо, откуда прыгнула в толпу не ожидавших этого джентльменов. Раздались взрывы растерянного хохота. Хит под ироническим взглядом Джулии деловито одернул свой сюртук темно-серого цвета.

— Какая ветреница, — заметила она. — Уже нашла вам замену...

— Может быть, я что-то не то сказал ей?

— Не думаю. Ее новый друг, кажется, держит мешочек засахаренного миндаля.

— Если бы другим женщинам можно было так легко угодить.

— Хотите сказать, что вашего обаяния для них недостаточно?

— Видимо, так.

Они направились к цветнику, обходя танцующих на лужайке гостей. День был теплым, и музыка приятным аккомпанементом сопровождала их разговор.

— Кто они вообще? — спросила Джулия после небольшой паузы, бросая на Хита

заинтересованный взгляд.

Боскасл огляделся, изучая окрестности, и лишь потом посмотрел ей в глаза.

— Кто именно?..

— Эти ваши женщины. — Ее качнуло к нему, потому что дорожка была неровной. —

Или женщина. Да Бога ради, вы же понимаете, о чем я пытаюсь спросить.

Губы Хита дернулись в кривой усмешке.

— Да, понимаю. — Ему было забавно вынуждать ее разъяснить вопрос.

— Так вы не хотите рассказать мне?

— Рассказать? О чем? — переспросил он, поддерживая ее под руку.

— Назвать имя дамы, пленившей ваше неуловимое сердце.

Он остановился и пристально посмотрел на нее. Ее золотисто-кремовая кожа мерцала под солнцем. Вдали оркестр заиграл вальс. Хит был изумлен. Только Джулия могла вот так, без экивоков требовать правды. Впрочем, разве не было так с самого начала, когда нежданная близость навсегда определила их отношения? Как легко они вернулись к прошлому. Он не знал, каким образом это изменить.

— Кто сказал, что я влюблен?

— А разве вы никого не любите? — спросила она.

— А разве люблю?

Она вздохнула, сдаваясь.

— Почему бы вам не принести мне бокал шампанского? Совершенно очевидно, что прямого ответа мне от вас не добиться.

— Отличная мысль, — кивнул он, наслаждаясь шансом заставить ее задуматься. Он и сам не мог понять, почему никогда не влюблялся. — Если я буду долго отсутствовать, считайте, что сбежал с обезьянкой.

Он отыскал лакея, обслуживавшего большую группу гостей, и быстро схватил с подноса бокал, надеясь сбежать с ним незаметно. К несчастью, повернувшись, Хит обнаружил в засаде за изгородью из бука леди Харрингтон, явно пытающуюся его изловить.

Он не знал, что сказать. Так приятно видеть вас в одежде? Ручаюсь, что тут скучнее, чем на вашем прелюбодейском свидании с Олторном? У нее хватило дерзости остановить его при людях после того, как он на нее нагяделся в очень щекотливой ситуации. Или не доглядел.

— Добрый день, Люси, — произнес он небрежно, высоко держа добытый бокал шампанского. — Был бы рад остаться и поболтать с вами, но я выполняю поручение. Кстати, приятно было увидеть вас прошлой ночью. Всю.

Она заступила ему дорогу и проговорила тихим и напряженным голосом:

— Не пытайтесь убежать, Боскасл.

— Люси, — сказал он, — ей-богу, у меня нет никакого желания быть замешанным в ваши личные дела. Больше чем с одной из женщин Рассела за раз мне не совладать. — И это было чистой правдой.

Он еще не решил, призывала его Джулия или прогоняла. И что он предпочитал.

— Вы ей рассказали? — настаивала леди Харрингтон, голосом скорее испуганным, чем угрожающим.

Он прищурил глаза, соображая. Они стояли на виду у всех гостей, и хотя Хиту было абсолютно все равно, кто и что о нем подумает, он понимал, что Джулия сейчас за ним наблюдает. Меньше всего ему хотелось возбуждать ее подозрения или причинять боль

старому дураку, мужу Люси. Боже избави, чтобы тот решил, будто у Хита связь с его беспутной женой. Хиту даже нравился этот старый дурень, и вообще он не заводил романы с замужними женщинами. Принципиально.

— Не бойтесь, — произнес он скучающим тоном. — Ваш жалкий секрет вне опасности. Я ни одной душе не расскажу, что вы вчера устроили Расселу такое страстное прощание.

Она с облегчением вздохнула.

— Это ведь, знаете, было не в первый раз.

Хит посмотрел мимо нее и тут же заметил около Джулии темноволосого, несколько напряженного моложавого мужчину, показавшегося знакомым. Она слегка пятилась от него, словно чувствовала себя неуютно в его обществе. А тот продолжал медленно придвигаться к ней, ловко лавируя между людьми.

— Вы слышали, что я сказала, Боскасл? — пронзительным голосом настойчиво повторила Люси.

Он с досадой огляделся по сторонам.

— Да. Вы сказали, что это было не в первый раз... Так что вы пытаетесь этим мне сообщить? — нетерпеливо, мотнул он головой. — Я, знаете ли, не священник, а светский завтрак в саду не исповедаляня..

— Мы с Расселом видимся друг с другом то чаще, то реже на протяжении многих лет. Я просила его прекратить это, когда он женится. Я думаю... ну, в общем, я слышала, что у него есть законная любовница.

— Законная любовница? Звучит странно.

— Я собираюсь с ним порвать, — обиженно шмыгнула носом Люси.

— Ну и замечательно. — Хит поднял бокал повыше, как бы салютуя ей.

Его удивило, что он вдруг оказался вовлеченным в такую путаницу людских непотребных отношений. Как правило, он старался избегать эмоциональных осложнений, полагая, что легче встретиться лицом к лицу с врагом на поле боя или прочесать португальские равнины в поисках шпионов. Он не любил откровенничать, предпочитая держать свои переживания и жизненные сложности при себе. Путаные связи других людей его совершенно не интересовали.

Его интересовала Джулия, причем гораздо больше, чем он был готов себе в этом признаться. Из-за нее его оскорбляла тайная интрижка Рассела с этой женщиной. Зачем Расселу понадобилась связь с такой пустой дурочкой, как Люси, если ему предстояло взять в жены Джулию?

— Как же вы узнали, что у него есть законная любовница? — спросил он, заинтересовавшись.

— Я знаю, что доставляет ему удовольствие, — сухо ответила она. — Рассел хочет иметь жену по одной причине, а любовницу — по другой.

Это вовсе не объясняло ее роль в планах Рассела. Хит мрачно улыбнулся:

— Джулия тоже побывала замужем. Подозреваю, ей тоже известны некоторые приемы, способные доставить удовольствие мужчине.

Улыбка леди Харрингтон увяла. Хит доброжелательно кивнул ей и поторопился назад, к Джулии, неся бокал шампанского, как трофей. Было очевидно, что его последние слова заставили Люси задуматься. К несчастью, они и его мысли направили в опасную сторону. Он понятия не имел, что на него нашло, но почувствовал потребность защитить Джулию... и только что выставил ее какой-то легендарной восточной куртизанкой. Неужели он так ее

себе и представлял?

— Почему вы разговаривали с этой женщиной? — с натянутой улыбкой поинтересовалась Джулия, когда он подошел к ней.

Хит тут же насторожился. Нужно постараться не говорить ничего лишнего. У женщин инстинкт на такие вещи.

— Я знаком с ее мужем.

— Рассел тоже его знает. Я всегда считала, что у Люси ищущий взгляд. Если вам понятно, что я имею в виду.

Хит передал ей бокал с шампанским, и Джулия отпила большой глоток. Боскасл искренне надеялся, что она не станет задавать ему дальнейших вопросов. Он не сумеет толком солгать, да и обманывать не хотелось.

— Они хорошо знают друг друга? — небрежно любопытствовал он, провожая ее по дорожке к каменной скамье, полускрытой кустистой зеленью.

Джулия опустила на скамью и уставилась на свои туфельки. Они были сделаны из индийской золотой парчи, и мыски их загибались вверх, как у джиннов из восточных сказок. Вид у туфель был непривычный, но они соответствовали авантюрному характеру хозяйки, ее острому юмору и, разумеется, очень подходили к сливочно-желтому муслину ее легкого платья для пикника.

— Я думаю, что Люси до замужества была увлечена Расселом, — задумчиво произнесла она. — Впрочем, не уверена, что он обращал на это внимание.

Хит поднял брови и постарался проигнорировать плавный ленивый изгиб ее спины, когда Джулия наклонилась поднять слетевший на ее туфлю листок. Он не мог припомнить другой женщины, которая двигалась бы с такой четкой грацией. Казалось, это не должно было его возбуждать... но возбуждало. Заставляло воображать Джулию нагой... в постели... среди смятых простыней. Легендарная куртизанка? Очень может быть.

— Я полагаю, когда вы поженитесь, вся эта чепуха окончится, — произнес он, не веря сам себе.

— Да, — вздохнула она, но вид у нее при этом был совсем не уверенный. Она выглядела ранимой, очаровательно упрямой... словом именно той женщиной, которая непонятно почему заставляла бурно биться его сердце. — Но вообще-то я в этом не уверена. Я не уверена, что знаменитый честолюбивый характер Рассела окажется легким в семейной жизни.

Хит нахмурился, сознавая, что они зашли на опасную территорию. С нависшей над ними ветки слетел вниз охотящийся на жуков воробышек.

— Почему вы так говорите?

— Рассел очень тревожится о том, как выглядит в глазах общества. И я уверена, эта часть его натуры должна наслаждаться женским поклонением. Большинство мужчин это любят.

— Не все. — Ему самому это надоело.

Совершенно искренне. Когда он был моложе, то купался в женском внимании, но теперь жаждал чего-то большего.

— Бога ради, Хит, никто из вас, Боскаслов, не годится в святые.

Этого он отрицать не мог.

— Кроме, пожалуй, моей сестры Эммы.

Джулия рассмеялась.

— Возможно, она еще не встретила свою судьбу, правильного для нее мужчину.

— Вы имеете в виду неправильного.

Ее шутливость потухла.

— Знаете, что я подслушала из разговора одной из моих служанок? Она утверждала, что

Рассел — негодяй, что он женится на мне только из-за моего наследства.

Хит нахмурился:

— Но, Джулия, это нелепо.

— Вовсе нет. Я действительно очень состоятельна.

— Рассел мечтал о вас и до того, как вы стали наследницей. — Как и он сам.

— Да.

— Как умер ваш отец? — тихо спросил он.

— У него случился удар. — Она посмотрела ему в глаза. — Расскажу вам один секрет.

Он надеялся, что вы сделаете мне предложение.

Она вновь коротко рассмеялась и мыском своей очаровательно нелепой туфельки подкинула несколько опавших листков. У Хита что-то колыхнулось внутри. Что-то темное и свирепое. Желание защитить ее, уберечь от боли. Большое состояние? Старый виконт свое богатство не афишировал. Но Хит продолжал верить в то, что Рассел любит Джулию ради ее самой, даже если изменяет ей... тупой ублюдок.

Хит не знал, что ей ответить. Он представить себе не мог, что после той их бурной встречи Джулия могла обсуждать его кандидатуру со своим отцом.

— Я об этом понятия не имел. Я не знал, что он думал о нас как о паре.

— Я тоже этого не знала до последнего времени. — Она проказливо усмехнулась. — Он сказал мне об этом буквально накануне смерти. Не то чтобы Рассел ему не нравился, но он предпочитал вас всем молодым людям, с которыми я знакома.

Лицо Хита осталось бесстрастным.

— Неужели?

— Нет, он не возражал против моего обручения, — продолжала она, помолчав. — Но однажды он поймал Рассела на жульничестве при игре в карты, и после этого его отношение к Расселу изменилось навсегда.

Хит улыбнулся.

— Конечно, с вами такого никогда не могло случиться, — едко заметила она. — Вы ведь никогда не жульничаете в карты. Не так ли?

— Меня никогда бы за этим не поймали.

— Но вы стали бы жульничать? — повторила она вопрос более легким тоном, как понял Хит, явно поддразнивая.

В этот момент они одновременно повернулись друг к другу, и Хит, не думая, положил руку ей на плечо и притянул Джулию к себе. Вокруг никого не было, никто не мог стать свидетелем их разговора. И всего второй раз в жизни Хит поддался низменному инстинкту. Остальные его родичи поддавались подобным порывам постоянно и с радостью.

Но он всегда гордился своей сдержанностью. Им восхищались за это. Именно поэтому к нему обращались за советами и вмешательством братья и сестры. К самому уравновешенному и здравомыслящему представителю рода Боскаслов... которого Рассел избрал в защитники своей нареченной.

А защитник превратился в хищника. И ничего не мог с этим поделать.

Он скользнул рукой по ее полуобнаженному плечу к талии, привлекая ее к себе. Она

склонилась к нему, впрочем, не без первоначального сопротивления... Или удивления? Это не имело значения. Он положил вторую руку ей на колено. Чтобы сохранить равновесие... или удержать ее на месте... И это тоже не имело никакого значения. Жар ее тела проник сквозь его сюртук и рубашку... до кожи... до костей, туда, где жила негасимая память о ней. Манящая огненная память прожгла прямую дорогу в его строго охраняемое сердце. Когда-то Джулия уже туда проникала, подсказали ему воспоминания, но он считал, что старый ожог зарубцевался.

Она облизнула губы, встречая его взгляд, и чувственность ее взора всколыхнула его глубинные тайники.

— Джулия, — пробормотал он.

— Продолжай, — тихо промолвила она. — Не томи. Мы же оба умираем от любопытства. Возможно, нам станет легче, если мы переживем это.

Его сердце забилося чаще. Теперь он ощутил жгучий жар внутри. Жар, голод. Эта страстная жажда вгрызалась в его кости. Хит коснулся лица Джулии, провел ладонью по щеке, большим пальцем погладил, скулу.

— Продолжать? Что? — спросил он низким решительным голосом.

Да, он был человеком терпеливым, он понял ее слова, но хотел услышать от нее объяснение.

— Это. — Она повернула голову, чтобы прильнуть своим сочным алым ртом к его рту. Ее теплое дыхание ласкало его подбородок. — Поцелуй меня, и тогда мы оба узнаем.

— В этот раз нам не будет прощения, — произнес он глухим голосом. — Ты можешь встать и уйти.

Но он молился, чтобы она этого не сделала. Он желал ее так мучительно, что сердце отчаянно стучало и рвалось из груди.

Она наклонилась к нему, обвила левой рукой за шею и трепещущими пальцами стала гладить по волосам, пока он не затрепетал тоже.

— Так же, как и ты.

— Мы оба знаем, что поступаем нехорошо. — Его тело напряглось.

— Разве? — прошептала она, глядя в упор тревожными серыми глазами.

Он знал, чего хочет. И губы ее приоткрылись.

У Джулии был самый нежный, самый желанный рот, какой ему доводилось пробовать. Запретный плод. Невероятно, но чувство вспыхнуло между ними — спустя столько лет — еще жарче, еще опаснее.

Помоги ему Боже! Он целовал теперь не наивную дебютантку. Она была опытной женщиной, прожившей несколько лет замужем, хлебнувшей жизни, знающей, как угодить мужчине и получить удовольствие самой. Он никак не рассчитывал, что его талант соблазнителя встретит равного соперника в этой женщине, единственной, кого он любил и потерял.

Впрочем, недооценивать соперника было глупо. Он предполагал, что время погасит его влечение к Джулии. Он, который привык анализировать каждый аспект человеческого поведения, который наметил четкий план своей жизни и скрупулезно следовал ему, не учел, что Джулия тоже повзрослела и стала равной ему.

Все, чего он втайне желал, воплотилось в одной этой женщине. Но на этой женщине стояла печать «Запретно», висели таблички «Не открывать» и «Собственность другого».

Они оба рисковали потерять гораздо больше, чем могли себе позволить. Ему грозила

утрата всех надежд на карьеру, уважения человека, спасшего ему жизнь, а Джулии придется потерять уважение окружающих и положение в обществе.

Она оборвала их поцелуй, но ее дыхание согрело ему губы, обдало дразнящим ароматом шампанского. Запретная сладость. Он почувствовал, как ее рука легла ему на грудь, ощутил, как кончики ее пальцев летучим касанием прошли по мускулам, охраняющим его сердце. Он не мог ни шевельнуться, ни ободрить ее, ни оттолкнуть. Она поцеловала его с холодным умением куртизанки, и он не мог не задуматься о том, что еще сделала бы она, что позволила бы ему, если бы они остались одни. Какой была бы она в постели с мужчиной. В его постели. Сели она так целуется, то какие еще умения скрывает?

Он вжал свой язык в ее полуоткрытые губы. Ее рот был сладостным и влажным. Он ощутил ее вздох, трепет ее гибкого тела. Его пальцы властно легли ей на шею. Он углубил поцелуй, а другой рукой обвил ее талию и притянул Джулию к себе. Ее язык встретил его язык, скользнул по нему чувственным кругом, отчего все его тело судорожно сжалось.

Она застонала. Его рука стиснула сквозь легкое платье ее бедро, соблазнительную нежность ее плоти. Кровь Хита билась в жилах мощными волнами желания. Ему было этого недостаточно. Ему нужно большее. Он готов даже на убийство ради шанса спать с ней. Шесть лет неудовлетворенности дошли до неудержимого кипения.

— Джулия, — прошептал он севшим голосом. — О Господи!..

Губы ее задрожали. Хит притянул ее еще ближе, погрузил пальцы в ее локоны, рассыпавшиеся по плечам, передвинул руку с талии под грудь и услышал, как Джулия судорожно втянула воздух. У нее перехватило дыхание. Темный туман желания затопил голову Хита. Он должен остановиться, пока кто-нибудь не наткнулся на них.

— У тебя немного сбился галстук, — с усилием проговорила она. — Я поправлю?

— Пожалуйста. — «Только не переставай меня касаться».

Он посмотрел вниз, на отвернутое от него лицо, на сливочную, позолоченную солнцем кожу плеч. В ямке между ключиц бешено бился пульс — очевидное доказательство его воздействия на нее. Его собственное сердце стучало громом, как военный барабан.

— Ты с Расселом?..

— Нет, — торопливо отозвалась она, поднимая на него глаза. — Мы не любовники.

Хит медленно улыбнулся, дивясь тому, как сильно обрадовал ее ответ.

— Я имею в виду, будете ли вы жить в Лондоне после свадьбы?

— Наверное. По крайней мере часть года. — Она закончила поправлять ему галстук и осторожно осведомилась: — Ты собираешься рассказать ему?

Хит выдавил из себя улыбку:

— Рассказать? О чем?

— Что я тебя целовала.

Щеки ее полыхали румянцем, а рот выглядел восхитительно влажным.

— Я поцеловал тебя первым.

— Да, но...

— Что?.. — нежно переспросил он.

— Но я могла не отвечать, — вздохнула она.

Он покачал головой:

— А я мог не соблазнять тебя.

Джулия пригладила кончик его галстука, и задумчивая хмурость сменилась ее обычной веселой улыбкой. Она всегда производила впечатление женщины, которая не станет плакать

из-за пролитого молока. Или украденных поцелуев. Как мог он позабыть о ее очаровательной непочтительности к правилам?..

— Это был поцелуй, Хит. А не Парижский договор.

Он притворно насупился. Его тело все еще было сжатым и ныло от неудовлетворенности. Сердцебиение только начинало успокаиваться.

— Ты часто целуешь других мужчин?

— Каждый раз, как представится возможность.

— Удовлетворил я твое любопытство?

Она отпила еще глоток шампанского из бокала, который стоял рядом с ней на скамье. Хит заметил, что рука ее слегка дрожит. Отлично.

— А я тебя удовлетворила?

— Удовлетворение не то слово, которым я определил бы свое нынешнее состояние, Джулия.

— Я тоже не удовлетворена, — призналась она, вновь опуская руку на колени. Она посмотрела в сторону. — Если хочешь знать, я чувствую себя очень растревоженной и сержусь на себя.

Он повернул голову и с сожалением закончил их пикировку: к ним, сварливо препираясь друг с другом, направлялись леди Далримпл и граф. Хит выпрямился и с невозмутимым лицом пробормотал:

— Что ж, я не жалею. И еще, Джулия, это и так понятно — я не собираюсь ничего рассказывать Расселу.

Медленно вынимая из волос шпильки, Джулия неторопливо подошла к окну спальни. Вечер уже спустился на землю, а она вовсе не чувствовала усталости. Она провела чудеснейший день, который запомнится ей надолго. Она выпила три бокала шампанского и на обратном пути, сидя напротив Хита, просто заснула. Теперь Джулия видела, как легкий дождик сыплется на листья рододендронов в саду, слышала его приятный звук, приглушенный топот копыт и стук колес проезжающих по улице экипажей.

Сегодня она удалилась к себе в комнату рано, в десять часов, даже не побеспокоившись захватить свечу. Хит снова отказался возвращаться домой. Она оставила его внизу с книжкой. Галстук он распустил, руку небрежно закинул на спинку дивана... Одним словом, расслабился. Она должна была заставить себя удалиться.

Ей нужно придумать, как освободить его от данного Расселу обещания.

Сегодняшние события лишний раз доказали, что они не могут доверять себе, оставаясь наедине.

Она видела, что почти все присутствовавшие женщины не сводят с него глаз, украдкой бросают на него томные взгляды, дерзко улыбаются, приглашая к обольщению. Он все это замечал, но всего лишь вежливо улыбался в ответ и не задерживался в их обществе. А вот Рассел наверняка остановился бы поболтать по крайней мере с половиной из дам. Он никогда не забывал о своей карьере. На прошлой неделе в театре он старался подружиться со всеми, за исключением разве что лакеев. Джулия думала, что свалится с ног от усталости притворяться сверхвежливой. Хит же не трудился подольщаться ни к кому.

Пленит ли его сердце одна из присутствовавших на завтраке дам? Что для этого потребуется? Она вздохнула, представив, как Хит однажды остановит свой выбор на юной дебютантке, красивой и богатой, как он возьмется ее обольщать. Будет ли он верным мужем?.. И что он думает теперь, после сегодняшнего поцелуя? Разрешило ли это их отношения или оставило еще больше вопросов без ответов? Джулия до сих пор ощущала слабость от чудесной силы этого переживания. Да, она чувствовала себя слабой и взволнованной. И еще ей было немного стыдно за себя, на... она не могла не думать о нем. Головокружительное наслаждение от его руки на ее груди, от ласки его твердого рта... Ей было стыдно, но она все равно этого хотела.

Какой-то треск донесся снизу, из мглистой темноты сада. Она всмотрелась во мрак, но это была всего лишь кошка, бившаяся в дверь сарая, как всегда, когда садовники забывали ее запирасть или когда там долго играли собачки Гермии.

Джулия швырнула расческу на постель и потянула шнур звонка, вызывая служанку. Но никто не откликнулся. Было поздно, Джулия слишком затянула со своими размышлениями.

Теперь ей предстояло решить гораздо более устрашающую задачу: спуститься по лестнице. Сердце ее забилось чаще при виде высокой худощавой фигуры, возникшей без предупреждения и устремленной на перехват. Хит в расстегнутом сюртуке, белой льняной рубашке и серых панталонах стоял ниже по ступенькам. Полумрак подчеркивал темную синеву его глаз и скульптурные черты лица, суровые складки, сбегające вдоль худых щек. Джулия встретилась с ним взглядом, и ее окатило незваной жаркой волной. Она не могла вспомнить, чтобы когда-либо один взгляд мужчины так ее возбуждал.

Опасный мужчина, мысленно попеняла она себе. Она была наслышана о том, как он,

едва оправившись от пережитого в Португалии ужаса, ловко и беспощадно преследовал и вылавливал восьмерых иностранных агентов. Рассел часто хвастался тем, как спас Хита, как вез его, израненного, через поля и леса в повозке с вином, как они, одетые крестьянами, просили убежища в монастыре. И еще она наслушалась рассказов о самом Хите, о том, сколько жизней он спас. Сам он о своих деяниях не распространялся.

— Что-то неладно? — требовательно спросил он, возвращая ее мысли к нынешнему моменту.

— Да, Хит. Моя кошка бьется в дверь сарая. По крайней мере мне показалось, что это кошка. Вызывай конную гвардию, пока я стану разыскивать премьер-министра.

Его четко очерченные губы чуть изогнулись в иронической усмешке.

— А как насчет легкой кавалерии?

Джулия попыталась проскользнуть мимо него.

— Не будем терять головы.

Она не заметила, как он двинулся, но вдруг его рука легла на ее обнаженное предплечье. Легкий нажим его пальцев, обхвативших затем ее запястье, был бережной защитой, но вырваться не давал. У нее перехватило дыхание.

— Подождите, — произнес он. — Идет дождик, а на вас тонкое платье. Я закрою дверь.

Она подняла на него глаза.

— Кто-нибудь из лакеев...

— Я отослал их всех спать.

— Право же, Хит, вы не можете проводить каждую ночь в моем доме. Это заставляет меня чувствовать себя ужасно виноватой.

Он подтащил ее на ступеньку ниже, и Джулия вновь ощутила проскочившую между ними искру, позволила себе погрузиться в теплое смятение. Оно поглотило ее в мгновение ока, окатив трепещущим жаром соблазна. Ей показалось, что сам воздух вокруг обжег ее кожу.

— Только пока я не найду более подходящее решение, — сказал Хит. — Вы в самом деле против?

Дышать становилось все труднее. Притяжение его мужественного... мужского тела становилось сильнее, тянуло ее вперед... к нему, магнетически и неукротимо. Она не могла заставить себя вытащить свою руку из его пальцев, потому что наслаждение его властной собственнической хваткой было неодолимым.

— Я возражаю только потому, что считаю несправедливым возлагать на вас такую обязанность. Отнимать у вас такую уйму времени.

— Мое общество вам неприятно? — спросил он с лукавыми искорками в глазах.

Чрезвычайно обаятельными.

— А вы как думаете?

— Я думаю, мы делаем то, что нам велено.

Она тихонько засмеялась:

— Как будто кто-то из нас когда-нибудь подчинялся приказам... Что должна думать об этом ваша семья? И мои слуги?

Последнее было очень слабым извинением, и он, несомненно, это понимал. Джулия никогда не жила по правилам. Она едва-едва удерживалась на грани традиционного поведения, даже во время своего замужества, а штат ее нынешних слуг находился у нее в услужении с первых дней пребывания в Индии.

Проказливая усмешка Хита застала ее врасплох.

— Ваши слуги преданны вам бесконечно и понимают опасность миссии вашего жениха. Более того, ваш дворецкий и я крепко подружились. Прошлым вечером мы с ним и вашей экономкой играли в карты.

— Быть не может! — горестно воскликнула Джулия.

Что же это такое творится в ее доме?!

— Играли. И я выиграл серебряный столовый нож. И передник из ирландского льна.

— Играли! Со слугами! — воскликнула она, притворяясь рассерженной, хотя на самом деле ее это забавляло. — В азартные игры! Тетушка будет шокирована.

— Не думаю. — От его басистого смеха у Джулии побежали по спине мурашки. — Она вела счет.

— Но как вы могли? Столовый нож. Передник.

— Я выиграл их честно. — Хит склонился к ней и продолжил заговорщицким шепотом: — Я хотел уберечь вашу тетушку от неприятностей. Она намеревалась проникнуть сегодня в спальню Одема. Убедила себя, что он спит с ее любовными письмами под подушкой.

Джулия нервно сглотнула. Ей хотелось хоть разок смутить его, как он смущал ее, увидеть, как он растеряется. Ей хотелось... вновь растаять в его объятиях, насладиться его мужественной силой, воскресить прекрасную страсть, которую они испытали когда-то. Разве могла она предположить, что он поселится в ее сердце навсегда, что память о нем будет преследовать ее до конца жизни? Ради самозащиты она сменила тему разговора. Не будет она думать о нем!

— Кстати, о моей тетушке. Вы будете очень удивлены, Боскасл, если она обнаружит вас в доме утром.

— Неужели? Это звучит многообещающе.

Она опустила глаза на его четко очерченный рот. Джулия могла держать пари, что утром он не станет так улыбаться, когда увидит, что дом захвачен стайкой дам — художниц-любительниц.

— Художественный клуб тетушки Гермии собирается здесь каждый вторник после завтрака. Дамы вечно ищут подходящую натуру для изображения греческих богов.

А каким замечательным натурщиком он мог бы стать! Этот мужчина буквально излучал первобытную мужественность. Какая женщина со склонностью к живописи не соблазнится возможностью обессмертить его классически красивое лицо... идеально скульптурный торс? Он вызовет завтра сенсацию... если подругам Гермии удастся его заполучить. При мысли об этом Джулия не сдержала лукавой ухмылки. И поделом ему: не надо быть таким великолепным.

— Клуб художниц? — Хит переступил с ноги на ногу и улыбнулся, глядя ей в глаза. — Это звучит вполне невинно.

— Правда? — пробормотала она, вспоминая двусмысленные разговоры и рискованные шуточки тетушкиных подруг.

Что-что, но невинными они не были.

— Вы, случайно, не позировали им в качестве Афродиты? — полюбопытствовал он, явно не имея понятия, что назавтра готовит ему судьба.

— Афродиты? Нет. Я как-то позировала в качестве одной из троянок.

Его взгляд оценивающе скользнул по ее фигуре. Оценщиком он был опытным. Ее волосы рассыпались по плечам и спине беспорядочным водопадом. Он уже говорил ей, что

ее муслиновое одеяние было слишком тонким. Право, он просто бесстыдник! Мог ли он почувствовать смятение, охватывающее ее, когда он смотрит на нее вот так, словно испытывая неукротимую жажду? Разумеется, мог. Он ведь умный и проникательный... негодник.

Она опустила руку вдоль тела. Нажатие его пальцев вызвало теплые иголки, побежавшие от запястья до кончиков пальцев.

— Так вы собираетесь закрыть дверь сарая? Или это сделать мне?

— Боскасл, на помощь! — Он расправил широкие плечи.

— Будьте там поосторожнее.

— А что, эта кошка опасна? Господи Боже, Джулия, вы, случайно, не привезли из Индии тигра?

— Конечно, нет. Было бы жестоко забрать дикое животное из родных мест.

Хит подтянул повыше воротник.

— Я только спросил. В конце концов, я уже подвергся сегодня нападению мартышки.

Она поджала губы.

— Я хотела сказать — берегитесь дождя. Не споткнитесь о тачку или мои сапоги. И не обижайте кошку. Это кот старый и беззащитный, такой же затерявшийся в Англии, как и я.

— Вы уверены, что вас потревожил кот?

— Ну-у, не знаю, — засомневалась она. — Не вполне. Хотите взять мой пистолет?

— Нет, благодарю вас. Полагаю, вам следует держать его при себе. Только не стреляйте в меня из окна.

Хит постоял несколько мгновений на мелком дождике, пытаясь сориентироваться в непривычных серо-зеленоватых сумерках. Большое коричневое существо, обвилось вокруг его лодыжек. Он посмотрел вниз. Это был кот Джулии, который старательно вытирал мокрую шкурку об отвороты его брюк.

— Ладно, киса. Пора кончать с этой ерундой.

Он снова подтянул воротник повыше, прикрывая затылок, и побежал по каменным плитам дорожки. Небольшой сарай стоял в самом конце сада, за темной купой старых каштанов.

— Вот твой дом, старина, и это настоящий кошачий замок...

Пленному коту явно не понравилось, что его взяли на руки. Без всякого предупреждения он полоснул острыми как бритва когтями по открытой шее Хита, напряг мускулы и прыгнул. Вырвался на свободу под усилившийся дождь.

— А она-то называла тебя старым и беззащитным, — пробормотал Хит, прижимая ладонь к саднящей царапине.

Потом снова ловко подхватил убегающего кота на руки и пинком отворил дверь в сарай.

В сарайчике было темно и сыро, пахло навозом и заплесневелыми луковицами. Хит замер на месте. Темнота, тени, запах мокрой земли заполонили разом его обоняние и зрение. Вернули его в прошлое, которое он едва помнил, но был не в силах забыть совсем. Страшные дни пыток, боль, которой, казалось, не было конца.

Неизвестно откуда нахлынула удушающая паника и поглотила его. Его разум боролся с надвигающимся мраком, с нежеланными, глубинными воспоминаниями. Жесткая рука в черной перчатке ухватила его за волосы и окунула головой в бочку с затхлой водой. Она держала его там, под водой, пока легкие не стали рваться от удушья и черный ужас не затмил мозг.

Дальше был вдох благословенного воздуха и мягкий, смертельно опасный голос врага. Француз в капюшоне умело прикладывал раскаленную докрасна кочергу к самым нежным частям его тела. Отец Армана Оклера был палачом во времена Террора, печально известным из-за огромного числа казненных им аристократов. Он передал сыну свою страсть к жестокости.

Кот в руках Хита напрягся. Много лет Хит не вспоминал так явственно подробности пыток и надеялся, что раны его сознания зарубцевались. Возможно, самые грубые шрамы исчезли, но прочие демоны, терзавшие душу... он надеялся, что когда-нибудь уйдут и они. Он никому не рассказывал, что именно с ним произошло. И никогда не расскажет. Сама мысль об этом сводила его с ума, насилывала, превращала в животное... Он больше никогда не позволит себе оказаться таким слабым.

Хит услышал за спиной громкие шаги и, круто обернувшись, увидел, как коренастая седовласая фигура вскидывает над его головой какой-то предмет.

— Господи Боже! Леди Далримпл! — воскликнул он. — Поставьте на землю цветочный горшок, иначе нанесете урон мне или этой герани.

Гермия выглянула из-за вскинутого горшка. Кот высвободился из рук Хита и растворился во мраке сарая.

— Ради всего святого, Боскасл, — проговорила Гермия, опуская горшок. — Я чуть не проломила вам голову. Что вы здесь делаете под дождем?

— Это я должен спросить... Вы тоже увидели кого-то шныряющего по саду?

— Да, вас. — Она кивнула на дверь сарая. — Я услышала стук захлопнувшейся двери и спустилась выяснить, в чем дело. Слугам нельзя доверять. Они рьяно преданы Джулии, но боятся собственной тени. Между нами говоря, я думаю, что большинство из них провели слишком много времени на индийском солнце.

— На солнце?

— Прижарили свои мозги. Понимаете?

— Но я не думаю, что пребывание под английским дождем улучшит состояние мозга. Так что, может, вы подождете одну минуту, пока я обследую сарай?

Она с тревогой впилась взглядом в темноту за его спиной.

— Вы ведь не думаете, что кто-то наблюдает за домом из сарая?

Хит щелчком сбросил оборванный лист герани со своего мокрого от дождя рукава.

— Это надо выяснить.

Он нырнул в сарайчик, из дальнего угла блеснул зеленый кошачий взгляд. Терпкий запах плесени, который Хит заметил ранее, теперь стал слабее, перекрытый более приятным запахом мха и влажного старого дерева. Тщательный осмотр не выявил никаких чужих следов. А все отпечатки ног снаружи давно были бы смыты дождем. Хит поднял глаза на маленькое окошко над полкой, заваленной луковицами цветов и садовым инвентарем. Мурашки побежали по коже, когда он понял, что отсюда открывается отличный вид на спальню Джулии.

Краем глаза он заметил на полке какой-то темный предмет и протянул руку... Это была черная мужская перчатка. Кто-то подложил ее под садовую лопатку. У перчатки был поношенный вид. Она походила больше на дорожную и показалась ему чем-то знакомой.

— Ну? Что там такое?

Хит повернулся и увидел в проеме двери расстроенное лицо Гермии, окруженное ореолом серебристо-золотых локонов.

— Не знаю. — Он вышел наружу и протянул ей перчатку. — Видели вы ее когда-нибудь раньше?

— Не могу сказать в точности, — покачала она головой. — Вы думаете, что ее уронил тот, кто сюда пробрался?

— Нет, она лежала на полке.

— Ну-у, несколько месяцев назад этот дом арендовал какой-то пожилой джентльмен.

Хит посмотрел в сад. Дождь ослабел, и сквозь серебристую вуаль мороси Боскасл увидел Джулию, наблюдавшую за ними из окна своей спальни.

Если кто-нибудь прятался в сарае, то мог прекрасно рассмотреть ее комнату.

Хит замер. Наблюдал ли этот кто-то за ней или пытался выяснить, нет ли в ее спальне Рассела? Оклер или работающий на него агент должны были уже узнать, что Рассел на пути в Париж.

Все его охотничьи инстинкты пробудились, предупреждая не ослаблять бдительность. Никогда не надо недооценивать противника.

Гермия проследила направление его взгляда и содрогнулась, осознав значение увиденного.

— Вы действительно считаете, что моей племяннице грозит опасность? Признаюсь, я надеялась, что Рассел преувеличивает.

— Я тоже на это надеялся, леди Далримпл. — Сжав губы, он изучал найденную перчатку. Хит вдруг порадовался тому, что сейчас находится здесь. — Пожалуй, пока разумно будет доверять его предостережениям.

Джулия вернулась в свою комнату, убежденная, что отправила Хита с бессмысленным поручением. Разумеется, она услышала кошку, а не шаги какого-то чужака, пробирающегося по саду. Что они там застряли с тетушкой? Судя по тому, что Джулия могла разглядеть со своего наблюдательного пункта, оба старались изо всех сил сильнее промокнуть. Она прижалась лбом к оконной раме. Во что Рассел впутал Хита? Она чувствовала себя такой избалованной, заполучив Хита в телохранители. При других обстоятельствах... Она отгоняла эту мысль, пока та не завладела ее сознанием.

Настоящая опасность поджидала Рассела в Париже, в городе, не желавшем встречать английских героев с распростертыми объятиями, несмотря на то, что послом туда был назначен герцог Веллингтон.

Джулия чувствовала себя ужасно, отправив Хита под дождь, ведь он так щедро тратил на нее свое время. Ей нужно извиниться перед ним. А затем следует настоять, чтобы он отказался от роли ее постоянного защитника. Ради них обоих.

Дверь за ее спиной отворилась. Она повернулась, несколько растерянная от хода прерванных размышлений. Хит стоял перед ней. Мокрые шелковистые волосы облепляли его голову, подчеркивая прекрасную лепку черепа. Влажная рубашка четко обрисовывала великолепную мускулатуру торса. Он выглядел довольно несчастным, и неудивительно. Джулия покачала головой и начала свои извинения:

— Вы промокли до костей. — Она сделала шаг вперед и протянула руки к его рубашке. Дождевая влага усилила мужской запах мыла для бритья и крахмала, приятный мускусный аромат его кожи. — Я должна перед вами...

— Не прикасайтесь ко мне так, — произнес он грубоватым тоном. — Пожалуйста, Джулия... я всего лишь мужчина.

— Как будто кто-то может это забыть, — не задумываясь возразила она. — Мне очень

жаль, что я отправила вас наружу в такую погоду.

Их взгляды встретились. От синего пламени его глаз у нее перехватило дыхание.

— Постарайтесь вспомнить, — произнес он с бесстрастным видом. — Что именно вам почудилось в саду? Что вы увидели или услышали?

— Я услышала хлопанье двери и... — Она заметила тонкую струйку крови у него на шее и, ужаснувшись, вновь подняла руку. — Что с вами произошло? Все-таки кто-то проник в сад?

— Джулия, пожалуйста, не отвлекайте меня. — Темная ирония замерцала в глубине его глаз. — Думаю, я переживу эту царапину. В сравнении с моими прошлыми ранами...

— Дайте мне ее промыть.

— Это пустяк.

— Вовсе не пустяк, — с тревогой настаивала она. — У вас течет кровь. Как это случилось?

— «Старый и беззащитный» — помнится, это точные ваши слова — с сухой усмешкой произнес он.

— Вас поцарапал мой кот?

— Видимо, я понравился ему меньше, чем давешней обезьянке.

— Немедленно снимите сюртук и рубашку.

Ухмыляясь, он расстегнул и сбросил с широких плеч и то и другое.

— Снять что-нибудь еще? Носки? Брюки? Сапоги?

— Как вы можете шутить? У вас порезано горло!

Он понизил голос:

— Это сделал ваш кот, и это всего лишь царапина.

— Вы хотите, чтобы эта царапина воспалилась? — сурово нахмурилась она.

— Простите. — Он полез в карман и достал оттуда черную перчатку. — Она вам знакома?

Джулия покачала головой:

— Нет, я никогда не видела, чтобы Рассел носил такую. И это наверняка не моя. — Она подняла на него глаза. — Где вы ее нашли?

— В сарае на полке. Гермия считает, что она могла принадлежать старому хозяину дома.

— Возможно. Или одному из его предков. Позвольте мне наконец промыть вашу царапину.

Хит обреченно прислонился к ее туалетному столику, пока она доставала чистое полотенце из-под стойки для умывания. Он не шевельнулся, когда Джулия промокнула царапину дезинфицирующим раствором. Он вообще не ощущал эту царапину, зато чувствовал любое движение Джулии. Сладостная мука нарастала с каждым мгновением. Влечение к ней — и физическое, и эмоциональное — становилось невыносимо мучительным.

Он попытался не обращать внимания на легкое прикосновение ее груди, и поначалу это ему удалось, но вскоре все его тело взбунтовалось. Она стояла слишком близко к нему. Его брюки насквозь промокли, а Джулия всей кожей излучала манящее тепло. Он не сомневался, что почти прижатая к нему Джулия заметила его возбужденное состояние. Он со скрежетом стиснул зубы, продолжая любоваться ею из-под полуопущенных век. Опасный огонь разгорался у него внутри, растекаясь по всем частям тела. Боже, как же он желал эту

женщину!

— Стойте смирно, — пробормотала она.

— Я и стою.

Она придвинулась к нему, и Хит судорожно втянул воздух, ощутив ее легкую нерешительность. Они замерли на расстоянии вдоха друг от друга, а он не мог ею обладать. Но нуждался в ней. Боже, как же она ему нужна!

Хит посмотрел на нее, и Джулия глубоко вздохнула. Он продолжал держать руки перед собой, на туалетном столике, но мысленно стягивал с нее ночную сорочку, целовал ее прелестную грудь. Он медленно выдохнул, мучимый томительной, податливой мягкостью ее тела, ароматом ее волос, ее сладостным дыханием на своей щеке.

Постель была всего в нескольких шагах. Он мог в какие-то секунды раздеть ее и отнести туда. Он мог избавиться себя от этой болезненной муки, удовлетворить желание, которое подавлял так долго. Ему никогда раньше не приходилось пользоваться своей притягательностью. Теперь он ощущал отчаянную потребность испытать свое умение.

— О чем, ради всего святого, вы задумались? — неожиданно спросила она.

Улыбка выдала его, раскрыла все его темные мысли и желания.

— Не важно, — быстро пробормотала она. — Эту улыбку я помню слишком хорошо. Вам не нужно ее объяснять.

— Как вы проникательны.

— Вы правы, — прошептала она, игнорируя его замечание. — Эта царапина недостаточно глубока, чтобы вас убить.

— Слава Богу. Я еще не составил завещания.

Она подняла глаза на его смуглое насмешливое лицо и ощутила, что сердце забилося часто и прерывисто. С усилием Джулия попыталась взять себя в руки.

— Что вообще мы делаем здесь, в моей спальне? — нерешительно поинтересовалась она. — Ведь в саду никого не было.

— Только ваша тетушка, — ответил он, вынимая лоскут из ее пальцев. — По крайней мере к тому моменту, как я там появился, не было никого.

— А что там делала тетушка?

— Она чуть не вышибла мне мозги цветочным горшком.

— Цветочным... — Джулия огорченно покачала головой, но едва удержалась от смеха. — Да, это причинило бы вам серьезный урон. Сначала мой кот, а затем тетушка. Я приношу вам свои извинения. Быть моим защитником дорого вам обходится. Она понятия не имела, насколько была права. Его самообладание было на исходе. Он наклонился вперед, и его голая грудь коснулась ее груди.

— Эта ваша ухмылка говорит о том, что вы не проявляете ко мне ни капли сочувствия.

— А вы нуждаетесь в сочувствии? — Ее это явно позабавило.

— Жестокая женщина, — вздохнул он. — В таких обстоятельствах сочувствие не помешало бы.

— Странно, — промолвила Джулия. — Я всегда думала, что вы принадлежите к стойкам, долготерпеливому типу мужчин.

— С другими — безусловно.

Она опустила руку и с любопытством посмотрела на него.

— А я, значит, иная?

Он помедлил, но затем ответил:

— Да. И мы оба это знаем.

Глаза Джулии потемнели.

— Не уверена, что вам стоило это говорить.

— Я тоже не уверен, — согласился он. — Тем не менее это правда.

Она потупилась, но, как он тут же заметил, не отстранилась от него. А он хотел, чтобы она отодвинулась, потому что еще минута, и он заключит ее в объятия и сделает что-нибудь шокирующее. Что-нибудь непристойное и изобретательно сексуальное. Она тоже это почувствовала.

От накала напряжения между ними голос ее дрогнул:

— Я думаю, сейчас надо тревожиться о Расселе. Мне всегда казалось странным, что Оклер так откровенно заманивал его во Францию. Что, если это ловушка?

Хит прищурился. Умная тактика. Нет ничего более охлаждающего для страсти, чем упоминание имени другого мужчины.

— Рассел к этому готов. Я думаю, что он хочет положить конец этой игре раз и навсегда.

— Но не конец своей жизни.

— Вы боитесь, Джулия?

— Конечно, боюсь. Я знаю, что вы, мужчины, считаете себя неуязвимыми. Так считал и мой муж.

Хит инстинктивным жестом стряхнул локон с ее плеча. Отбросив маску, скрывавшую ее истинные переживания, она вновь стала такой ранимой. Хит напомнил себе, что намеревался быть ее защитником. Однако дурманящая потребность текла по его жилам раскаленной лавой и заставляла чувствовать себя агрессором, а не защитником. Тело его сжалось. Ее сегодняшний поцелуй отравил ему кровь и душу, заставляя мучительно жаждать большего. И это желание усиливалось всякий раз, когда он ее видел. Если все пойдет с такой скоростью, к концу недели он станет буйнопомешанным.

Хит решительно положил руки ей на плечи.

— Отправляйтесь в постель.

— А вы?

— Если я останусь еще на минуту...

— Не надо, — прошептала она и быстро прижала пальчик к его губам. — Не произносите этого. Если вы скажете это вслух, я тоже пожелаю, и тогда помоги небеса нам обоим.

Его руки медленно скользнули по ее спине, погладили бедра и притянули к себе. Он думал, что она воспротивится. Но она выгнулась ему навстречу, словно притянутая магнитом. Он застонал от желания, погрузил лицо в ее роскошные волосы... Не было на свете другой такой женщины. Он всегда это знал.

— Помоги мне Бог, — прошептал он.

— Езжай домой, Хит, — тихо проговорила она. — Ничего со мной сегодня не случится.

Домой он не поехал. Не из желания перечить Джулии или настаивать на своей точке зрения. Он остался, так как стал подозревать, что страхи Рассела о безопасности Джулии могут быть обоснованны. Так что какие бы муки ни пришлось ему претерпеть, он никогда не позволит ей попасть в руки Оклера, человека, истерзавшего его тело и надеявшегося сломить его духовно. Хотя в эту ночь Хит несколько раз возвращался в сад, никаких новых следов вторжения он не обнаружил. Сарайчик оставался непо потревоженным.

Остаток ночи Хит провел в библиотеке, где решил устроить свой штаб, пока не найдет более подходящее решение. Пойдут ли сплетни в обществе? Несомненно. Вся ситуация давала обильную пищу для разговоров. Естественно, решают, что у них с Джулией бурный роман, но он по этому поводу не волновался. Расселу жаловаться не на что, он сам поставил декорации этой пьесы.

Хит не был бы Боскаслем, если бы не являлся героем достаточного числа скандалов. Хотя, к его чести, никогда вызывать сплетни не стремился. Более того, старался по возможности избегать их. Джулия тоже в свое время не раз заставляла работать языки света. Нет, о них наверняка заговорят, но это было наименьшей из его забот.

Первоочередной заботой были не глупые слухи, которые будут бродить в обществе. А вот как защитить ее и не обольстить было настоящей проблемой, которая тяжким грузом лежала у него на душе. Раздумья на эту тему и послужили причиной того, что он совершенно позабыл о ехидном предупреждении Джулии насчет того, как утро может его потрясти.

В гостиной расположился клуб художниц леди Далримпл. Оглянувшись вокруг, Хит мигмом сообразил, что совершил ужасную ошибку, легкомысленно недооценив слова Джулии. Когда только он научится не оставлять подобное без внимания?!

Комната была преобразована в самодельную художественную галерею. Атласный диван и хрупкие позолоченные чайные столики были сдвинуты в сторону и укрыты белыми простынями, освободив место для полукруга мольбертов, столиков для рисовальных принадлежностей и стайки стрекочущих дам в муслиновых, предохраняющих от краски балахонах.

Хит застыл в дверях: больше дюжины дамских головок разом повернулись в его сторону. Сидевшая в уголке Джулия подняла глаза от большого альбома для этюдов. Махнув карандашом, она громко провозгласила:

— О, посмотрите, это же лорд Боскасл. Он, должно быть, пришел нам попозировать для Аполлона... Давайте тепло поприветствуем его.

Хит круто повернулся, намереваясь сбежать, но леди Далримпл вскочила со стула и поймала его за полу сюртука. Боскасл почувствовал, как его бесцеремонно затаскивают обратно в комнату, словно рыбу, попавшую на крючок.

— Не стесняйтесь, Боскасл.

— Я не стесняюсь. Просто не склонен выставлять себя напоказ.

Джулия откашлялась и громко произнесла:

— Нет ничего позорного в том, чтобы тело человека послужило художественной цели.

— Вы не хотите снять рубашку? Для художественной цели! — пронзительным голосом заявила какая-то матрона из-за огромного мольберта.

Хит растерянно заморгал:

— Я... снять...

— Вы ведь не раз делали это раньше. Не так ли? — сказала мисс Дарлингтон, сидевшая справа.

— Надеюсь, не перед такой большой аудиторией, — пробормотал тихий знакомый голос сбоку.

Хит внутренне застонал. Этот ехидный голосок принадлежал жене его старшего брата Грейсона, острой на язык Джейн, маркизе Седжкрофт. Только не хватало, чтобы этот позор наблюдал член его семейства. Теперь ему будут вспоминать это вечно.

Он бросил возмущенный взгляд на Джейн:

— В первый... и в последний раз... я позировал в твоём доме. И насколько помню, ощущение было не самым приятным.

Джейн лукаво усмехнулась:

— Только из-за того, что домоправительница обнаружила тебя и художницу, кажется, мисс Саммерс, в позе... не слишком артистической.

— Это неправда, — возразил он, чувствуя на себе взгляд Джулии. — Просто моя тога размоталась, и мисс Саммерс предложила помочь мне привести ее в порядок.

— Мой дорогой деверь, — продолжала Джейн притворно сладким голосом. — Только представь себе, скольким благотворительным предприятиям ты поможешь, позируя нам. Мне самой нужно было предложить.

Хит посмотрел на нее скептически.

— Я был бы гораздо счастливее, сделав денежный взнос. По правде говоря, Джейн, я лучше поручу моему секретарю выписать...

— Если вы могли позировать Элоизе Саммерс, — промолвила Джулия, глядя на него поверх своего альбома, — то, несомненно, можете попозировать и для нас. Ну же, Хит, не упрямитесь.

— А благотворительный взнос сделаете потом, — добавила леди Далримпл.

Взрыв возбужденного щебета пробежал по кругу.

— Поверить не могу, что среди нас Боскасл.

— Вы видели его глаза? Мне нужно будет смешать не меньше дюжины оттенков, прежде чем взяться за кисть.

— Неужели он действительно будет нам позировать?! Как я смогу передать его мужественные формы, это лицо? Дамы, мои карандаши смутились от такой дерзости.

Хит попятился на несколько шагов к двери.

— Прошу меня извинить. Я совершенно забыл о том, что ваш клуб собирается здесь сегодня утром. Простите мое вторжение. Пожалуйста, продолжайте... без меня.

— Вторжение? — взвизгнула одна из художниц-любительниц, размахивая щетинистой кистью. — Вы хотите сказать, что не останетесь?

— Разумеется, он останется, — сурово произнесла леди Далримпл, поспешно преграждая ему путь. — Вчера вечером он обещал Джулии, что будет позировать.

Хит нахмурился, соображая, можно ли и убрать с дороги женщину габаритов и возраста Гермии, не нанеся ей ущерба.

— Я ничего подобного не обещал. Джулия, это вы так неправильно все представили?

Она старательно копалась в коробке с угольными карандашами.

— Я представила вас как греческого бога. Думаю, вы должны быть польщены.

Он ухитрился проскользнуть мимо Гермии, но она смогла снова его ухватить.

— Используйте дворецкого.

— Он нам уже позировал, — заметила пожилая дама с нарумяненными щеками. — Мы решили изобразить его в качестве Гермеса.

Джулия с хитрой улыбкой устала в свой альбом.

Хит попытался снова попятиться к двери, но на пороге за его спиной стоял седовласый Пейтон с подносом угощения для дам и сочувственно кивал.

— Сдавайтесь, милорд, — полусшепотом произнес он. — Они беспощадны и не отстанут, пока не вынудят вас согласиться. Поверьте моему слову. Изящная сдача в плен легче, чем долгий побег.

— Ну пожалуйста, Хит, — нежнейшим голоском попросила Джулия.

Он не доверял подобному тону. Сахарная сладость такого обращения скрывала дьявольскую суть Джулии.

— Позировать не буду, — произнес он, решительно расправляя плечи. — И больше не просите. Я пришел в этот дом не для того, чтобы... меня эксплуатировали. И это мое последнее слово!

— Дорогой, не поднимете ли вы немного штанину? — ласково обратилась миссис Хемсуэлл к мощной фигуре, высящейся посередине комнаты.

Красивое лицо Хита застыло в презрительной гримасе.

— Нет! — рявкнул Хит в ответ. — Я и так чувствую себя круглым дураком. Каким-то рождественским гусем, выставленным на продажу.

— Но вы совсем не похожи ни на одного рождественского гуся, которого мне когда-либо подавали, — пробормотала Джулия, покусывая кончик карандаша.

Невестка Хита, Джейн, ухмыляясь, согласилась с ней:

— Точно.

Мисс Дарлингтон подняла голову:

— Он очень напоминает мне призового жеребца, которого дядюшка приобрел на частном аукционе.

Хит сбросил на пол белую шелковую простыню, которую Гермия уже перекинула ему через плечо.

— Аполлону это надоело. Честно говоря, он готов обратиться к Зевсу, чтобы тот запустил сюда несколько молний.

— Но это ради благотворительности, Боскасл, — нахмурилась леди Далримпл.

— Попрошу вас, Боскасл, — прищурила правый глаз Джулия, — снова немного напрягите плечо. Я неправильно провела линию.

— И повернитесь к нам спиной, чтобы мы могли лучше рассмотреть вид сзади, дорогой, — прошептала леди Далримпл.

— Что вы хотите рассмотреть? — Брови Хита взлетели вверх.

— Мне хотелось бы большей плавности линий. Некогого движения... — проговорила Джейн, критически разглядывая свой набросок.

— Мне тоже! — рыкнул Хит. — Движения из этой комнаты вон!

— Дамы, — глаза Джулии искрились веселым озорством, — полагаю, нам надо предоставить нашему божеству возможность немного размяться. Он стал слишком напряженным.

— Я заостенел, — через некоторое время пробормотал Хит, вновь натягивая простыню

на обнаженное плечо, остальную одежду он снять категорически отказался, несмотря на долгие мольбы дам. — Так мы закончили?

— Ни в коем случае, — откликнулась леди Далримпл, опуская карандаш. — Это прекрасно, что мы залучили вас к нам. Портрет Аполлона — самый важный экспонат нашей коллекции.

Хит шагнул с импровизированной трибуны.

— Сию минуту я чувствую себя скорее Аидом. Если хотите знать мое мнение. Дайте-ка мне посмотреть на эти шедевры.

— На мой вы не должны смотреть до окончания работы, — возразила Джулия, прижимая альбом к груди.

Но Хит перегнулся через спинку ее стула и заглянул в набросок.

— По справедливости вы обязаны дать мне посмотреть. Хоть одним глазком.

— Только глазком, — промолвила она, широким жестом открывая лист с рисунком.

У него глаза полезли на лоб. Он потрясенно уставился на ее безыскусный набросок.

— Боже святой!.. Я же...

— Аполлон как есть, — злорадно промолвила Джулия. — Я правильно схватила ваши пропорции? Мне ведь нужно было использовать воображение, чтобы нарисовать скрытые части вашего тела.

Хит с ужасом изучал рисунок. Ему и в голову не могло прийти, что тело Аполлона будет сведено к нескольким основным органам.

— Я бы сказал, что фиговый листок маловат. Он должен быть большим, чтобы закрыть весь этот рисунок.

— А вы как думаете, Джейн? — поинтересовалась Джулия у маркизы, которая встала и подошла, чтобы осмотреть изображение. — Все части тела Хита в правильной пропорции?

— Я, Джулия, замужем за Грейсоном, — ответила Джейн, явно забавляясь обсуждением. — Так что вряд ли могу быть экспертом по Хиту...

— Но они же братья, — настаивала Джулия, встречаясь взглядом с его потемневшими глазами. — Их... характеристики должны быть схожи.

Хит удержал ее взгляд и сказал:

— Я считаю свои характеристики личным делом. Благодарю за внимание.

Джулия насмешливо ухмыльнулась в ответ:

— Возможно, нас сумеет просветить мисс Саммерс.

— Вы ревнуете, Джулия? — вполголоса осведомился он.

Она заколебалась.

— Разумеется, нет. Элоиза вовсе лишена художественного таланта.

Он вытянул руки над головой.

— Мне нужно подробнее рассмотреть этот рисунок, прежде чем я его одобрю.

Джулия прикусила губу и скрестила руки на рабочем столике.

— Он еще не закончен. Мне нужно еще кое-что дорисовать. Это сейчас только контуры.

— О Господи, — вздохнул он, глядя на нее. — Если он будет дорабатываться, я хотел бы внести несколько предложений. Например, добавить одежды.

— Я собираюсь нарисовать на заднем плане колесницу, — задумчиво промолвила она, постукивая карандашом по подбородку. — И еще не решила, что будет нести Аполлон: лук или лиру?

— Он должен носить одежду, — твердо заявил Хит. — И еще, возможно, маску, чтобы

скрыть его личность.

— Посмотрите на мой эскиз, лорд Боскасл, — возвала одна из сестер Дарлингтон, тыча пальцами чуть ли не в лицо ему. — Что вы о нем думаете?

Он вежливо посмотрел и с трудом скрыл усмешку при виде ее неумелых потуг.

— Я не помню, чтобы Аполлон расхаживал по Олимпу, угрожая окружающим стрелой. Особенно под таким углом.

Юная леди с сомнением оглядела свое творение.

— О, но это вовсе не стрела. Это его...

— Я полагаю, что ни одно из этих произведений не будет выставлено на публичное обозрение, — быстро проговорил Хит и одарил художниц угрожающей улыбкой.

Джулия ответила ему укоризненным взглядом.

— Все художественные работы, которые создают члены клуба, выносятся на аукцион для благотворительных целей.

— Вы хотите сказать, что мой полуодетый образ будет украшать чью-то гостиную?

Леди Далримпл одарила его сияющей улыбкой.

— Только представьте себе, Боскасл... герцог Веллингтон будет каждый вечер смотреть на вас из-за своего обеденного стола.

— Какая леденящая мысль.

— Вы станете предметом разговоров во всем Лондоне, — проказливо подтвердила Джулия.

Он обернулся и смерил ее свирепым взглядом:

— Всеобщим посмешищем. Вы это хотите сказать?

Джулия лишь покачала головой, словно понятия не имела, что его так рассердило.

Впрочем, внезапно это стало не важным. Он не понимал, почему позволяет проделывать с собой все это, но одно знал точно: Джулия — единственный человек в мире, который мог безнаказанно загнать его в такую ловушку. Больше никто на это не осмелился бы... без тяжких последствий.

* * *

В дверь тихонько постучали. Джулия, не выпуская из рук горячей кочерги, поднялась от камина, где жгла старые письма. Сердце ее забилось чаще, но не от страха. Было далеко за полночь, и дом давно погрузился в тишину.

Никакой слуга не постучался бы к ней так поздно. А вот некий повеса запросто. Чего он хочет сейчас? Она отказывалась размышлять на эту тему. Ее слишком интриговали открывающиеся возможности.

Прижав щеку к косяку, она прошептала суровым тоном:

— Кто там?

— А вы как думаете? — осведомился низкий мужской голос.

Она закрыла глаза. Пульс бешено бился в предвкушении.

— Если бы я знала, наверное, не спрашивала бы.

Она легко представила себе его улыбку.

— Не знаю. Не уверен.

— Что вам нужно так поздно ночью? — прошептала она, а рука ее уже легла на замок.

— Откройте дверь, Джулия.

— У вас такой напряженный голос... Не уверена, что мне стоит вас впускать...

— Откройте дверь.

Улыбаясь, она прижалась плечом к косяку.

— Зачем?

— Если предпочитаете, я могу открыть ее отсюда.

— Так почему не открываете?

— Потому что я вежливый, черт бы меня побрал, и не хочу вас перепугать. — Он заколебался, затем еще тише спросил: — Вы одеты?

Она опустила взгляд на тонкую ночную сорочку из шелка цвета слоновой кости, которую привезла из Индии.

— Да. Но не для выхода в свет...

Раздался легкий щелчок, звук поворачиваемого ключа, и вот она уже смотрит в его грешные синие глаза не в силах ни вздохнуть, ни вымолвить хоть слово. Ей надо быть умнее, а не бросать ему вызов.

— Вот так, — проговорил он. — Это оказалось легко. Правда?

— Что вы здесь делаете? — требовательно спросила она.

— Выполняю миссию.

Он осторожно обогнул ее. Глаза его были бдительно прищурены. Джулия ощутила зловещее предчувствие, мурашки побежали у нее по спине. Она последовала за ним в глубь комнаты. Он выглядел опасным, решительным, напряженным. Хит Боскасл, шпион, опытный офицер, профессиональный убийца. В ее спальне. Выполняет какую-то миссию. У нее закружилась голова. Что происходит? Она ожидала совсем другого. Как неловко получилось: она решила, что Хит собирается ее соблазнить, а он всего лишь выполняет свой долг. Джулия выпрямилась, встревоженная происходящим.

Неужели он действительно заметил какого-то человека; проникшего в дом, и подозревает, что тот прячется в ее комнате? Она покрепче ухватила кочергу, а Хит встал на колени и заглянул под кровать.

— Что это выделаете? — взволнованно спросила она.

— Пытаюсь найти тайник.

— Тайник? Здесь?

У нее перехватило дыхание. При мысли о том, что кто-то вломился к ней в дом, проник в ее комнату, Джулия похолодела. Если это произошло, преступник, возможно, лежал в засаде все время, пока она готовилась ко сну. Возможно, в саду действительно кто-то был и наблюдал за ней. Возможно, ей следовало гораздо серьезнее отнестись к предупреждениям Рассела. Хит встал на ноги. Лицо его было мрачным, но не испуганным. Казалось даже, что он получает от всего этого удовольствие.

— Под кроватью нет.

— Дать вам мой пистолет? — прошептала она пересохшими губами. — Вам необходимо иметь при себе оружие.

Хит нахмурился.

— Хватит и пары ножниц. Или я воспользуюсь голыми руками.

— Голыми руками? — ахнула она. — Это слишком... зверски. — Она попятилась от него, стремясь добраться до двери. — Позвольте мне позвать на помощь.

Хит вскочил на ноги и обычным голосом произнес:

— Не надо. Я не хочу никаких свидетелей.

Она растерянно раскрыла рот, а он решительно двинулся к шкафу с ее нарядами.

— Вы думаете, он в шкафу? Среди моих платьев?

Он бросил небрежный взгляд через плечо.

— Положите кочергу на место, пока не обожглись.

Она послушалась и бережно положила кочергу у камина, тихо промолвив:

— Мне правда хочется, чтобы вы взяли мой пистолет.

— Ваш гардероб заперт?

— Нет. Но... пожалуйста, не открывайте его...

Хит удовлетворенно улыбнулся:

— Значит, он здесь?

— Он? — Ее пистолет был под подушкой.

— Не часто ли вы притворяетесь?

— Что вы станете делать, если он там?

— Порежу чертову штуку на тысячу кусков.

— Штуку? — Она сморщилась, когда Хит рывком распахнул дверцу шкафа с таким безразличием к опасности, которое показалось ей скорее бесшабашностью, чем храбростью. — Вы имеете в виду того?..

— Того?

Он сунул голову в ряды летних платьев, накидок и вечерних туалетов, развешанных в полном беспорядке. Джулия потянулась за спрятанным пистолетом.

— Ну, этот шпион. Который собирается мстить Расселу. Его там нет?

Хит с досадой обернулся к ней.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите. Я ищу ваш сегодняшний рисунок. Я не желаю, чтобы его выставили на общее обозрение. Где вы его прячете?

Джулия потрясенно выпрямилась. Неудивительно, что он открыл дверцу недрогнувшей рукой.

— Вы хотите сказать, что вломились в мою спальню... среди ночи... так поздно... чтобы найти дурацкий рисунок, на котором изображены вы?

Высоко выгнув брови, Хит стал надвигаться на нее.

— А что, по-вашему, я мог здесь искать? Мне нужен этот рисунок, Джулия.

Она круто повернулась и рванулась к подушке.

— А мне нужен мой пистолет.

— О нет. Он вам не нужен. — Хит бросился за ней, упал на постель и разлегся, заложив руки за голову. — Так где этот рисунок?

— У Гермии.

Он посмотрел на Джулию. Поза его была непринужденно ленивой. Он выглядел так естественно, словно постель принадлежала ему. Это просто неприлично.

— Значит, у Гермии?

— Да. Почему бы вам не вломиться теперь в ее спальню?

Он улыбнулся мальчишеской обаятельной улыбкой. У Джулии перехватило дыхание.

— Не думаю, что это будет так же забавно, как вломиться к вам.

— Забавно? — возмутилась она, столь же сердитая на себя, как и на него. — Я-то думала, что вы пытаетесь меня защитить. Я думала, что вы намерены убить человека!

— Вряд ли я смог бы это сделать парой ножниц. — Ухмылка его исчезла, сменившись

опасной напряженностью.

Его пылающий взгляд прошелся по ее одетой в шелк фигуре, затем медленно вернулся к лицу. Джулию бросило в жар.

— Скажите, вы всегда выглядите столь соблазнительно, когда ложитесь спать?

— Только когда ожидаю, что ко мне заявится некий негодник и развалится на моей постели. — Она крепко ухватилась за деревянный столбик балдахина, чтобы не поддаться соблазну присоединиться к нему. Опять он это сделал: обольстил ее одним взглядом! — А ну-ка поднимайтесь.

— Я только-только удобно устроился...

— Слишком удобно. — «И слишком привлекательно».

Она шагнула в сторону, но он одним гибким движением скатился с постели и раскинул руки. Джулия подняла глаза и увидела в зеркале его лицо. Нельзя было иначе истолковать откровенный жаждающий взгляд его потемневших от страсти глаз.

Изумление... потрясение... острое наслаждение пронзило ее всю, от макушки до кончиков пальцев. Джулия медленно повернулась к Хиту и посмотрела на него вопросительным взглядом. Лицо его было настолько невозмутимым, что она решила, будто предыдущее выражение ей привиделось. Будто в зеркале отразилось ее собственное тайное желание.

— Я намерен разорвать мой портрет, прежде чем вы выпустите его в свет, — с досадой произнес он и направился мимо нее к окну.

Джулия рассмеялась:

— Боюсь, что отныне ваше тело в моем исполнении принадлежит потомству.

Он отодвинул занавеску.

— Какая пугающая перспектива.

Она посерьезнела, подошла к нему и, встав рядом, посмотрела в темноту сада. Хит, кажется, не шутил. У него на уме было что-то еще, кроме рисунка.

— Вы ничего больше не нашли там, снаружи?

— Нет. Дорожки развезло. Утром там была одна грязь.

— Может быть, ночью никого не было?

— Не знаю. — Он опустил занавеску. — Но рисковать не стоит. — Он повернулся и шагнул было мимо нее, но вдруг остановился.

Джулия ощутила, как забилося сердце под его пронзительным взглядом. Нет, его определенно что-то тревожило.

— В чем дело? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Знаете, — удрученно улыбнулся он, — я многие годы думал, что излечусь от наваждения, если когда-нибудь поцелую вас снова.

— От наваждения?

— От желания обладать вами. Я верил, что это просто сожаление о том, что мы не стали любовниками. Называйте это юношеской дуростью: желать недоступное.

Джулия отвела взгляд. Невольная улыбка изогнула ее губы.

— Любовниками?

Она притворилась удивленной, хотя сама не раз размышляла об этом. Однако услышать из его уст признание... Она не знала, что и подумать. Эту дверь опасно было открывать: Джулия стояла на пороге соблазна.

— Вы говорите это так трагически, — мягко произнесла она.

— Пожалуй. Но разве это не так?

— Я ни на миг этому не верю. Это звучит как речь обольстителя, пытающегося заманить женщину в свою постель.

— Что ж, попытаться стоило.

— Вы настоящий бесстыдник! — воскликнула она. — Думаю вы стали хуже, чем были, когда я встретила вас впервые.

— Вполне возможно. У меня было несколько лет, чтобы попрактиковаться.

— У меня тоже, — отозвалась она.

Хотя особого успеха это ей не принесло. Она желала его здесь и сейчас с женской страстью, а с не девичьей порывистостью. Интересно, если бы они тогда стали любовниками, остались бы ими до сих пор? Мысль эта дразнила ее воображение. Завораживала... но он ведь уехал на войну.

Хит улыбнулся ей и направился к двери. Она смотрела, как он уходит, и мучительная тоска проснулась где-то глубоко внутри. Сожаление... как сказал он. Разве так называлось это болезненное сладостно-горькое чувство?

— Не пускайте другого повесу в вашу комнату нынче ночью, Джулия, — бросил он ей через плечо.

— Думаю, что такое вряд ли возможно.

Его глаза укоризненно встретились с ее глазами, и тоскливая боль опустилась куда-то вглубь, угнездилась внутри. Что такое она утратила? Бог весть...

— Все равно. Заприте дверь на замок.

Прошло три ничем не примечательных дня. В саду Джулии никаких нарушителей не объявилось. Не было поводов думать, что ей грозит непосредственная опасность. Хиту не представилось никакой возможности сыграть роль героя, если, не считая небольшой драмы в конце недели, когда Джулия и леди Далримпл оказались замешанными в маленькую уличную потасовку. Началась она довольно невинно.

Хит неохотно согласился сопровождать двух дам рано вечером на лекцию в Ист-Энде о мучениях бездомных солдат.

Своему кучеру он велел вернуться за ними через три часа, но, конечно, следовало прислушаться к интуиции и настоять, чтобы все остались дома.

Потасовка началась где-то в задних рядах лекционного зала, когда беседа пришла к неожиданному и преждевременному, крайне эмоциональному завершению: поднялся настоящий крик из-за того, что солдатам отказывают в пенсии. Ругань быстро перешла в столкновения. Какой-то сердитый юноша запалил шутиху и подбросил в воздух. Аудитория поддалась панике и побежала в разные стороны.

— Идите прямо к экипажу! — Голос Гермии перекричал шум толпы, кулачные удары и пронзительные возгласы. — Хит, не выпускайте Джулию из виду. Толпа может стать злобной.

Из хаоса раздался крик Джулии:

— Со мной все хорошо! Каждый выбирается сам!

Хит мельком увидел ее лицо, спокойное, но, разумеется, огорченное поднявшейся толкотней. Зачем они встряли в эту переделку? Он поддерживал социальные реформы, но через парламент, а не участием в публичных спорах.

Внезапно двойные двери в конце зала с треском распахнулись, и в помещение ворвалась орда всклокоченных уличных хулиганов. Хит понял опасность происходящего, едва увидев их. Порыв холодного вечернего воздуха достиг настенных светильников и потушил свечи, бросавшие колеблющийся свет на картину паники. Он попытался отыскать среди мечущихся служителей и толкающихся людей лицо Джулии, но не смог ее найти. У него тревожно забилося сердце.

— Джулия! — прокричал он, понимая, как глупо это звучит и, заметив, как нервно дернулась находившаяся рядом пожилая чета.

— Я здесь! — Над морем колеблющихся голов отважно взметнулась ее рука в белой перчатке. — Мы движемся к задней двери... Позаботьтесь о Гермии...

Хит с досадой помотал головой.

— С Гермией все в порядке... — Он огляделся вокруг и понял, что потерял пожилую даму из виду. На месте, которое она занимала еще минуту назад, стоял незнакомый мужчина в очках. — Куда она делась? Гермия, где вы, черт побери?

— Внизу.

Он услышал сдавленный ответ, донесшийся откуда-то из-под ног.

— Господи Боже! Что случилось? — воскликнул он, протягивая ей руку. — Вас толкнули?

— Я уронила шляпку, Боскасл. Не паникуйте.

— Не паникуйте? — пробормотал он, помогая ей встать на ноги. — Скажите это лучше

сотням людей, сметающим все на пути, как стадо слонов. Почему я дал себя уговорить на эту лекцию?

Гермия выпрямилась. Щеки ее покраснелись, шляпу она зажала в кулаке.

— Где Джулия?

— Выбралась наружу через заднюю дверь, если хватило здравого смысла. — Он крепко держал Гермия за руку. — Давайте присоединимся к ней.

— Извините, — пробормотала Джулия, когда гессенский сапог наступил ей на большой палец правой ноги. Ее несло людским потоком в пыльный мрак заднего коридора вместе с группой испуганных слушателей лекции. — Не могли бы вы сойти с моей ноги?

— Простите, мадам, — ответил грубоватый голос. — Я не вижу, куда ступаю.

— Там дверь, выходящая в аллею! — крикнула женщина из задних рядов толпы. — Три ступеньки вверх.

— Я, кажется, не могу дышать, — в отчаянии произнес невидимый мужчина. — Я всегда ненавидел темноту.

— Есть еще выход отсюда, — прошептал на ухо Джулии культурный мужской голос. — Держитесь за мою руку, и я вам помогу.

Джулия заколебалась. Она совершенно потеряла из виду Гермия, но знала, что та с Хитом и можно спокойно доверить тетушку его заботам. Владелец вежливого голоса говорил как джентльмен. Молодой джентльмен. В его предложении спасти ее Джулия не могла заподозрить никаких низменных мотивов, кроме простой доброты.

— Я ничего не вижу, — прошептала она в ответ.

Он сжал ее запястье рукой, одетой в кожаную перчатку.

— Не волнуйтесь. Я могу найти дорогу.

Она вперила глаза в кромешный мрак.

— Здесь темно, как в могиле.

— Ребенком я любил бродить по пещерам. Я никогда не боялся и не боюсь темноты. Кстати, меня зовут Рейфел. Барон Brentford.

* * *

Хит обхватил одной рукой полную талию Гермии, а другую поднял, защищая ее от града тухлых яиц и камней, которыми уличные хулиганы швыряли в толпу. Это были не искренние недовольные, а просто головорезы, наслаждавшиеся расхристанной яростью и возможностью украсть пару кошельков.

— Солдатские пенсии? — орал какой-то мужчина, запуская в Хита кочаном гнилой капусты. — Я вам покажу пенсии!

Хит отклонился, своим телом защищая Гермия от мерзкого снаряда.

— Где, черт возьми, наш экипаж? — бормотал он, проталкиваясь через возбужденную толпу. — И где, черт бы ее побрал, Джулия?

Гермия оправила свою накидку рыжевато-бархата.

— Вы думаете, она нашла экипаж раньше нас?

Хит, поджав губы, бросит; взгляд вдоль освещенной газовыми фонарями улицы. Куда она могла подеваться? Почему он не велел своему кучеру оставаться на месте? Настоящие протестующие начали смешиваться с карманниками и хулиганами. До сих пор никто всерьез

не пострадал, но Хита тревожило исчезновение Джулии. Настроение толпы с каждой минутой становилось все неприятнее. Вооруженная гнилыми овощами и дубинками орава озверевших хулиганов сплотилась, чтобы перевернуть пустую карету.

Кучер скорчился за фонарным столбом и появился, только когда из-за угла выехал фургон с полицейскими. Едва размахивающие дубинками патрульные высыпали из него и побежали по улице, хулиганы рассыпались по переулкам и проездам.

— Скорее полезайте сюда, — раздался в этот момент знакомый голос.

Хит быстро повернулся и увидел, что рядом с ними останавливается легкий черный экипаж.

— Это Одем, — выдохнула Гермия и потянула Хита в сторону улицы. — Мой старинный враг оказался наконец полезным. Как вы думаете, может, он и Джулию спас?

— Сомневаюсь, — ответил Хит, тревожно оглядываясь по сторонам. — Она могла спастись через заднюю дверь зала. Но может быть, мой кучер приехал пораньше и нашел ее.

— Надеюсь. — Гермия содрогнулась и окинула взглядом бурлящую толпу.

Яйцо пролетело над их головами и разбилось о тротуар.

— Господи! — воскликнул Одем из экипажа. — Прямо какое-то поле битвы. Забирайтесь внутрь.

Дверца экипажа распахнулась, и ливрейный лакей графа поспешил помочь Гермии подняться по складным ступенькам. Хит, заглянул внутрь, и лицо его потемнело от тревоги. Ему нужно вернуться, чтобы отыскать Джулию. Если с ней что-то случится, можно винить только себя.

— Одем, вы не видели Джулию?

Граф, нахмурившись, наклонился вперед.

— Нет, не видел. Только не говорите, что бросили ее одну в этой сумятице.

Хит шагнул назад и коротко сказал:

— Увозите Гермию домой.

— Никуда мы не поедem, — решительно объявила Гермия, — пока не найдем Джулию...

— Проезжайте быстрее. — Констебль с обветренным лицом появился сзади. — Что за чертовщина... это не вы ли, лорд Боскасл?

Хит мрачно улыбнулся патрульному с Боу-стрит. Этот человек был одним из информаторов Хита и вообще добрая душа.

— Да, я. И не спрашивайте, как я здесь оказался. Просто помогите мне найти... — И с облегчением протиснулся мимо констебля. — Это она.

Слава Богу! Он медленно выдохнул, чувствуя, как наконец уходит из тела напряжение... которое тут же вернулось, но уже по другой причине.

Он увидел рядом с Джулией стройного худого мужчину и настороженно прищурился. Рука мужчины охраняюще обнимала ее за плечи, а тело служило ей обороной против буйной толпы. Джулия выглядела не испуганной и, пожалуй, не слишком расстроенной пережитым.

— С ней все в порядке? — нетерпеливо осведомилась Гермия из экипажа.

Хит отбросил досадное ощущение, сжавшее сердце. Что это было? Страх за нее? Высокомерная горечь уязвленной гордости, что не смог ее защитить? А может быть, ревность? Простая ревность из-за того, что ее обнимает посторонний мужчина? Это нелепо, ведь она через несколько недель выйдет замуж за его друга. Тем не менее буря негодования поднялась в его душе.

— С Джулией вроде бы все хорошо, — услышал он собственный голос. — С ней какой-то мужчина.

— Мужчина? Незнакомец? Господи, только этого не хватало, — простонала Гермия. — Перестаньте хмуриться и спасайте ее.

Он выдавил из себя улыбку.

— Я не уверен, что она хочет, чтобы ее спасли. — Но она будет спасена, хочет того или нет.

Она не только заставила его пережить сущий ад, но еще и нашла другого защитника.

Джулия осторожно высвободилась из-под руки своего спасителя. Он был милым молодым человеком, разве что слишком настырным и самовлюбленным. Он, кажется, полагал, что она слабая и хрупкая, как хрустальная статуэтка. Что было мнением приятным, хотя и неверным. Чего-чего, а стеклянной хрупкости в ее натуре не было вовсе. Джулия была создана из более стойкого материала, вроде хорошего английского известняка с доброй прожилкой гранита. Разумеется, она могла разбиться, но лишь после сильного удара. Она подозревала, что пережила подобный удар, но не внешне, а внутри, где трещинки не были видны. Однако новых ударов ей, пожалуй, не вынести. Даже меловые скалы Дувра рассыпаются с течением времени.

Увидев стоявшего на мостовой Хита, она вздохнула с облегчением. Удивительно, как этот человек мог одновременно страшить ее и давать ощущение безопасности. Как ужасно сознавать, что она уже научилась чувствовать его присутствие на расстоянии. Зато когда его не было рядом, она терялась.

Она вновь выскользнула из-под руки своего спасителя, которая каким-то образом опять легла ей на плечи, пока она отыскивала взглядом Хита и Гермию.

— Теперь я должна идти. — Она повернулась и коротко посмотрела в карие глаза мужчины.

Его темные локоны были взлохмачены, а припухлый чувственный рот романтика создавал образ галантного барона, пришедшего на помощь в трудную минуту... и прилипшего, как пиявка.

— Благодарю вас за то, что сыграли роль моего ангела-хранителя.

Он посмотрел мимо нее в сторону улицы. Хит как раз обогнул экипаж и быстрым, решительным шагом направился к ним.

— Это ваш муж? — осведомился барон с тяжким вздохом человека, привыкшего проигрывать в любви.

Он имел в виду Хита? Счел его ее мужем? Взгляд Джулии прошелся по мужественной широкоплечей фигуре, спешившей к ним через улицу. Одно предположение о том, что она принадлежит Хиту, затопило ее грешным удовольствием. Какую бы они составили пару! Неужели был шанс пожениться, если б война не развела их? Господи, о чем она думает! Он всего лишь сказал, что жалеет, что они никогда не были любовниками... Ничего больше.

— Боже мой, вовсе нет. Он не муж мне.

— Ваш жених?

Она смущенно засмеялась, отодвигаясь в сторону. Вокруг них во всех направлениях сновали люди. К тротуару подъехал еще один фургон патрульных.

— Нет, и не жених. Послушайте, нас сию минуту арестуют. Право, вам следует удалиться.

— А-а, ваш покровитель? — Карие глаза понимающе расширились.

Джулия сжала губы, она не находила слов. Как ей объяснить сложные отношения с Хитом совершенно незнакомому человеку? Она сама их толком не понимала, да и Хит, наверное, тоже.

— Что ж, пожалуй, его можно назвать моим покровителем.

Незнакомец кивнул, изучая ее с новым, слегка оскорбительным интересом.

— Это... Все в порядке. Вам не стоит смущаться. Я человек светский.

Джулия задохнулась от возмущения. Теперь он решит, что она содержанка, женщина легкого поведения. Только этого ей не хватало.

— Я в этом не сомневаюсь, милорд, но это не делает нас равными.

— Пожалуйста, зовите меня Рейфел.

— Хорошо. — Она нервничала все больше, досадуя на сложившуюся ситуацию.

К ним направлялись двое полицейских, помахивая дубинками. Еще более грозным было выражение неудовольствия, омрачившее лицо Хита, надвигавшегося на барона. Это заставило Джулию задуматься: Хит славился тем, что отлично умел скрывать свои чувства.

Однако сейчас его гнев был очевиден, первобытный и яростный. Спаситель Джулии тоже его заметил. Он отпустил ее руку и попытался слиться с тающей толпой. А потом Джулия ощутила, как он напрягся, и с ужасом посмотрел на нее.

— Боскасл, — пролепетал он, явно не испытывая радости. — Вы под покровительством Боскасла?

— В некотором роде... — Она огляделась вокруг, смутно понимая, что Brentford сбежал.

Минутой позже рука Хита обвила ее талию. Глаза их встретились, и волна жаркого томления затопила ее. Где-то в глубинах мозга она еще пыталась сообразить, почему так отзывается на его близость. Разве на Рассела она реагировала так же? Конечно, нет. Но обаяние Боскасла было легендарным.

— Я искал вас повсюду, — произнес он железным тоном.

Тревога, светившаяся в его глазах, противоречила сердитой интонации. Она же не нарочно заставила его беспокоиться. Господи Боже! Ведь не она устроила эту потасовку.

— Я вышла через заднюю дверь с этим человеком...

— Это я заметил, — холодно произнес Хит. — Он вам представился?

— Какой-то барон. — Она прекрасно сознавала, что Хит не убрал руку с ее талии.

В этой близости чувствовался собственник. Хит прищурился, соображая, и вдруг презрительно сказал:

— Барон Brentford. Как же, как же. Я знал, что где-то видел его раньше. Он в упор рассматривал вас во время завтрака в саду. Он известный распутник, Джулия.

— Я так и поняла. Как я понимаю, вы его недолюбливаете?

— Недолюбливаю? — Он бросил взгляд на улицу. — Этот гадкий маленький ублюдок поцеловал мою сестру Хлою в парке, укрывшись за экипажем. Перед свидетелями.

— Господи! Какой преступник!..

— Хлою за участие в этом отправили в ссылку. Brentford едва сохранил жизнь. Мой братец Грейсон требовал его голову.

— Однако она до сих пор на месте. Я имею в виду его голову.

— Пожалуйста, подвиньтесь, милорд. — Один из полицейских узнал Хита и дружески его предупредил. — Боюсь, сейчас все может обернуться весьма неприятно. Мы не хотим, чтобы молодая леди стала свидетельницей жестких действий.

— Благодарю вас, — произнес Хит и потащил Джулию за собой, мимо полицейского фургона. — С Brentfordом я разберусь позже.

— Он не сделал ничего дурного, просто помог мне выбраться наружу.

— Он держал руку у вас на плечах.

Когда они бегом бросились к экипажу графа, какой-то дьявольский порыв подзудил ее сказать:

— Ваша рука сейчас обвила мою талию.

Его синие глаза с упреком и некоторым лукавством глянули ей в лицо, и Хит, тряхнув головой, с вернувшимся хорошим настроением заметил:

— Да. Вы, знаете ли, очень на нее похожи.

Джулия помедлила на ступеньках кареты. Что, собственно, он имел в виду?

— Похожа на кого?

— На мою сестру. Умеете находить неприятности.

— Я в жизни не искала никаких неприятностей, Боскасл, — насупилась она и затем добавила: — Мне и не надо было их макать. К несчастью, они сами меня всегда находили.

Хит откинул голову на спинку сиденья и уставился в окошко. Колеса гулко стучали по булыжной мостовой. Он надеялся, что кучер избежит встречи с разбегающимися хулиганами. Теперь, зная, что Джулия вне опасности, он мог предаться роскоши тщательно проанализировать случившееся. Этот хитрый ублюдок Brentford улизнул, едва завидев приближение Хита. Будучи не только негодяем, но и трусом, барон, когда узнал его, поспешил уклониться от столкновения. Что было неудивительно.

Барон Brentford, красавец холостяк, чуть было не погубил репутацию младшей сестры Хита. Впрочем, Хлое помощи в этом не требовалось. Она уже подошла к опасной черте собственными проступками. Она только что не рассылала печатные приглашения на свидание каждому подходящему в мужья холостяку Лондона. Но если бы она не кончила свои игры счастливым замужеством с виконтом Стрэтфилдом, братья Боскасл призвали бы Brentfordа к ответу.

Граф Одем постучал тростью по крыше, и карета тронулась с места. Гермия, задыхаясь, откинулась на спинку противоположного сиденья.

— А вы что здесь делаете, Одем? — осведомилась она с некоторой неохотной благодарностью.

— Я подумал, что вам понадобится помощь, — ответил граф, качая головой. — Эта лекция должна была кончиться потасовкой. Я вам это предсказывал.

— Жалею, что никто не предсказал этого мне, — сказал Хит, скрепя руки на груди.

Ему никогда не доводилось попадать в такие передраги. Теперь наверняка придется прочесть об этом в завтрашних газетах.

— Вам незачем было приезжать, Одем, — не слишком уверенно продолжала Гермия. — Боскасл — наш телохранитель. Он защищал меня, как рыцарь королеву.

— Посмотрите на яичное пятно у него на рукаве, — указал граф.

Хит поймал мгновенную ухмылку, промелькнувшую по лицу Джулии, и, к своей досаде, почувствовал, что сам еле сдержал такую же. Ей, наверное, показалось очень забавным волнение, с которым он ее разыскивал. Хит откашлялся.

— Одем, окажите мне любезность, приказав кучеру остановиться у моего дома, после того как мы благополучно доставим дам домой.

— Но вы не можете сегодня вернуться к себе! — воскликнула Гермия. — У нас есть

планы на вечер. Мы едем в театр, не так ли, Одем?

— Действительно, — хмурясь, откликнулся граф. — И это гораздо лучший вид развлечения для двух мягкосердечных дам. Вы со мной согласны, Боскасл?

Хит ощутил неожиданное давление теплых, затянутых в перчатку пальчиков на своем колене. Он растерянно опустил глаза и увидел, как рука Джулии быстро вернулась на ее колени. Жаркая волна прокатилась по его телу, столь же незваная и тревожная, как прикосновение огня к голой коже. Он поднял взгляд на Джулию, надеясь, что она не заметит, не прочтет в его глазах мучительное желание. От нее, возможно, ему удастся это скрыть... но не от себя.

Встретившись с ним глазами, Джулия заколебалась в нерешительности, рот ее слегка приоткрылся. Ему следовало бы попросить ее не касаться его так вызывающе. Она что, не понимает, как его к ней влечет?

— Я тут подумал... Я думал...

— О чем? — Она явно догадалась, что у него на уме.

Прошлой ночью он признался в том, что желает ее. Не должна она дотрагиваться до него подобным образом, разве она не знает, чем это может кончиться? Самым пугающим было то, что он и сам этого не знал. Смущенная и настороженная, Джулия нахмурилась. Вот и хорошо.

— Вы не обязаны сегодня ехать с нами, — тихонько промолвила она. — Я буду в полной безопасности с Гермисей и Одемом.

Хит не мог позволить Джулии отправляться куда бы то ни было без него. Впрочем, с чем это связано? С охраной ее ради Рассела или с его собственными чувствами к ней? Ему слишком нравилось ее общество, чтобы быть спокойным. Однако раз начав игру, он вынужден доиграть ее до конца. Это его долг перед Джулией, пусть правила, по которым игра будет разворачиваться, ему неизвестны. Их обоих нельзя было назвать наивными и невинными, но в данном случае опыт не был благим преимуществом. Хит всегда любил вызов, вызов его уму и сообразительности. Игра на любовь была совершенно другой, более мощной, более опасной...

Несколько минут он стоял не шевелясь в уютной темноте собственного кабинета. Если бы он был пьющим, то сейчас напился бы и с удовольствием выпустил своих демонов на длинном поводке погулять по аду. Сколько силы хватит.

Но дела обстояли таким образом, что ему приходилось держать этих демонов в жесткой узде и не давать воли тайному влечению к Джулии, а значит, оставаться абсолютно трезвым. По крайней мере у себя дома он мог мирно подготовиться к этой битве, набраться сил для сопротивления соблазну, для борьбы с ним.

Мира хватило приблизительно на десять секунд. Громовые удары в парадную дверь и жизнерадостные мужские голоса объявили ему, что прибыли его братья, Грейсон и Дрейк.

Покой и тишина откладывались на неопределенное время. Семья была прежде и превыше всего.

Братья завладели гостиной, наполнив дом мужской энергией, беспечностью, озорными шутками. Старший, Грейсон Боскасл, маркиз Седжкрофт, развалился на белом атласном диване во всей своей надменной красе. Белокурый, мускулистый, общительный, он недавно женился и дал клятву исправиться: отказаться от пороков.

Их младший брат, лейтенант лорд Дрейк Боскасл, больше напоминал Хита и внешностью, и темпераментом. Высокий, поджарый, с короткими черными волосами и угловатым лицом, он разделял таланты Хита в области шпионажа и его страстную скрытную натуру. Он тоже приобрел вкус к приключениям и опасным женщинам. Дрейк был похож и не похож на Хита, непредсказуемый и взрывной элемент их семейства.

Все трое братьев обладали синими завлекающими глазами и сдержанной страстностью, делавшими их неотразимыми для женского пола.

— Чем обязан? — поинтересовался Хит, облокотясь на буфет. — Кому выразить благодарность за этот визит?

— Слухам, — усмехнулся четко очерченным ртом Дрейк. — Разнообразным слухам о тебе. Женщины семейства отправили нас на разведку...

Женщинами, которые подразумевались под этим общим понятием, были прелестная и бойкая жена Грейсона, Джейн Боскасл, и их сестры — Эмма и Хлоя. Крылышки последней по не любопытству, были сильно подрезаны недавним браком с виконтом Стрэтфилдом.

Красивое лицо Грейсона оживилось дружеским лукавством.

— Ходят слухи, что ты, наш скрытнейший и скромнейший братец, почти ввязался в бунт.

Хит не ответил ни слова.

— А-а... — понимающе протянул Дрейк. — Здесь замешана женщина.

— Как всегда, — ухмыльнулся Грейсон.

Хит оттолкнулся от буфета.

— Вы оба — безнадежные глупцы, не потрудились даже разузнать как следует — там были замешаны две женщины. — Он сделал паузу и позволил себе сдержанную усмешку. — Одна из которых наша старая подруга, Джулия Хепуэрт.

Глаза Дрейка на мгновение встретились с его глазами, сообщив Хиту, что все уже известно.

— Дорогая Джулия, великолепная и рыжая. Если я правильно помню.

Грейсон опустил руки.

— Женщина, которая подстрелила тебя. А теперь заставила бунтовать на улицах?

— Боюсь, все гораздо сложнее, — Хит посмотрел на Дрейка. — По правде говоря, я думаю, Дрейк, тебе стоит ее навесит, Побывать в ее обществе час или два, пока я не приеду.

Дрейк подтянул кружевные манжеты.

— Ладно. Я никогда не отказываюсь от шанса посетить красивую женщину, даже в качестве местоблюстителя.

— Как и я, — сухо откликнулся Хит.

— И все? — несколько растерянно произнес Грейсон. — Так вот просто, и... — Лицо его прояснилось. — Тут происходит нечто более запутанное. И Дрейк это знает. Когда я наконец научусь? Вы, сладкая парочка, вечно путаетесь в интригах. Господи Боже! Только не говорите мне, что та, которая тебя подстрелила, шпионка.

Хит запрокинул голову и расхохотался:

— Не угадал. Я исполняю роль ее эскорта и охраны ради Олторна. Кстати, мы могли бы проиграть войну, если б такие женщины, как Джулия и твоя жена, работали против нас...

— Хорошо, что напомнил, — перебил его Грейсон, оставив дальнейшие расспросы. — Ты придешь сегодня на вечер, который устраивает Джейн?

— Нельзя ли перенести визит? Дело в том, что сегодня я сопровождаю Джулию и ее тетюшку в театр. Вместе с графом Одемом.

— Со странным дядюшкой Одемом? — недоверчиво переспросил Грейсон. — Этот стареющий повеса все еще взбрыкивает?

Хит, забавляясь, усмехнулся:

— Думаю, мы все можем кое-чему у него поучиться.

Дрейк неторопливо встал с кресла.

— Мне пора. Будут еще какие-нибудь указания?

— Что нам известно о бароне Brentфорде?

— Возможно, меньше, чем следовало бы, — нахмурился Дрейк. — Нам давно пора поинтересоваться, что он собой представляет.

Две минуты спустя Дрейк Боскасл нанял кеб у дверей модного городского дома и, выполняя обещание, поехал к Джулии, оставив Хита и Грейсона одних.

— Что натворил Brentфорд на этот раз? — с глубоким неудовольствием поинтересовался Грейсон.

— Он проявил слишком много дружелюбного внимания к Джулии нынче вечером после лекции.

— Он как-то раз и на Джейн заглядывался, — промолвил Грейсон, вытягивая ноги. — Это было перед тем, как он попытался обольстить Хлою. К счастью, Джейн уже достаточно увлеклась мной и не откликнулась на его ухаживания. Остальное — история.

— Естественно, — ухмыльнулся Хит.

— Так Расскажи своему более взрослому и более мудрому брату, — продолжал Грейсон, складывая руки на плоском животе, — почему ты проявляешь такое внимание к женщине, прострелившей тебе плечо? Говори.

— Ты имеешь в виду Джулию?

— В тебя вроде бы больше никто из дам не стрелял. Признавайся. Кто она тебе?

Наваждение. Потребность. Желание, так тесно вросшее в его прошлое, что он не может отделаться от него, не повредив самой своей сущности.

— Полагаю, она моя обязанность.

— Странное определение, — скептически посмотрел на него Грейсон.

— Нет, это действительно так. Мне поручено ее охранять.

— Объясни толком.

Что он и сделал, весьма благодарный брату, что тот выслушал без насмешек, не прерывая рассказ ехидными замечаниями. Хорошо, что он частица полного страстей клана Боскаслов и всегда может положиться на их общую преданность. Ему самому пришлось полжизни потратить на вызволение братьев и сестер из разного рода неприятностей и постоянно защищать нею эту злосчастную ораву.

А теперь он также попал в историю самого худшего пошиба. Влип в сердечное дело, в опасное увлечение, которого до сих пор удавалось избегать.

— Грейсон, я прошу у тебя совета.

— Да-а. Ты это делаешь впервые. Обычно все бывает наоборот. Это к тебе, Хит, мы обращаемся за указаниями и холодным анализом.

— Полагаю, что я слишком глубоко погряз в этом, чтобы советовать себе самому.

— Хит Боскасл, шпион высшей марки, просит совета у одного из первых лондонских повес? Правда, исправившегося, — вслух рассуждал Грейсон. — Что ж, а кого тебе еще спрашивать? — До него вдруг дошло, и он выпрямился. — Ты говоришь, что Джулия помолвлена с этим распутником? С этой шлюхой мужского рода?

— Ты о сэре Расселе Олторне? — растерялся Хит. Он думал, что любовные подвиги Рассела были хорошо скрываемым секретом. — Грейсон, ты уверен, что мы говорим об одном и том же человеке?

Грейсон только презрительно фыркнул.

— Я тебе никогда об этом не рассказывал и сомневаюсь, что Олторн подозревает, но я владелец его дома. И не хочу, чтобы это стало общеизвестным. Понятно? Сбор арендной платы выглядит как-то... по-купечески, хотя я этих денег никогда не касался.

— Но почему это делает Олторна «шлюхой мужского рода»?

— Он искал удобное жилище для любовницы неподалеку от своего клуба. Ну, это же логично. Заглянет в клуб выпить бренди, тут же заскочит в дом рядом для иных радостей.

Хит напрягся от неприятного ощущения, которое мог бы назвать... отвращением. Он должен был знать, что все обещания Рассела хранить Джулии верность после свадьбы были ложью. Хит чувствовал себя преданным и обманутым. Если об этом знал Грейсон, значит, Джулия тоже вскоре узнает. Это лишь дело времени.

— Я рад, что покончил с развлечениями такого рода, — помолчав, добавил Грейсон. — А ты никогда не был таким. Я всегда восхищался твоей скрытностью. Больше забот, но они в конце концов себя оправдывают.

— Полагаю, — сухо откликнулся Хит, — что леди Харрингтон заказала всяческие

аксессуары и усовершенствования для их любовного гнездышка.

— Леди Харрингтон? — Грейсон посмотрел на него непонимающим взглядом. — Какое отношение имеет она ко всему этому?

— Она любовница Рассела.

— Нет, не она.

Хит недоуменно свел брови.

— Она. Я застукал их в самый момент...

— Верю, ты застукал их, но Люси не та женщина, которую Рассел поселил в арендованном у меня доме. Та красотка — оперная певица с роскошными формами, и притом, очевидно, беременная. У нее, кстати, грудь невероятных размеров.

— Беременная оперная певица? — В голосе Хита прозвучала циничная нотка.

Он устал придумывать извинения Расселу.

— Судя по тому, что мне докладывали, их роман никак нельзя назвать «прошлым», — пожал плечами Грейсон. — Расплывшаяся певица сообщила моему управляющему, что они собираются энергично пользоваться этим гнездышком после его возвращения из Парижа.

Еще одна любовница. Еще одно проявление неверности. Еще одна ложь. Эта была грязь самого отвратительного рода, о которой Джулия, Хит был в этом уверен, не имела ни малейшего представления. Если б знала, она выстрелила Расселу прямо в его лживое сердце. Он сам чувствовал страстное желание сделать это.

— Почему ты не рассказывал мне об этом раньше? — возмущенно спросил он.

— Я считал, что ты выше всяких сплетен.

— Да, но...

Голубые глаза Грейсона сверкнули дьявольским пониманием.

— Но не в том, что касается Джулии? Господи, ну и неожиданность!

Хит стиснул зубы. Он не назвал бы шесть долгих лет неожиданностью, хотя Грейсон, конечно, не мог этого знать.

— Я... думаю о ней уже давно, — после некоторого колебания признался он.

— Дай мне несколько минут оправиться от шока. Вот и ладно. Так что же мы станем делать?

Хит поднялся со стула и беспокойно заходил по комнате, сознавая, что у него есть только час или два на расспросы о Brentфорде.

— Как, по-твоему, я должен поступить?

Грейсон усмехнулся:

— Я точно знаю, как ты должен поступить. Это в границах моего опыта.

— И?..

— Все очень просто. Соблазни ее.

— В моих отношениях с Джулией не все так просто.

— Будет просто, если ты сведешь эти отношения к основным инстинктам. — Грейсон блаженно вздохнул. — Это отлично сработало с Джейн. Я соблазнил эту женщину, довел до полной потери разума, а потом женился на ней. — Он замолчал. — Она же соблазнила меня гораздо изящнее и тоньше. Я убеждаюсь с каждым днем все больше, что не могу жить без нее.

Слова Грейсона о жене и тех играх обольщения, которыми они развлекались перед свадьбой, заставили Хита задуматься. Грейсон и Джейн подходили друг другу. Это знали все. И тем не менее их путь к браку был совсем не прямым.

Хит взял со стола нераспечатанное письмо. Уголки его рта изогнулись в полуулыбке.

— Ты увлечен ею, а она — тобой, — продолжал Грейсон. — В итоге — взаимные мучения.

— Я...

— Тогда какого черта ты дожидаясь? Тащи ее в постель. Сделай ее своей. Твой ход.

— Но эта история с женихом... Он мой начальник и друг. Он действительно спас мне жизнь.

— Шлюха мужского рода? — Грейсон прищелкнул длинными элегантными пальцами. — С тех пор он несколько раз подвергал тебя опасности. В отплату долга... И присваивал себе успехи. Кроме того, Боскаслы не признают соперничества. Не будь таким порядочным, а то потеряешь ее.

Хит повертел в руках письмо.

— Я не хочу причинить ей боль.

— Причинить ей боль? Боже мой! Придумай неуязвимую стратегию. Обольщение — это приятная игра, а не смертельная битва.

— Приятная игра. Стратегия...

Ему никогда не приходило в голову планировать любовный роман. Однако эта мысль ему понравилась. Почему бы не применить свой интеллект для покорения женщины?

Грейсон небрежно пожал плечами:

— Всегда рад помочь. Раз уж я вышел из любовной игры, перестал быть вольным стрелком обольщения, то могу по крайней мере поделиться своими секретами. И пожелать тебе, Хит, столько счастья, сколько получил сам.

Любовная игра. Игра обольщения. Хит призадумался, почему никогда не воспринимал романтические отношения и ухаживание таким образом. Может быть, из-за того, что никогда не относился к этому всерьез. А ведь, пожалуй, это самый большой и соблазнительный вызов, который бросает мужчине жизнь? Раствориться в женщине, потеряться в ней, чтобы в конце концов выйти победителем? Итак, правила изменились до того, как Хит с ними освоился. Как далеко может он зайти в роли защитника? Включают ли в себя его обязанности защиту Джулии от измен Рассела?

Кому он сам должен быть верным? Расселу? Джулии? Или самому себе? Или все это самоедство было лишь упражнением в самообмане? Может быть, он просто искал предлог, чтобы завладеть тем, чего хочет?

В прошлых своих романтических связях он с таким хладнокровным высокомерием относился к влюбленным в него дамам, что мысленно почитал себя выше хитроумных интриг и бесцельных желаний, разрушавших их жизни. Он, сочувственно забавляясь, наблюдал, как за женщинами гонялись его братья, бесшабашные, безжалостные обольстители, неудержимые, как стая волков. Сколько раз он смеялся над друзьями, попавшими в силки любви и оглашавшими клуб жалобами на свои страдания?

Он всегда был волком-одиночкой, предпочитал не привязываться ни к кому, пока не найдет ту самую, желанную женщину. Брак Джулии стал препятствием, и время было неподходящим... Война пролегла между ними так же, как неумемная порывистость юности... ее ошибки. А затем путь преградил Рассел, поставив заслон из терний дружбы и долга. Хит мог винить за упущенный шанс только себя. Но больше он не повторит ошибок. Он не сможет жить без Джулии... вновь потеряв ее.

Рассел нарушил большинство основных правил. Он предал и друга, и невесту. Он

слишком легко лгал и Хиту, и Джулии и, судя по всему, собирался лгать дальше. Он будет изменять жене, карабкаясь на вершину замка и делая преданную им принцессу королевой. Такое поведение, возможно, было привычным в свете, но не для Боскаслов. Семейной традицией было обольщение, но не предательство. Нет и нет!

— Первый герой Лондона. — Хит с презрением швырнул так и нераспечатанное письмо на стол. — Владетель замка... нет, негодяй замка. Это точнее.

В холле раздались шаги, за дверью послышалось движение. Огромная тень упала на толстый восточный ковер, затмив собой узор из кроваво-красных пионов.

— Вы вернулись на весь вечер, милорд? — прозвучал бас, низкий, как похоронный колокол.

Хит обернулся к внушительной фигуре, заполнившей весь дверной проем. Хэмм был солдатом в его бригаде. Умелый фехтовальщик и верный друг, он нередко скакал в атаку рядом с Хитом. Вместе они сразили немало французских драгун. Хэмм выглядел свирепым и наводил страх на служанок, которых дразнил и защищал на свой неуклюжий манер.

— Вообще-то, Хэмм, я собираюсь отправиться в театр.

Лакей-гигант вошел в комнату, окинул хозяина внимательным взглядом и задержался на яичном пятне, засохшем на рукаве в противную корку.

— Вам понадобится свежая смена одежды, милорд?

— Да. И бритва. От сэра Рассела из Дувра не было никакого сообщения?

— Нет, милорд. Военное министерство обещало предупредить вас, если возникнет нужда.

Хит встретился глазами с пожилым йоркширцем. Именно Хэмм вместе с Расселом вызволили Хита из маленького португальского монастыря, где он прятался после побега, после пережитых пыток. Тело Хита еще носило шрамы, но ум нашел блаженное забвение. Хэмм потерял на войне обоих братьев и отца. Он никогда не говорил о них, но Хит знал, что он по-своему тихо горюет о них.

— Еще слишком рано, — промолвил Хит. — Я думаю, у него много неотложных дел, которые важнее, чем письма домой.

Хэмм кивнул, взгляд его был странно непроницаемым.

— Сэр Рассел может сам о себе позаботиться, милорд, — произнес он, помолчав. — Он всегда это умел.

Гермия без предупреждения вошла в спальню Джулии. Ее темно-золотое креповое платье с длинными рукавами отражало мерцающий блеск свечей.

— Святые небеса, Джулия, положи наконец свой глупый альбом для рисования. Ты еще не одета, а мы через несколько минут должны ехать.

— Хм?.. — Джулия не подняла на нее глаз.

Недовольство на ее лице лишь усилилось, по мере того как она всматривалась в рисунок, установленный на приподнятых коленях.

— Это преступление, — промолвила Гермия без всякого предисловия и плюхнулась на постель.

Джулия вздохнула.

— То, что я не одета соответственно или что вы ворвались без стука?

Гермия попыталась взглянуть на рисунок.

— Ни то ни другое. Я говорю о бесстыдном преследовании Одемом женщины моих лет.

Джулия прикрыла рисунок руками.

— По-моему, это очень мило.

— Мило? Этот старый негодник! Что ты там рисуешь такое секретное, Джулия? Покажи мне. Голого мужчину?

— Голого мужчину! Надо же!

— Голого Хита Боскасла?

— Право же, Гермия! Все, что я могу сказать, — это слава Богу, что он уехал домой хоть на час. Я едва могу перевести дыхание.

Гермия поджала губы, а Джулия нагнулась и бережно убрала альбом в сундук с медными скрепами, стоявший в ногах ее кровати.

Джулия решила, что позднее нужно будет подыскать другое место для храпения альбома. Она совершенно не доверяла хитроумной Гермии... и ее любопытству.

Соскользнув с постели, Джулия тщательно оправила свое белое платье из переливчатого шелка.

— Вы видели мой сапфировый браслет?

— Не пытайся переменить тему, Джулия. Когда Хит здесь, я чувствую себя в безопасности, моя дорогая. Защищенной.

— А я нет. — Она вытащила тонкую шерстяную шаль с бахромой из-под массивной фигуры Гермии. — Если хотите знать, я чувствую себя под угрозой.

— Под угрозой? — Брови Гермии недоверчиво приподнялись. — Да он убьет всякого, кто посмеет к тебе приблизиться. Или ты имеешь в виду совсем иную угрозу?

— Проклятие! — пробормотала Джулия. — Где этот чертов браслет?

— На столе, перед тобой. Так чем Хит угрожает тебе?

Джулия застегнула браслет и, поколебавшись, взяла с постели тонкие перчатки до локтя.

— Ситуация неуютная и неловкая для нас обоих.

В зеленых глазах Гермии сверкнуло понимание.

— А по-моему, он чувствует себя с тобой очень даже ловко и уютно.

Джулия смотрела на перчатки, словно вспоминая, как их надевают.

— Боюсь, что Рассел шантажом принудил Хита охранять меня.

— Шантажом? Ты хочешь сказать, что у Хита криминальное прошлое, которое угрожают разоблачить?

— Я не имею в виду ничего подобного. Просто Хит слишком благородный. — А Рассел понятия не имел, что делает, снова сводя их вместе.

— Как это можно быть слишком благородным?

Джулия с усилием натягивала перчатки.

— Мне бы хотелось убедить его, что ему нет необходимости оставаться здесь дольше. Может быть, вы поможете?

— Я не стану делать ничего подобного, — возразила Гермия. — Мне приятно его общество и тебе, Джулия, тоже. Я привыкла видеть в нем нашего собственного Аполлона. Возможно, с дьяволинкой, но какая женщина станет против этого возражать?

Гермия поднялась, прошествовала к двери и замерла в ожидании.

Джулия удрученно покачала головой.

— Наш персональный Аполлон.

— Ты не находишь его невыносимо красивым?

— Это сомнению не подлежит. — Но безусловно, именно это и было частью ее проблемы. Красивый, неотразимый, а в нужные моменты нежный. Джулию огорчало, что, несмотря на возраст и жизненный опыт, она легко поддавалась его обаянию.

Гермия приостановилась наверху лестницы. Ее грудь бурно заколыхалась под барочным жемчужным ожерельем.

— Бог в руках стоит двух на Олимпе. Я была бы очень расстроена, если бы ты отказалась от его охраны.

Джулия спустилась по ступенькам в холл и заметила смуглого интересного мужчину, одиноко стоявшего в полутемной, увешанной гобеленами нише. При ее приближении он повернулся на каблуках. Рука в печатке сжимала гладкие перила красного дерева. Джулия помедлила и молча попыталась его разглядеть.

Приятное удивление мгновенно сменилось острым разочарованием. С первого взгляда его можно было легко принять за Хита. У него была такая же густая черная шевелюра и дьявольская элегантность, беспечная мужественность, от которой захватывало дух. Мощные плечи, обманчивая худощавость фигуры, так выгодно подчеркивающая модный вечерний костюм. И глаза. Эти темно-синие глаза Боскаслов, которые оценивали и завораживали женщину той деликатной жаждой, от которой у них перехватывало дыхание. Джулия почувствовала, что ее рассматривают взглядом знатока, лестным и не оскорбительным.

— Здравствуйте, Джулия, — произнес Дрейк.

Он показался ей мужественным, доброжелательным и... волнующим в самом хорошем смысле этого определения.

— Я брат Хита — Дрейк. Вы меня помните?

— Конечно, помню. Очень приятно видеть вас спустя столько лет. Вы выглядите так же хорошо... — Она чуть не сказала, что он выглядит почти таким же бессовестно привлекательным, как его брат. — В общем, очень и очень хорошо.

Его взгляд вновь с явным удовольствием прошелся по ее окутанной шелком фигуре.

— Вы тоже. Очень и очень хорошо.

Она рассмеялась. В его глазах плясали искорки игривой чувственности, которая должна сводить женщин с ума. Он был похож на старшего брата, хотя черты лица жестче, овал шире

и привлекательность скорее грубоватая, чем изысканная. Дрейк точно попадал в категорию опасных, но привлекательных повес. Она вообразить себе не могла, каково это — вырастать в доме с такими неотразимыми и неукротимыми братьями. Одного Боскасла за глаза было довольно.

— Вы мой телохранитель на вечер? — поинтересовалась она.

— Это так бросается в глаза? — Он улыбнулся. — Ах, я-то надеялся выдать себя за вашего спутника.

Она с облегчением вздохнула. Интуиция подсказывала, что она может ему доверять.

— Ваш брат дышит мне в затылок, как дракон. Клянусь, этот человек никогда не перестает быть бдительным. У него глаза на затылке, он может видеть сквозь двери.

Дрейк с удовольствием рассмеялся:

— Хит такой. Мы зовем его Сфинкс. Во всей Англии нет ищейки сообразительнее.

— Да, — промолвила она, виновато отводя глаза. — Я это знаю.

Он весело ухмыльнулся, как будто они сразу стали союзниками. Похвала его загадочному братцу объединила их.

— Если он станет совсем невыносимым, вы всегда можете снова его подстрелить.

— Мне этого никогда не забудут.

Он улыбнулся ей заговорщицкой улыбкой и взял под руку. Сильная ладонь поддержала ее локоть.

— На вашем месте я бы гордился собой. Нам всем время от времени очень хочется его пристрелить.

Хит стоял в глубине частной театральной ложи. Глаза его привыкали к полумраку. Тяжелый запах пролитого эля, недоеденных апельсинов и свечного воска из партера наполнял спертый воздух. На каждом шагу попадались бесчисленные лакеи, так что он с трудом добрался до верхних лож. Однако, судя по всему, время своего появления он рассчитал точно: зеленый бязевый занавес готов был закрыться.

Представление только что завершилось, новая ирландская актриса, мисс О'Нейл, покорила зал, и зрители разразились бурными овациями.

Но в частных ложах все еще продолжали разыгрываться самые разные, притом весьма любопытные, драмы: негромкие представления к знакомству, кокетливые улыбки из-за вееров, произнесенные шепотом приглашения.

Хит, нахмурясь, медленно скользил внимательным взглядом по сидевшим впереди него фигурам; никто не подозревал о его присутствии. Граф Одем был погружен в какой-то очередной спор с Гермией. Головка Джулии сверкала в мерцающем свете свечей роскошными рыже-каштановыми локонами, но остальная ее фигура была заслонена мужчиной, склонившимся к ней слишком близко. Интимно.

Кто бы это мог быть, раздраженно подумал он, расправляя плечи.

Нет, это не Дрейк. Тот спокойно сидел, устремив бинокль на противоположную ложу. Наверное, на какую-нибудь хорошенькую женщину. По крайней мере он не бросил Джулию. Хит придвинулся ближе, стараясь рассмотреть поклонника Джулии. Мужчина повернул голову, и взгляд Хита потемнел: он узнал ее обожателя.

Спутником Джулии был тот самый напряженный молодой человек, который сегодня, несколько ранее, спас ее от буйной толпы: барон Brentford. Тот самый мужчина, который публично скомпрометировал Хлою.

Случайность это или нет?

Хит не впадал в гнев по пустякам. И не делал поспешных выводов. Не было ничего удивительного в том, чтобы встретить светского человека в опере. При той краткой встрече на выходе из лекционного зала Джулия, вероятно, не упомянула, что помолвлена с Расселом. Однако она успела упомянуть, что будет вечером в театре.

Хит напрягся, заметив какое-то движение в ложе. Его торопливые расспросы по пути сюда относительно прошлого Brentford никакой особой информации не принесли. Brentford был избалованным холостяком, игроком, бездельником, быстро расточившим свое наследство. Его происхождение было достаточно аристократичным, но не слишком впечатляющим. Кружевной, слоновой кости веер Джулии взметнулся и спустился на запястье Brentford. Случайной была их встреча или нет, но легкий удар веера по руке мужчины имел общепринятый смысл. Либо внимание Brentford обратилось не туда, куда надо, либо Джулия с ним флиртвала. В любом случае Хит намеревался положить этому конец.

— Добрый вечер всем, — произнес он с подчеркнутым дружелюбием, окинув Brentford враждебным взглядом, перед тем, как пронзить им Джулию.

Она посмотрела вверх, и глаза ее удивленно расширились. В них засветилось удовольствие от его появления, которое она и не пыталась скрыть. Радость от этого взгляда смягчила гнев Хита. Жгучее стремление к Джулии временно заслонило все иные мысли. Он

глубоко вздохнул. Так дело не пойдет. Он не мог позволить себе уклониться от цели только лишь потому, что она посмотрела на него.

Он обратился к Дрейку:

— Проводи всех к экипажу. А нам с другом Джулии нужно перекинуться несколькими словами наедине.

Одем, быстро оценив ситуацию, понимающе кивнул и склонился к Гермии, помогая ей встать с кресла. Дрейк протянул руку Джулии. Она посмотрела на Хита с покорной мольбой.

— Только несколькими словами, — произнесла она вполголоса. — Он совершенно безвреден.

— Неужели? — откликнулся Хит с натянутой улыбкой.

Брентфорд выпрямился с таким видом, словно ему зачитали смертный приговор. Проникновенный взгляд его карих глаз с тоской проводил выходящую из ложи Джулию.

— Увижу ли я вас снова? — возвал он ей вслед, явно не сознавая, что переходит границы приличия. — Увижу ли...

Хит слегка откашлялся.

— Я высоко ценю галантность, которую вы проявили сегодня в лекционном зале, Брентфорд, но дальнейшую заботу о Джулии беру на себя. Видите ли, эта леди занята.

— Да, конечно, но я мог бы увидеться с ней в другое время.

— Занята — в смысле помолвлена, собирается выйти замуж, — процедил Хит сквозь зубы.

Испуганный взгляд Брентфорда вернулся к Хиту.

— Замуж? За вас?

— За моего друга.

— О, слава Богу, — произнес Брентфорд, закрыв глаза с таким облегчением, что Хит даже испытал к нему сострадание.

— Брентфорд, вы просто жалки. Право, мне стоило выпороть вас как следует за то, что вы посмели поцеловать мою сестру в парке. И если бы я не подозревал, что Хлоя тоже виновата в этом происшествии, то вы бы сейчас здесь не стояли.

Брентфорд воздел руки в жесте самозащиты.

— Я женился бы на вашей сестре, если бы Седжкрофт подпустил меня к вашему дому, чтобы сделать предложение. Я не осмелился даже показаться рядом с его дверью.

Хит окинул его холодным непрощающим взглядом. Ему не нравился Брентфорд, но в сказанном было немало правды. И все равно барон относился к тем легкомысленным глупцам, которые влюблялись в каждую встреченную красотку. Его нужно чуть-чуть осадить. И удержать подальше от Джулии. Хит собирался разъяснить это барону раз и навсегда.

— Вы со своим предложением все равно опоздали, — произнес он. — Хлоя счастливо вышла замуж за человека, который убьет любого, кто взглянет на нее дважды.

Брентфорд обреченно кивнул:

— Знаю. Доминик Брекленд. Счастливый дьявол.

— Опасный дьявол. Как и жених Джулии, сэр Рассел Олторн. Полагаю, вы о нем слышаны.

Барон вздрогнул и сник, как испуганный школьник.

— Разумеется, слышан. Все вы очень опасны.

Хит оглянулся вокруг, оценивая обстановку. Дрейк и Джулия, вероятно, еще не

пробились сквозь толпу к выходу из театра. Ему вдруг безумно захотелось оказаться с ней наедине. Разговор с Грейсоном помог кристаллизации его чувств к ней, а наблюдение за ее беседой с Brentfordом вызвало к жизни какие-то глубинные инстинкты. Он решил действовать.

Признав свои темные желания, Хит уже не мог повернуть назад. Если он не станет добиваться Джулии, она выйдет замуж за Рассела и будет потеряна для него навеки.

Многие годы он отрицал ее значение в его жизни. Больше отрицать свою нужду в ней он не будет. И не даст отвергнуть себя. Сейчас главным было охранить ее от смертельной угрозы... и сохранить ее для себя.

— Я полагаю, — сказал барон, бросая горестный взгляд на опустевшую ложу, — что утром на уроке фехтования мне следует попросить учителя пронзить шпагой мое сердце.

Хит покачал головой. Ему надоели жалостные гримасы Brentfordа.

— Если вы не станете сдерживать свои любовные порывы в отношении леди Уитби, вам не придется искать смерти. Она будет ждать вас на пороге вашего дома. Это я вам обещаю.

Он сам не понимал, почему отнесся к Brentfordу так снисходительно. Чертов глупец заслуживал хорошей взбучки. Его следовало напугать раз и навсегда. Brentford понятия не имел, каким везением было избежать гнева клана Боскаслов не один раз, а два. Хит не считал себя вспыльчивым. Если ему понадобится встретиться с бароном, это будет сделано на рассвете, где-нибудь в поле, а не в каком-то публичном месте. Однако сию минуту обольщение призывало его сильнее, чем битва.

Он протиснулся через толпу зрителей, заполнивших освещенное свечами фойе, вежливо отменяя приветствия окликавших его друзей и дам, кидавших ему призывные взгляды. У него не было на них времени да и интереса к их приглашениям и разговорам о политике.

В голове свербела лишь одна мысль, одно желание, единственная цель.

Он заметил Джулию уже у двери. Дрейк охранял ее с одного бока, а Одем и Гермия — с другого. Неожиданно Джулия оглянулась и, завидев его, улыбнулась. Ее полуобнаженные плечи мягко сияли в свете свечей. Сегодня она была такой прекрасной, что он не мог отвести от нее глаз.

Жаркая волна покатила по его телу. Раскаленное добела желание гальванизировало все его существо, побуждало к действию. Джулия поманила его к себе, ее серые глаза смотрели тепло и откровенно. Это была женщина, у которой не было причин играть в какие-то игры. Эту женщину он желал так сильно, что чувствовал биение страсти в своих костях. Чем Польше он ее видел, тем больше жаждал ее. А может быть, он просто достиг того возраста, когда перестают долго ждать исполнения своих желаний. Он ощутил, как взбунтовалась его кровь, в предвкушении, как возбудились все его чувства.

Хит улыбнулся ей в ответ и сделал шаг, инстинктивно огибая небольшую группу людей. И вдруг остановился. Его охватил какой-то первобытный страх, по коже пробежал предупреждающий холодок, некое предостережение, совершенно отличное от воспламеняющего влечения к Джулии.

Появилось ощущение, что за ним наблюдают. Нервы тревожно напряглись. Пытаясь найти источник этой тревоги, Хит окинул оценивающим взглядом море равнодушных непримечательных лиц, окружавших его. Однако в такой давке оказалось невозможным отыскать взгляд, выделивший его.

Он почувствовал нерешительное прикосновение к руке и круто обернулся:

— Кто?

— Что такое, Хит? — спросила Джулия со взволнованной улыбкой. — У вас такой вид, словно призрак прошелся по вашей могиле...

Он бросил еще один взгляд через плечо, заботливо обвивая рукой ее талию. Казалось, все окружение было вполне обычным: никаких угрожающих теней... никаких поводов для беспокойства.

И все же в первую очередь надо поскорее и благополучно доставить Джулию домой. Может быть, ей грозит опасность? Но от чего? Или от кого? Хит не стал тратить время на разгадку этого стремления защитить Джулию от незримой угрозы, возможно неразумного. Но порыв, хотя, возможно, и ошибочный, был слишком сильным, чтобы им пренебречь. Впрочем, его инстинкты ошибались редко, а поскольку речь шла о Джулии, он не хотел рисковать. Сзади его окликнул дружеский голос, но Хит не стал оглядываться.

Крепко схватив Джулию за руку, он быстро вывел ее из театра туда, где на тротуаре перед фасадом их ждали Одем и Гермия. Джулия подчинилась ему без разговоров, но, когда подкатил экипаж, голос ее упал до озадаченного шепота.

— Куда мы отправляемся с такой поспешностью? — спросила она через плечо. — Полагаю, есть причина, по которой, мы так торопимся?

Пальцы Хита скользнули по ее руке от локтя к плечу, затем по спине вниз. Ощущение нависшей угрозы как-то рассосалось, позволяя ему сосредоточиться на более приятных вещах. Он положил ладонь на крутой изгиб ее спины ниже талии. Джулия резко втянула в себя воздух. Хит привлек ее поближе. Какое-то мгновение он просто наслаждался ее близостью, чувственным удовольствием от ее земной, плотской привлекательности. Джулия обладала пышными формами, не рыхлыми, но щедрыми, то есть была волнующей женщиной, воплощением мужской фантазии. Ему представилось, как она двигается под ним... или на нем... Манящее видение. За последние годы он многое узнал о том, как угодить женщине и как доставить удовольствие самому себе.

Она доставит ему радость в постели. И он тоже даст ей наслаждение. Хит глубоко вздохнул, чтобы успокоить бурное сердцебиение. Аромат ее волос дразнил его чувства.

Джулия обернулась без предупреждения, и взгляд ее медленно сомкнулся с его взглядом и признал, понял его чувственные мысли, незаконные блуждания его руки. Легкая улыбка, которой она его одарила, не столько укоряла, сколько вопрошала о его намерениях.

— Вы прикасаетесь ко мне, — промолвила она вполголоса.

Он сильнее прижал ладонь.

— Да.

Джулия выглядела несколько озадаченной, возможно, не понимала, почему вдруг он вышел за пределы роли сурового защитника. Да еще публично. Его пальцы игриво касались теплой ложбинки на спине. Он обратил внимание на то, что она не отодвинулась, и рот его изогнула улыбка.

Разумеется, он не станет рассказывать ей об измене Рассела, о том, что именно это изменило его поведение. Не на таком раннем этапе их взаимоотношений. Это пока не нужно. Пусть решит, что бурная кровь негодника Боскасла наконец вскипела и выдала себя. Он собирался завоевать ее честно и прямо... конечно, пересмотрев старые правила. Ее охрана все равно остается для него главным делом. А в остальном он позволит себе все, что поможет покорить ее. Его умение обольщать было гибким и мгновенно менялось в соответствии с обстоятельствами.

Это будет самое приятное его завоевание, стоящее любых хитростей и усилий.

Гермия громко кашлянула у них за спиной. Хит с трудом подавил смех и неохотно убрал руку. Прикосновение к Джулии разожгло его чувства. Он мог бы часами ласкать ее великолепное тело.

— С вами все в порядке? — так же тихо полюбопытствовала Джулия. — Вы поссорились с Brentfordом?

— Он больше не будет вам надоедать. Думаю, я разъяснил ему это достаточно понятно. — Он подождал, пока она поднимется в экипаж, и, последовав за ней, уселся напротив, рядом с Одемом.

Его тело словно отяжелело. Он наблюдал за Джулией в полумраке, и всего лишь лицезрение ее, звуки ее голоса вызывали в нем глубокое волнение.

Джулия стала возиться с отрывающейся пуговкой на перчатке.

— Не нужно суетиться вокруг меня, как нервная нянька. В следующий раз вы, наверное, положите меня на колени и отшлепаете.

Хит потер свой шрам над верхней губой.

— Не соблазняйте меня.

Она наклонилась вперед, подальше от бдительной Гермии, и тихонько промолвила:

— Как будто это возможно.

— Как будто вы этого не заслужили.

— Может, и заслужила, — призналась она, сверкнув глазами.

— Ваш муж никогда вас не шлепал? — бросил ей Хит с вызывающей улыбкой.

— Он бы не осмелился.

— Конечно. После того как дал вам пистолет...

— Должна вам сообщить, что я ни разу в него не стреляла.

— Он сознавал, как ему повезло? — Хит подразумевал везение во всех смыслах.

— Полагаю, что он был вполне счастлив, — ответила она после долгого колебания.

Это означало, что Джулия верховодила в их браке. Насколько сильно она любила мужа? Каким был этот мужчина, завоевавший ее сердце? Походил ли на него Рассел? Прежде чем Хит смог задать более глубокие вопросы, неожиданно появился Дрейк и, насвистывая, забросил свою поджарую фигуру в экипаж.

— Добрый вечер всем, — обаятельно улыбнулся он, его черные волосы были подернуты влагой начавшегося дождика. — Надеюсь, вы не слишком долго меня ждали? Я встретил друга. После того как я покину вашу чудесную компанию, мы отправляемся на бал. Если, конечно, мои услуги в качестве сопровождения больше не нужны.

Джулия выпрямилась и твердо объявила:

— Нет, не нужны, но благодарю вас за предложение. Мне не понадобятся ваши услуги... я хочу сказать, ваше общество... каким бы приятным оно ни было. Это в высшей степени нелепо. Единственным человеком, приблизившимся ко мне за многие недели, был Brentford, а он безобидный дурак. С такими я легко справляюсь.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Хит укоризненно посмотрел на Дрейка:

— Я ведь просил тебя позаботиться о ней.

Улыбка Дрейка была холодной, но многозначительной.

— Могу тебя уверить, что Brentford не зашел бы далеко. Я одним глазом все время следил за ним.

— Он точно не французский шпион, — заметил Одем.

Гермия покачала головой:

— Этого знать нельзя. Осмелюсь предположить, Дрейк, что мы не скоро увидим вас за картами или беседой?

— Наверное, нет, — извиняющимся тоном откликнулся Дрейк. — Но я получил удовольствие от спектакля.

— Ты промокнешь, — сказал Хит, глядя за окошко. — Возьми мое пальто.

Дождь тем временем разошелся всерьез. Хит стащил с себя черное шерстяное пальто и передал брату. Гермия приподняла занавеску и проводила взглядом Дрейка, который выскочил в дождливую ночь и на прощание дружески помахал рукой экипажу.

— Как же, получил он удовольствие от спектакля, — проворчала она. — Он ни одной сцены не прослушал. Все флиртовал с дамой в ложе напротив.

Джулия задрожала под шалью. Заметно похолодало.

— По-моему, — заметила она, — склонность к флирту — их семейная черта.

— У него прекрасное сложение, — пробормотала Гермия, задумчиво переведя взгляд на Хита. — Полагаю, вы вряд ли станете уговаривать его попозировать нашему клубу живописцев в следующем месяце? Мы ведь все еще не нашли нашего Аида.

На протяжении всей короткой поездки домой Джулия остро ощущала присутствие Хита. То, что он коснулся ее на улице... повергло ее чувства в сладостное смущение. Она почти побаивалась встретиться с ним взглядом...

К моменту, когда четверо пассажиров кареты подъехали к дому, дождь только усилился, так что пришлось бежать к входной двери. Гермия настояла, чтобы мужчины не торопились уезжать, а переждали ливень. Что в случае Хита было излишним.

Он объявил, что не собирается возвращаться к себе, и никакие слова Джулии его решение не поколебали. Он был также спокоен и непроницаем, как всегда.

Однако этим вечером в нем словно трепетало какое-то напряжение, и это ее заинтриговало. Эту мрачную чувственность она не могла не заметить. Изменилась даже манера, с которой он на нее смотрел. Перед ней был иной Хит, более угрюмый, чем ранее, мужчина, тревожная резкость которого манила, а не отпугивала. Ее притягивала эта загадочность. Влекло жаркое желание, которое он позволил ей прочесть в его глазах.

Они уселись в гостиной вчетвером, чтобы поговорить, и Джулия налила бренди Одему и Гермии. Хит уселся в кресло у окна и пристально рассматривал улицу. Слуги разожгли в камине жаркий огонь, но в комнате было по-прежнему холодно и сыро.

Наконец Хит обернулся и, опершись подбородком на руку, стал смотреть на Джулию откровенно чувственным взглядом из-под тяжелых полуопущенных век. Значение этого взгляда, пламя, сверкающее в синих глазах, нельзя было истолковать иначе. Мощный напор его взора пронзал все ее тело, возбуждал так, что она больше ни о чем не могла думать. Она ощущала, как этот взгляд снимает с нее одежду слой за слоем, отбрасывает ее обещание другому мужчине, их прошлые отношения.

У Джулии вдруг ослабели колени. Она налила себе щедрую порцию бренди и уселась на диван, медленно ее прихлебывая. Одем и Гермия живо обсуждали модную актрису, мисс О'Нейл, но Джулия была не в силах следить за их беседой. Она могла лишь притворяться невозмутимой.

Полный темного пламени взгляд Хита не отрывался от нее, поддерживая ощущение близости. Если б она не знала, что этого не может быть, она бы решила, что в последний час ее защитник готовится ее обольстить. И ему это прекрасно удастся. Всего несколько

взглядов, прикосновение... и он превратил ее в... Она не хотела признаться себе в том, что чувствует. Если бы она это признала, разверзся бы суший ад. Она не смогла бы изображать, что это ничего для нее не значит. Поэтому молчала, опустив глаза на руки.

Она допила бренди, совершенно не почувствовав опьянения. Вопросительный взгляд Хита перешел с ее лица на пустой бокал, потом вернулся к лицу.

— Я отправляюсь в постель, — объявила она и притворно громко зевнула. — Сладких снов всем вам. — Она помедлила около стула, поднимая вечерние перчатки. Усталости она не ощущала, так что собиралась раздеться и почитать в постели... — Мой браслет... — тихо ахнула она. — Он пропал. Я только сейчас поняла, что его нет.

Хит встал с кресла и приблизился к ней.

— Я не заметил его на вас в экипаже. Возможно, вы потеряли его где-нибудь в театре.

— Очень может быть, — нахмурилась Джулия. — Там была такая толпа. Вы не помните, Гермия, был он на мне в театре?

Гермия покачала головой:

— Не обратила внимания. Помнится, он был на вас, когда мы покидали дом.

— Я проверю утром, — промолвил Хит, следуя за Джулией к двери. — Позвольте проводить вас наверх.

Джулия улыбнулась ему в ответ, каждый нерв в ней дрожал от его близости.

— Вы думаете, что между этой комнатой и моей спальней меня поджидает смертельная опасность?

Он, прищурясь, всматривался в ее профиль.

— Никогда нельзя знать наверняка. Может случиться что-то более приятное. Возможно, мы даже найдем ваш браслет.

Она почувствовала, как забилося ее сердце, когда Хит шагнул к ней. Джулия замерла. Если она повернется, то просто упадет на него. У нее не было места даже сделать глубокий вдох.

— Хит Боскасл, вы негодник, — произнесла она, на мгновение закрывая глаза. — Подумать только, а все считают вас честным человеком!

Его подбородок откровенной лаской задел узел волос у нее на затылке. И в голосе Джулии прозвучало нескрываемое удовольствие.

— Гермия видела, как вы обнимали меня у экипажа? — вполголоса осведомилась она.

— Сомневаюсь, — пробормотал он без тени раскаяния. — Но на всякий случай сейчас давайте перейдем в холл...

Она не выдержала, оторвалась от него. Ее чувства были настолько поглощены Хитом, что она не обращала внимания на двух других присутствовавших в комнате. И тут Одем встал с дивана и, оставив Гермия на полуслове, направился к ним.

— Я провожу Джулию, Боскасл, — произнес он.

Хит удивленно обернулся, но не возразил. Джулия готова была рассмеяться. Как легко он потерпел поражение в своих возможных проказах! Она подняла на него глаза, и его ответный взгляд сказал ей, что намерения не отменены, а лишь отложены. Но что это были за намерения?

Минутой позже они с Одемом стояли в коридоре одни. Джулия не могла сообразить, что вызвало внезапную галантность графа. Для их отношений это было нехарактерно. По правде говоря, граф выглядел смущенно, подавленно и почти грустно. Жесткие черты его лица как-то смягчились. Он вдруг взял ее за руку. Что на него нашло? Джулия заметила, что

он очень серьезен, значит, что-то очень неладно.

С нехорошим тревожным чувством она опустила глаза на его узловатые пальцы, сжавшие ее ладонь.

— Если Гермия снова прикажет вам уйти из ее жизни, я не буду становиться ни на чью сторону, — промолвила она. — Вы оба хуже, чем дети. Если, разумеется, вы не опустились до подкупа. Я...

Одем откашлялся.

— Джулия, я знаю, какими злопамятными бывают женщины. Вы никогда не прощаете оскорблений.

— О чем это вы, Одем? — тихо спросила она. — Вы же знаете, что Гермия не слушает моих советов. Отдайте ей письма, что она вам писала, и давайте покончим с угрозами.

— Бедная Джулия. — Он сильно сжал ее пальцы. — Речь идет не о Гермии. Это касается слухов о Расселе, которые я узнал сегодня в клубе.

Ее улыбка застыла, стала искусственной. Она слышала стук дождя по булыжникам мостовой, прерывистое биение своего сердца.

— Слухи? Какие слухи? Он ранен?

— Дело не в этом. — Выражение его лица стало почти жалостливым. — Измена — вещь довольно обычная и распространенная. И конечно, не мне бросать камни. И все же когда в этом замешаны дети, дело принимает другой оборот. У него будет ребенок от другой женщины. По крайней мере так говорят. Простите меня за прямоту.

Ей следовало бы оказаться более потрясенной, более шокированной и растерянной, более... А вместо этого она ощущала счастливое равнодушие, которое растеклось по всему ее телу, нервам и жилам, пока она вслушивалась в странно успокоительную ярость ливня и еще более умиротворяющие голоса Хита и Гермии, доносившиеся из-за двери гостиной. Джулия слышала басистый смех Хита, мягкий и приятный. У него был удивительно бархатистый, теплый голос. Как могла она его позабыть? Как мог Рассел быть таким добрым и одновременно изменять ей? Как мог он предложить ей руку и сердце, когда другая женщина ждала от него ребенка?

— Гермия знает об этом? А Хит?

— Боже упаси, нет! Я не проронил ни словечка. Возможно, сплетники все перепутали, — бормотал Одем. — Если хотите, я разужнаю подробнее.

— Не думаю, что это необходимо. — Она ласково высвободила руку из его пальцев. — Я высоко ценю вашу честность.

— Мы еще не знаем, правда ли это.

Джулия нервно глотнула. Одем точно верил в это, иначе никогда не рассказал бы ей.

— Вы правы. Не нужно торопиться с осуждением.

Граф с облегчением вздохнул.

— Я рад, что облегчил душу. По крайней мере если это окажется правдой, вы будете к ней готовы. С вами все в порядке, Джулия?

Ее взгляд скользнул к закрытой двери, а мысли — к смуглому обаятельному мужчине, который находился за ней. К ее защитнику. Ей вдруг так захотелось быть рядом с ним.

— Со мной все прекрасно, Одем. Благодарю вас. Чтобы сделать то, что сделали вы, нужно мужество.

Она положила расческу на туалетный столик и крутанулась на стуле. Стук в дверь был тихим, но настойчивым, так что его нельзя было проигнорировать. Это не небрежный и уверенный стук Гермии. Наверняка стучался Хит. Готова ли она встретиться с ним лицом к лицу? Сию минуту она чувствовала себя очень уязвимой.

Семечко, заброшенное ей в мысли Одемом, начало укореняться. Давать гадкие подземные корни, душившие доверие и овладевавшие сердцем. То, что Рассел оказался ей неверен, было достаточно болезненно. И ребенок... Должен родиться ребенок!

Стук в дверь повторился. Она выждала минуту, размышляя, стоит ли открывать.

— Кто там?

— Это я, Хит. С вами все в порядке?

Она встала и открыла дверь. Необходимость защититься от его изысканной элегантности и саркастической улыбки отодвинула остальные тревога. Он снял вечерний костюм и теперь в белой батистовой рубашке, черном шелковом жилете и облегающих панталонах грубой шерсти выглядел необыкновенно мужественным.

— А что со мной должно случиться? — поинтересовалась она, жестом приглашая его войти.

— Мне нужно осмотреть эту комнату перед тем, как вы ляжете спать. В конце концов, нас весь вечер не было дома.

— Я проверила свою комнату, — ответила она, наблюдая за ним.

— Но я хотел бы удостовериться, что у вас закрыты окна. Идет сильный дождь.

— Как будто в Англии это большая редкость.

— Да, конечно, но сейчас вечер. — Он стал обходить комнату по периметру, нарочито осматривая ее и заглядывая под мебель. — Вы не забыли, что случилось в другую ночь, когда шел дождь?

Хит подошел к окну и пристально всмотрелся в крошечную тьму и глушь сада. Джулия опустила руки и, нахмурилась, подошла к нему.

— Там, в сарае, ведь нет никого. Правда?

Он покачал головой и коротко глянул на нее. Они стояли, касаясь друг друга плечами. Несмотря на похолодание, а может, из-за него Джулия ощутила, как притягивает ее знакомое тепло его тела. Так соблазнительно было прижаться к нему и ни о чем не думать.

— Джулия, — произнес он, заглядывая ей в лицо.

— Если вы пришли сюда в поисках рисунка, учтите, что я спрятала его не здесь.

— Не нужен мне ваш рисунок. То есть нужен, но я пришел не за ним.

Джулия провела костяшками пальцев по запотевшему стеклу. Признание Хита заинтриговало ее, но она не могла заставить себя попросить у него объяснения, как бы ей этого ни хотелось. Самое безопасное — сменить тему.

— Я жалею, что вам не удалось посмотреть сегодняшней спектакль. Он был очень забавный.

— Посмотрите на меня.

При властном звуке его голоса сердце Джулии бешено забилося. Она не смела взглянуть ему в глаза: она сразу же сомлеет, растечется лужицей у его ног, истает, как капля дождя на горячем камне. Или легким парком взовьется ввысь.

— Мисс О'Нейл произвела настоящий фурор, — невнятно пробормотала она.

— Вы думаете, меня это интересует? Хоть каплю? — мягко произнес он и, повернувшись, притянул ее к себе.

Она прижалась лицом к его плечу и услышала, как бьется сердце в его груди, почуяла чудесный пряный запах мыла. Хит обвил ее руками, и Джулия позволила себе расслабиться. Его рука скользнула к ее локтю. Тело Джулии приникло к Хиту в мучительном признании его власти. Его спокойная сила действовала на нее неотразимо. Она испытала невольное восхищение перед этой силой.

Хит Боскасл. Хладнокровный, сдержанный, равнодушный, демон ее забытых грез. Ничто и никто не мог вывести его из себя. Тихие воды... слишком глубокие, чтобы разглядеть в них что-нибудь. Воды, в которых женщине легко утонуть. Идеальный англичанин. Истинный джентльмен.

Джентльмен, который спокойно развязал ленточки ее ночной сорочки, спустил их до талии и вдруг начал целовать ее до бесчувствия. Он подхватил ее на руки и понес на постель. Обнаженной по пояс. Все это произошло в несколько секунд. У нее кружилась голова. Пышная грудь прижималась к его груди, твердой и мускулистой.

— Думаю, мне не нужно спрашивать, что вас интересует, — прошептала она около его губ, растерянная, задыхающаяся, теряющая разум. — Я... вы понимаете, что делаете со мной?

Он лишь усмехнулся и быстро подхватил ее одной рукой, прежде чем она свалилась на синее покрывало.

— Конечно, понимаю. — Он ловко опустил ее на постель. Его рука ласкала ее грудь, чувственно... собственнически. Она, трепеща, выгнулась ему навстречу. — Я теперь многое понимаю.

— Возможно, — откликнулась она и вновь содрогнулась до глубины своего существа. — Наверное, мне не стоит спрашивать, что означает это многое. — Нет, ей нужны не его слова, она хотела, чтобы он ей это показал.

Она хотела ощутить его без сдерживающих ограничений, испытать на деле чувственный голод, который читала в его глазах. Ей не хотелось думать о предательстве Рассела. Если быть честной, то рассказанное Одемом не ранило ее так глубоко, как должно было ранить. И она знала почему... Ее уже тянуло к другому мужчине.

Хит ощутил ее отклик. Он завладел ее ртом глубоким чувственным поцелуем раньше, чем она смогла его расспросить. Он сомневался, что любые ее слова изменят то, что происходило между ними. Ее жаркий ответ на его поступок даровал ему нужное разрешение на дальнейшее. Ее полуобнаженное тело лежало под ним, как в ловушке. Тонкие белоснежные руки уже протянулись к нему.

Не для того, чтобы оттолкнуть. Чтобы изучить... исследовать... подразнить... узнать, что он любит. И Хит был рад намекнуть на то, как полно могут они насладиться друг другом. Возможно, не сегодня. За многие годы он научился выдержке. Он хотел, чтобы она страстно жаждала его, чтобы у нее не оставалось ни малейших сомнений в том, что она должна принадлежать ему. Но живший в нем повеса хотел подразнить ее вкусом того, в чем она нуждалась.

Она приподнялась на локтях и нежно укусила его в плечо, а мгновением позже лизнула легкую царапинку.

— Впрочем, подумав, — пробормотала она, — я, пожалуй, спрошу.

— Спросишь? О чем? — Его внимание было устремлено не на разговор, а на продолжение того, чем они занимались.

— Что мы делаем в моей постели? — прошептала она, положив ладонь ему на сердце.

Хит захватил ее запястья в одну руку и завел их ей за голову.

— Все, что только захочешь, что предложишь, — дьявольски улыбнулся он.

— Я ничего не предлагаю. — Но быстрота ее ответа сказала ему иное.

— В таком случае я беру инициативу на себя.

Она напрягла руки, он сжал хватку.

— Нет, подожди минутку.

— По-моему, я ждал достаточно долго.

— Нет, недостаточно, — беспомощно рассмеялась она. — Хит, ты не должен здесь находиться.

— Мне было велено стать твоим телохранителем. — Он прижался к ней. Джулия была полураздета, а он вообще одет. — Так?

Она с легкой улыбкой прищурилась.

— Да, но...

— Ну вот. Я тебя и охраняю.

— Нет, не охраняешь, — тихо засмеялась она.

— Я гарантирую, что никто не доберется до твоего тела, пока я буду сверху...

Она открыла рот, чтобы возразить, но потеряла мысль, так как эмоции захлестнули ее. Она ощущала себя открытой, охваченной стремлением к нему. Он требовал... и получил... полное ее внимание.

Много лет назад он оставил на ней свою печать. Ее сердце, ее тело слишком хорошо помнили все и жаждали завершения начатого тогда. Она хотела стать его частью, закончить наслаждение. Убрать тень той муки... Он переменял позу, и Джулия застонала. Она ощущала, как он нуждался в ней, и инстинктивно хотела дать ему исполнение этого желания.

Она извивалась и выгибалась под ним. Его губы сомкнулись на ее соске и потянули жадно и сильно, пока у нее не потемнело в глазах. Его пальцы скользнули под ее ночную сорочку, лаская, пробежали по коже.

Тело Джулии содрогнулось, напряглось. Она услышала, как он резко втянул воздух. Его пальцы удалялись и повторяли дразнящую игру, пока она не задрожала от первобытной потребности, пока у нее не перехватило дыхание. Придавив ее бьющееся тело мощным бедром, Хит безжалостно дразнил ее.

— Поверить не могу... — Слова застревали у нее в горле, оттуда вырывались лишь всхлипы изумленного наслаждения. — Поверить не могу, что мы повторяем ту же ошибку.

— Единственная ошибка, — прошептал он, — состоит в том, что шесть лет назад я позволил тебе убежать от меня.

— Я же не знала...

— Я целую вечность желал коснуться тебя вот так, — тихо промолвил он.

Она почувствовала, что от его поцелуев ее глаза наполняются слезами под сомкнутыми веками. В поцелуях Хита было его желание, так долго неутолимое, верность, перенесшая столько испытаний, мужская радость победы. Сколько времени она ждала этого момента? Как существовала без него?

Предполагалось, что она выйдет за Рассела. Его лицо, как ускользающее облачко,

маячило где-то в глубине ее сознания. Она пыталась вспомнить вкус его поцелуев, вспомнить, как добр был он к ней во время болезни отца. Неужели Рассел предал ее? Она понимала, что это именно так. Но не чувствовала ни боли, ни обиды. Никто на свете не целовался так, как Хит Боскасл. Его рот жег, как факел, поднимавший к бою средневековое воинство. Эти глубокие, проникновенные поцелуи заставляли кружиться голову, мучиться жаждой жаркой, разнузданной страсти.

Она испустила томный крик. Наслаждение, которое он дарил, набегало штормовой волной. Джулия пыталась сдержаться. Ей хотелось сохранить хоть капельку, хоть тонкую ниточку самообладания. Но Хит вел ее дальше и глубже, чем она могла себе вообразить заранее. Буйная кровь пульсировала под его рукой, звала его, уносила прочь все запреты бурным потоком наслаждения, затопляла все.

Как легко, без всяких усилий он смог ее обольстить. Сколько раз эта фантазия возникала в ее мозгу, когда муж изредка навешал ее в постели перед очередным отъездом в свою любимую армию. Она глубоко вздохнула и почувствовала, что сердце замедляет свой бег.

— Я поняла сегодня в театре, что в тебе что-то изменилось, — прошептала она, обвивая руками его шею. Ее пальцы погрузились в его густые волосы. Он закрыл глаза. — И потом, на улице, когда ты меня коснулся, и то, как ты пристально меня разглядывал. Что с тобой произошло?

— Возможно, я просто пришел в себя.

Он шевельнулся, притягивая ее к себе. Глаза его открылись. На какой-то опасный миг она отодвинулась от него, не зная, что делает, чего хочет. Чувства были слишком сложными, захлестывающими, слишком сильными, чтобы с ними бороться. То, что Хит был полностью одет, делало происходящее еще более эротичным.

— Несчастный шалопай, — медленно проговорила она, глядя ему в глаза.

— Ты не поверишь, какой необычайной выдержке я научился за эти шесть лет.

— Ничто в тебе меня не удивит, — мягко промолвила она.

И если б он не проявил выдержку и не остановился в тот момент, Джулия не знала, как все могло бы обернуться. Вероятнее всего, она собрала бы достаточно силы воли. Но получилось так, что они оба в один и тот же миг осознали, что следует остановиться.

Хит считал, что Джулии лучше сначала привыкнуть к его ласкам, чем сразу, прямо сейчас, удовлетворить его жадную похоть. Его тело вождедело ее жгучей томящей страстью, которая не дает уснуть часами. Но он решил, что для первого раза и так далеко зашел. Дальнейший напор мог привести к риску ее потерять. Хит ведь не играл в игры обольщения. Он мечтал выиграть ее сердце, ее преданность.

Он отодвинулся от нее, бросил последний жалобный взгляд на влажный, припухший, зовущий рот... В конце концов она будет принадлежать ему, но прежде чем сыграть партию до конца, он должен убедиться, что расклад в его пользу. Ее желание близости не должно быть мимолетным, вызванным лишь его страстью.

Прежде чем Джулией овладели растерянность и тревога, он прочел в ее серых туманных глазах откровенное желание. Она села на постели и сделала запоздалую попытку укрыться, затем неохотно засмеялась.

Внизу громко хлопнула дверь, и они одновременно вздрогнули. Из холла до них донеслись возбужденные голоса. Джулия уже набросила халат и поправляла покрывало, а Хит оказался на ногах и в стороне от кровати, когда в дверь спальни постучали.

Джулия скорчила гримаску:

— Это, вероятно, Одем и Гермия продолжают очередную битву.

Хит покачал головой:

— Не думаю.

Он оказался прав.

На пороге появилась Гермия с лицом белым как мел. Она не поинтересовалась, что делает Хит в спальне Джулии. Хит даже не был уверен, что она вообще обратила на это внимание.

— Скорее идите вниз. Оба, — произнесла она, взволнованно махнув рукой. — На Дрейка напали на улице. Его ударили ножом. Одем уже поехал за врачом.

* * *

Джулия растерянно смотрела на Дрейка, полулежавшего на диване, с выражением снисходительного терпения на лице. Он был бледен и почти небрежно прижимал к левой руке пропитанную кровью тряпицу. Она вновь подумала, как легко его можно принять за Хита.

Тот же энергичный ястребиный профиль, упругие черные полосы. А в черном пальто... кстати, на нем было пальто Хита.

— Он очень похож на вас, — обратилась она к Хиту, который, не слушая, склонился над братом.

— Кто напал? — услышала она вопрос Хита. В его сдержанном и тихом голосе звучало волнение. — Где? И почему?

Дрейк, пожав плечами, принял из рук Одема стаканчик.

— Какой-то бродяга... по виду иностранец. Девон погнался за ним.

Хит с суровым лицом осматривал рану на запястье брата. Она не была смертельной, но кто знает, какие намерения были у нападавшего?

— Каким образом вы с Девоном оказались вместе?

Дрейк поколебался, но ответил:

— Получилось, что мы оба оказались на пути к жилищу одной и той же молодой дамы.

По приглашению на тихий ужин.

Хит сухо усмехнулся:

— Она не слишком разборчива в приглашениях.

Дрейк выгнул бровь:

— Я не принимаю подобного упрека. И перестань суетиться вокруг меня. Это всего лишь порез. Сюда я приехал лишь потому, что чувствовал себя виноватым в том, что поспешно покинул тебя. Это было невежливо.

Хит выпрямился.

— Полагаю, что иначе ты не умеешь. Да, ты поступил грубо, но я тебя прощаю. Напавший забрал кошелек?

— Нет, не забрал. Думаю, что я его удивил. По крайней мере он удивился, когда я обернулся, чтобы дать ему кулаком в челюсть. — Дрейк осмотрел свою руку. — Ручаюсь, что он еще больше удивится, когда обнаружит, что лишился двух передних зубов.

Прибыл врач, шотландец с аккуратной бородкой, жизнерадостно объявивший, что

собирался на званый обед в соседний дом. Пока врач осматривал рану, Джулии удалось услышать лишь обрывки тихого разговора Хита с Дрейком.

— Он следовал за тобой от театра? — спросил Хит.

— Не уверен, — ответил Дрейк. — Я не обращал особого внимания. Мы остановились на Гросвенор-сквер, чтобы Девон переоделся. За нами могли проследить оттуда.

— Это был француз?

— Нет. Наемник из сточной канавы. Полагаю, немец или голландец.

— Почему ты дал ему уйти? — вздохнул Хит. — Нет, не объясняй. Снова из-за женщины. Надеюсь, она того стоила.

— Не стоила, — выразительно произнес Дрейк, морщась, так как врач начал копаться в его ране. — Она не пустила нас в дом: у нее был другой мужчина. По ее словам, очень богатый.

Хит встал и отошел, давая врачу больше места для перевязки. Он повернулся к Джулии, и та сразу схватила его за руку.

— Посмотри на него, Хит.

— Я уже смотрел. Думаю, что он выживет, но, вероятно, ничему не научится.

— Я вовсе не это имела в виду. — Она понизила голос. — Посмотри на Дрейка внимательно!

— Ну и что?

Она с досадой встретила его взгляд. Лицо Хита оставалось непроницаемым и невозмутимым.

— В этом пальто он выглядит в точности как ты. Тебе не кажется, что напавший принял его по ошибке не за того?

Хит бегло улыбнулся и направился к двери.

— Возможно. Побудь с ним какое-то время, но не проявляй слишком много дружеского сочувствия. Он похож на меня не только внешне. Я ненадолго. Мне хочется немного осмотреть местность вокруг дома.

— Почему? — нахмурилась Джулия.

— На всякий случай.

Хит прошел через помещения слуг, обыскал винный погреб и кладовую и через дверь кухни вышел в сад. Дождь несколько поутих, но продолжал идти с той же настойчивостью, превращая садик в одну большую грязную лужу. Кот Джулии молнией проскочил в тепло дома. Хит направился к сараю.

Сворачивая в рододендроновую аллею, он услышал, как скрипнула задняя дверь дома, и понадеялся, что Гермия не последовала за ним снова. Не то чтобы он подозревал, будто в сарае прячется злодей, но осторожность никогда не помешает.

Медленно потянув на себя дверь сарая, он заглянул в его сырую темь. Цветочные горшки, тачки, запах навоза и влажного дерева. Никаких призраков прошлого. А чего, собственно, он ожидал? Ему следовало испытывать облегчение, а не эту неясную тревогу.

Он жаждал встретиться со всеми страхами лицом к лицу и развеять тени ужасов, до сих пор гнетущих его. Ему хотелось быть на месте Рассела, самому охотиться за Оклером. Вероятно, если бы он сам схватил француза, своего бывшего тюремщика, это вернуло бы хоть какую-то частицу покоя его душе.

На усыпанной палыми листьями дорожке, ведущей к сараю, раздались нерешительные шаги. Он шагнул прочь от двери, смиряясь с присутствием Гермии и надеясь, что не получит

цветочным горшком по голове. Но, повернув голову, увидел, как между деревьями крадется Пейтон, пожилой дворецкий Джулии. Вероятно, старый слуга захотел быть полезным. Хит, ухмыляясь, протянул руку, чтобы закрыть дверь сарая. Он не стал называть себя, чтобы криком не напугать Пейтона.

— Стой, где стоишь!

Хит резко обернулся, ожидая, что Пейтон его узнает и начнет, заикаясь, извиняться. Он ожидал чего угодно... только не сильного удара по голове и провала в темноту.

Невнятные голоса привели Хита в сознание. Он с усилием открыл глаза и посмотрел на склонившуюся над ним женщину. Ее прелестное лицо побледнело от тревоги. Серые глаза напомнили ему английские туманы.

Хит смутился, почувствовав, что завален ворохом надушенных шелковых простыней и розовым шелковым покрывалом, и попытался сесть. У изножья постели саркастически, как химера, улыбнулся братец Дрейк с перевязанной левой рукой.

Джулия склонилась взбить подушки, и ее распущенные; волосы рассыпались по груди Хита.

— Вы что, снова меня подстрелили? — поинтересовался он. — И что я вообще делаю в постели?

— Не шутите, Хит. Я чуть не умерла, увидев вас. Но в вас никто не стрелял.

Он буркнул что-то, опустил глаза и увидел, что с него сняли рубашку.

— Кто-то меня раздел? Надеюсь, это были вы?

Джулия прикусила губу и посмотрела на Дрейка. Тот беспомощно пожал плечами, блеснул глазами и соскользнул с кровати.

— Оставляю вас на минутку одних. Пойду сообщу Грейсону, что пациент умирать не собирается.

Хит тихо выругался и пошевелил руками, проверяя их целость.

— Что случилось, Джулия? Я был в саду, заметил Пейтона...

— Мой дворецкий огрел вас лопатой, — вздохнула она и вновь прикусила губу. — Он подумал, что вы еще один грабитель. Кажется, это вы приказали ему быть настороже.

— Ад и все его дьяволы!

— Он решил, что помогает вам... исполняет свой долг. О, Хит, если бы вы сказали слугам, что тайком проверяете сад... Пейтон в ужасном состоянии.

— Он в ужасном состоянии?! — Хит потянулся к затылку.

— Вы упали на дверь сарая и очень сильно ударились головой. На затылке у вас огромная шишка.

Хит завел руку за голову и раздраженно посмотрел на Джулию.

— Это ведь не ваша комната. Где я нахожусь?

Она положила прохладную влажную ткань ему на голову.

— В постели Гермии.

— В постели Гермии? Почему?

В глазах Джулии сверкнули веселые, теплые, искорки.

— По правде говоря, это была идея Дрейка. Ее комната находилась ближе. Одно небо знает, как я боялась, что на мою голову падет гнев всех Боскаслов. В один вечер покалечены двое братьев!..

— Вы думаете, нападение на Дрейка не было случайным?

— Да, — медленно проговорила она. — В этом пальто он был лишком похож на вас.

— Не уверен, что разделяю ваши подозрения...

— Что ж, в любом случае, — она закончила взбивать подушку, — теперь мне придется охранять своего телохранителя.

— Только от вашей тетушки и дворецкого.

Он задумчиво откинулся на подушки. Джулия повертела в руках влажный компресс, затем потянулась поправить покрывала. Они соскользнули с плеч Хита, обнажив его голую грудь. Хит услышал, как Джулия втянула в себя воздух, поднял глаза и увидел ее полный сострадания взгляд.

— Ваша грудь... — прошептала она. — О, Хит, я увидела ее, когда мы с Дрейком снимали с вас рубашку.

— Мне следовало вас предупредить.

Она покачала головой, еле сдерживая слезы.

— Я думаю не о себе, а о том, как вы настрадались.

— Это в прошлом, Джулия.

Она медленно кивнула, понимая, что он слишком гордый человек, чтобы принять ее жалость. Грудь его пересекали побледневшие, но жестокие рубцы. Глубокие и сморщенные красно-лиловые рытвины на теле напоминали зажившие ожоги. Джулия нежно приложила пальцы к каждому шраму... Какое счастье, что он выжил. Ожоги... Боже мой!

«Его пытали в Португалии». Рассел говорил ей об этом, когда объяснял, почему попросил Хита быть ее телохранителем. «Леди знать об этом не нужно. Он выздоровел. Мы все прошли сквозь ад, и не стоит это обсуждать. Он выжил». Больше никаких подробностей. Это было сказано обыденным тоном, как о солдатском долге. Боль, наверное, была невыносимой...

Хит нахмурился.

— Джулия, — с досадой произнес он, — со мной не нужно нянчиться, как с инвалидом. Пожалуйста, покиньте комнату, чтобы я мог одеться.

— Разумеется, — пробормотала она.

Она повернулась, но он поймал ее за руку.

— Я выгляжу неблагоприятным?

Сердце ее сжалось от тепла его ладони... от вида его полуобнаженного мускулистого тела, расprostертого на постели.

Он выглядел как герой грез. Но шрамы па его груди напоминали ей, каким уязвимым может быть даже самый сильный мужчина. Ее муж, Адам, погиб, когда ему не исполнилось тридцати, уверенный в том, что он неуязвим и непобедим. Она старалась подавить в себе тревогу, страх за Хита, за Рассела. Они оба стремились защитить ее, но кто защитит их?

— По крайней мере на этот раз вы в меня не стреляли, — промолвил он со слабым намеком на улыбку.

— Слава Богу.

Он понизил голос:

— Я готов снова быть подстреленным вами, если это даст мне шанс изменить то, что произошло потом.

Его рука сжала ее пальцы, и Джулия почувствовала, как се окатило жаром.

— Хотелось бы и мне... Что ж, этого нам уже не изменить, — сказала она после долгого молчания.

— Я все помню, Джулия.

— Это...

— И вы тоже все помните. Почему вы меня покинули? — Он всматривался в ее лицо, на котором откровенно отразились все долго скрывааемые чувства. — Почему вы сбежали и поспешили выйти замуж?

Она с удивлением посмотрела на него. Правильно ли она расслышала?

— Я вас покинула? — растерянно помотала головой она. — Я нас не покидала. Вы оставили меня!

— Вы велели мне никогда больше с вами не разговаривать. Я решил, что вы стыдитесь...

— Стыдилась.

— Я думал, что вам нужно время, чтобы понять: мы созданы друг для друга.

Она продолжала качать головой. Ни разу за все прошедшие годы ей не пришлось в голову представить, как выглядит случившееся между ними с его точки зрения. Он ведь был известным повесой.

— Я посчитала, что вы нашли меня слишком дерзкой, слишком распущенной. Я...

— Я нашел вас изумительной. Я поверить не мог ни своей удаче, ни последующему невезению. Я поверить не мог, что встретил свою любовь как раз перед отъездом на войну.

— Вы нашли меня изумительной?

— Да. — Он смерил ее мрачным взглядом. — А вы велели мне убираться, чтобы не портить вам репутацию. Вы обозвали меня демоном с синими глазами.

— И все это время, — удивленно уточнила она, — вы помнили мои слова?

Она тоже их помнила. Она достаточно часто перебирала в памяти то свидание... и пролила немало слез.

— Я помню, как вы сказали, что не желаете видеть меня снова.

— Да, но... — Она прижала к сердцу ладонь. — Я сказала это не всерьез.

— Синеглазый демон этого не знал.

— Я не хотела становиться одной из многих женщин Хита Боскасла, — защищаясь, произнесла она.

Это объяснение застало его врасплох.

— О чем это вы говорите? О каких женщинах?

— Обо всех молодых женщинах, бывших тогда гостями. Они все хотели, чтобы вы их заметили.

Хит напряженно свел брови.

— Но это не значит, что я хотел их замечать.

Джулия всмотрелась в его красивое лицо. Она была выбита из колеи его признанием. Впервые она позволила ему сказать что-то в свою защиту и поняла, что он говорит правду. Ему незачем было лгать ей. А она столько времени считала его бессердечным.

— Но Рассел говорил, что за все эти годы вы ни разу не упомянули моего имени, ни разу не спросили, как я поживаю и куда исчезла.

Краска гнева залила его гордое точеное лицо.

— Побойтесь Бога, Джулия. Конечно, я никогда не разговаривал с ним о вас. Я обещал, что происшедшее между нами навсегда останется тайной, и знал, что он догадается о моих чувствах, если начну говорить о вас.

— О ваших чувствах, — растерянно повторила она. — Я верю, что вы не стали бы сейчас лгать. И по прошествии стольких лет в этом нет нужды. Но... вас так же трудно понять, как эти египетские иероглифы, которые вам нравится изучать.

Дверь за их спинами отворилась, и Хит бросил на Джулию предостерегающий взгляд. На пороге в сопровождении Дрейка появился врач и тем прекратил разоблачающий тайны прошлого разговор. Джулии нужно было подумать. Прошло столько времени. Имело ли

теперь признание Хита какой-то смысл?

— Все в порядке? — поинтересовался Дрейк, переводя взгляд с брата на Джулию, словно почуяв странное напряжение между ними. — Хит? Хочешь принять обезболивающее?

— Какое еще обезболивающее? — пробормотал Хит.

И Джулия улыбнулась. Просто не смогла сдержаться. Да, она была несколько ошеломлена их разговором, но в глубине ее души зародилась крохотная и слабая искорка счастья. Возможно, даже искорка надежды.

«Я не покидал вас. Вы покинули меня».

Неужели глупое чувство... требование добродетели встало между ними и возможностью счастья, которое могло быть?

Она оглянулась на его мужественное лицо, мощное тело, раскинувшееся на такой неподходящей ему тетушкиной постели.

— Я вернусь вас проведать, когда вы почувствуете себя лучше, — произнесла она, мрачно хмурясь в сторону Дрейка и доктора. — Делайте, что вам велят, Хит.

Естественно, в постели Хит не остался. Он отослал Дрейка и врача из комнаты. Ему нужно было сделать одно дело. И вообще, какой это позор для бывшего кавалерийского офицера — быть поверженным наземь слишком рьяным дворецким. Не важно, что хозяйка дворцового в прошлом сама свалила на землю этого офицера.

По правде говоря, он так и не поправился после первой встречи с Джулией. В каком-то смысле тогда она ранила его не в плечо. Она ранила его в сердце.

Он оглядел комнату, разыскивая рубашку. Что ж, теперь Джулия увидела шрамы на его груди, которые или пугали, или завораживали женщин. Судя по ее взгляду, она не попадала ни в ту, ни в другую категорию. Наверное, она догадалась о том, что эти шрамы — работа Оклера. А если не догадалась, просвещать ее он не собирался.

Хит натянул рубашку, заметил на ней пятна грязи и стащил ее с себя. Кто-то развесил на стуле его жилет и сюртук. Он оделся, хмуро глядя на свое отражение в зеркале. Что-то несуразное было в мужчине, одетом в жилет и вечерний сюртук, но без рубашки.

— Ну так я не Красавчик Браммел, — сообщил он своему отражению. — И поскольку говорю сам с собой, не исключено, что получил сотрясение мозга.

По крайней мере отражение не пыталось ему возражать. Хит посчитал это свидетельством того, что он еще сохранил какое-то здравомыслие.

Джулия, оказывается, считала, что он ее бросил. А он все эти годы прятал уязвленную гордость и тоску. И искал ей замену. Разумеется, он делал это неосознанно. Однако всякая женщина, за которой он ухаживал, обязана была выдержать сравнение с жизнерадостностью Джулии, с ее отзывчивостью... и не выдерживала его. Какая ирония заключалась в том, что они встретились и осознали свои истинные чувства только теперь, когда Джулия обручена с одним из его старейших друзей.

— Ад и все его дьяволы! — громко произнес он.

Тогда, много лет назад, он совершил гораздо большее, чем просто попытку обольщения. Он отдал Джулии ценнейшую частицу себя. В те дни он не был таким самодостаточным, как теперь, и его безумно влекло к Джулии с первого момента их встречи. Ему следовало продолжить свое преследование... Впрочем, она, вполне вероятно, убила бы его, если бы он обратился к ее отцу.

Разумеется, мысль о женитьбе тогда не приходила ему в голову. Но все же Хита

раздражало, что ему не позволили даже слова молвить по этому поводу. Джулия его недооценила, а может, он недооценил ее. Она решила, что он беспутный повеса в длинном ряду таких же повес. В этом была доля правды... однако это ведь не означало, что он никогда не сможет измениться.

А потом, прежде чем Хит додумался, как ее завоевать, и понял, насколько сильно любит ее, Джулия отплыла в Индию, чтобы выйти замуж за другого, не зная, как мною значила для Хита, потому что он сам по-настоящему узнал об этом слишком поздно.

Теперь ее защита и охрана — дело чести. Джулия все еще была официально помолвлена с Расселом. Да, но это временная ситуация, которую Хит изменит, ведь факт оставался фактом: та искра, которая существовала между, ними Джулией, не погасла. Она опасно тлела все эти годы. Хит собирался раздуть ее в пламя.

Теперь, когда он увидел прошлое с точки зрения Джулии, то, что происходило потом, обрело смысл. Джулия решила, что «грех» сделал ее вульгарной в его глазах. Она устыдилась своего страстного отклика на его обольщение, полагая, что он так развлекается каждый день.

Но Хит таким не был. Ни тогда, ни сейчас. Его захватила страсть, во время их встречи он наслаждался каждой чувственной подробностью, сохранив в памяти каждый миг...

Он ошибся, полагая, что Джулия достаточно свободомыслящая и способна отвергнуть суровые правила света. Даже свободомыслящие не могут нарушать некоторые правила поведения.

Она полагала, что Хит, обольстив ее один раз и будучи Боскаслем, был неисправимым распутником. Что ж, наверное, пришло время повести себя именно так. Если покорить ее может лишь повеса, он охотно исполнит эту роль.

Все, что ему нужно делать, — это следовать своим инстинктам.

И возможно, все-таки надеть рубашку.

* * *

На следующий день Хит явился, чтобы отвезти Джулию на прогулку в Гайд-парк. Он уверил ее, что голова у него не болит, Джулия сжалась над ним, но не поверила. Так что, пока он надевал в холле пальто, она смотрела на него с тревогой.

Она даже настояла на том, чтобы самой держать вожжи. К ее удивлению, он не возразил. Она заподозрила, что он чувствует себя хуже, чем показывает, или же хочет оставаться настороже. Каков бы ни был мотив, Хит во время поездки оказался не слишком разговорчивым.

Конечно, после прошлой ночи было бы разумнее как следует подумать, прежде чем раскрывать друг другу дальнейшие секреты. Открыв Хиту правду, Джулия поставила себя в крайне уязвимое положение. Не говоря уже о ее откровенном отклике на его ласки в спальне. Сказались шесть лет накопленной неудовлетворенной страсти. Она вела себя бесстыдно, почти потеряла голову от ненасытной потребности в нем...

Джулия знала, что может доверять его молчанию. Ведь он хранил все эти годы их тайну. Но пожалуй, она предпочла бы, чтоб он дрался за нее. Впервые она поняла, что всегда втайне мечтала именно о таких страстных отношениях... ждала их, надеялась, что он их предложит. Правда открылась ей сегодня, когда они теплым днем кружили в пролетке по парку. Его низкий голос лишь усиливал ее сожаления.

— Я не виню вас за то, что вы ненавидите меня за прошлое, — говорил он, словно тоже много думал об этом. — Вы были молоды. Мы оба. И я не мог перед вами устоять. Это меня не извиняет. Я злоупотребил вашей доверчивостью. — Он нервно провел рукой по своим блестящим черным волосам, затем пожал плечами, беспомощно прося прощения.

Джулия слегка натянула поводья. Она не смотрела на него. Эти синие чувственные глаза Боскаслов всегда действовали на нее слишком сильно.

— Я никогда не питала ненависти к вам.

— Слава Богу. Я это заслужил.

Она чуть не засмеялась.

— Какая мы с вами порочная пара. — Они оба были равно виноваты или равно невинны. Все зависело от того, как смотреть на ситуацию. — Но есть одна причина, по которой я никогда не смогу вас простить.

Она почувствовала, как он слегка повернулся к ней. Под обманчиво ленивой манерой скрывался настоящий воин. Жаркий трепет колыхнулся в глубине ее существа. Она не осмеливалась взглянуть на него.

— Что за причина? — требовательно спросил он. — В чем дело?

— В чем дело? — повторила она, глядя на молодую пару, обогнавшую их.

— Отвечайте, Джулия.

Она замедлила ход экипажа — неизвестно, куда мог завести их разговор. Конечно, было бы прекрасно прояснить отношения, но что станет потом?

Он потянулся, чтобы перехватить поводья. Его глаза всматривались в ее лицо, и в этот момент Джулию пронзило сочувствие к врагам, которых он допрашивал во время войны. Была в его изысканной красоте упрямая безжалостность. Его взор словно скальпелем взрезал ей душу.

— Прошлой ночью мы оба признались в поступках серьезных, которые должны были быть озвучены давно, — заговорил он. — Нет смысла продолжать прошлую глупость. Мы оба достаточно взрослые, чтобы принять правду.

Она прикусила нижнюю губку.

— Вообще-то я надеялась, что мы поведем себя цивилизованно и забудем об этом разговоре. Помнится, он оказался очень болезненным.

Но Хит отступить не собирался. Когда дело доходило до достижения намеченной цели, Боскаслы действовали беспощадно.

— Что вы не простили мне? — настойчиво повторил он.

Неужели она действительно надеялась, что он смилуется и станет вежливым? Нет. Она хотела, чтобы он все узнал. Правда сидела в ней как шип на протяжении многих лет, правда истерзала ее мучительным воспалением. Пусть же Хит вытащит этот шип, даже если потом она истечет кровью. Тем более что Боскасл, наверное, привык к таким операциям. Боскаслы славились кровожадностью в битвах.

Пролетка совсем остановилась в середине круга. Они прервали плавное движение модной прогулки. Несколько всадников, проезжая мимо, бросили на них любопытствующие взоры. Джулия не привыкла быть в центре внимания. Хит привык. Не было в их ролу мужчин, на которых не обращали внимания.

— Ладно, ваша королевская гордыня, — промолвила она. — Я вам скажу. И после этого вы век не захотите разговаривать со мной...

— Я в этом сомневаюсь, — выгнул он надменную бровь.

Она стащила перчатку с одной руки.

— Вы действительно хотите узнать?

Хит наклонился к ней:

— Джулия, мы не строимся с места, пока я не буду это знать.

Она представила себе, как они сидят в пролетке целый год и слуги Боскаслов приносят им еду, а в холодное время — одеяла и жаровни, а на Рождество — сливовый пудинг.

— Ладно. — У нее мучительно сжалось горло. — Я не могу простить, что вы не стали воевать за меня. Что после всего, что произошло в библиотеке, не просили выйти за вас замуж.

— Не воевал за вас? — В синих глазах сверкнул гнев. — С кем мне надо было воевать? — возмутился он. — С вами?

— Да!

Он стиснул зубы.

— Вы же сказали мне, что не хотите меня видеть. Что я — дьявол, распутник, повеса какой-то... Вы заставили меня поклясться, что я оставлю вас в покое. — Он потрясенно покачал головой. — Вы заставили меня поклясться могилой матери, что я никогда словом не обмолвлюсь о том, что между нами произошло... что если мы когда-нибудь встретимся, я сделаю вид, будто мы незнакомы... что...

— Я не это имела в виду, — проговорила она тихим голосом. — Я очень хотела, чтобы вы меня преследовали, добивались меня, а потом подумала, что вы сочли меня слишком распущенной. Я подумала...

— Вы это серьезно? — расхохотался Хит.

— Боюсь, что да.

— А вы не могли сказать мне об этом пораньше? Скажем, пять или шесть лет тому назад? Когда можно было все изменить?

Она отпрянула. Что он пытается ей сказать? Что теперь ее слова ничего не изменят? Но если так, зачем они оказались прошлой ночью в ее спальне?

— Мне и сейчас не нужно было говорить вам это.

— Вы бы вышли за меня замуж... если бы я отправился к вашему отцу и попросил вашей руки?

— Не знаю, — тяжело вздохнула она. — Да, вышла бы. Конечно, вышла. Я убежала бы с вами в Китай, если б вы позвали.

Он снова покачал головой с совершенно растерянным видом.

— Но ведь я просил вас вновь увидеться со мной, и вы отказались.

— Я боялась, что просто вынудила вас сделать предложение, что вы не любите, а просто поступаете как настоящий джентльмен.

Хит выдохнул весь воздух из легких и поудобнее взял поводья, отобранные у нее. Чувствуя его опытную руку, лошади уверенно двинулись вперед. Джулия искоса наблюдала за ним. Обсуждение прошлого им обоим явно давалось с трудом.

— Джулия, — негромко произнес он. — За прошедшие годы у меня появилось достаточно опыта в общении с женщинами, чтобы понять вашу логику. Или вашу нелогичность.

Она вздохнула.

— Теперь вы, должно быть, думаете, что я не только распущенная, но и глупая. Дурочка без всякой морали и к тому же языкатая. Что я...

— Почему вы вышли замуж? — настойчиво спросил он, вспомнив, как разозлился, как чуть не отплыл в Индию, узнав о ее предстоящем замужестве.

Он, как безумный, проскакал полпути до пристани, прежде чем сообразил, что Джулия будет обвенчана и побывает в постели с мужем еще до того, как он прибудет на Восток. Что она запретила ему даже разговаривать с ней снова.

— Я вышла за него, потому что он сделал мне предложение, а вы — нет.

— Я просил вас бежать со мной, — мрачно заметил он.

— Я решила, что вы это не всерьез, — тихо откликнулась она. — А вы действительно этого хотели?

— Возможно.

Она подняла брови:

— Возможно? Звучит не слишком уверенно.

— Я думал, что через год вы вернетесь, — хмуро промолвил он.

— Таков был первоначальный план, — ответно нахмурилась она. — Я думала, что вы намерены воевать в Индии рядом с вашим братом Брэндоном.

— Я так и хотел, но... — Лицо его потемнело, словно он готов был взорваться. — Но вместо этого Рассел уговорил меня отправиться в Португалию.

— Рассел?

Глаза Хита сверкнули огнем.

— Он убедил меня, что мы с ним станем героями.

— Вы и стали героями, — мягко проговорила она. — Он был прав.

— Он спланировал нам блестящую военную карьеру, — пробурчал Хит.

— Он очень хорошо умеет планировать.

Хит зло прищурился.

— Настоящий мастер этого дела. Потому и получил все эти медали.

Джулия огляделась вокруг. Лошади были беспокойны, будто чувствовали мрачное настроение возникшего. Неудивительно, что Хит всегда жестко держал себя в руках. Было просто страшно смотреть, как нарастает в нем ярость. Разумный человек постарается уйти подальше, не дожидаясь взрыва.

А что было делать ей? Успокаивать его?

— Вообще-то вы оба героини, — улыбнулась она ему самой лучезарной улыбкой, на какую была способна.

Но Хит лишь хмуро посмотрел на нее.

— Героини? Мастера планирования интриг? Может быть, это верно, а может быть, и нет. Как видите, свою жизнь я спланировал не слишком хорошо. В любом случае какая теперь разница?

— Я хочу сказать, что вы оба своего добились. У вас обоих блистательная военная карьера... была, есть и будет.

Хит фыркнул.

— Возможно, Рассел с самого начала знал, как я к вам отношусь.

Она только рот раскрыла от удивления.

— Вы и вправду так думаете?

Он пустил лошадей резвым галопом и произнес тихо и яростно:

— Конечно, не думаю. Просто я лучше себя чувствую, когда есть на кого свалить вину. — И он выругался себе под нос.

А не поинтересоваться ли у него, как он относится к ней теперь? Так же, как раньше? Но может ли такой вопрос задать обрученная женщина другу своего жениха? Тем более посреди Гайд-парка. Кроме того, он продолжал ругаться вполголоса и выглядел таким сердитым, таким расстроенным... таким красивым. Она никогда не видела Хита таким злым. Соблазнительно было разозлить его еще больше.

Она откашлялась и пробормотала:

— Ну так что же вы думаете?

Он бросил на нее непроницаемый взгляд, но прекратил ругаться. Нет, взрыва она явно не дожидается.

— Я не знаю, что думать. А что думаете вы?

Джулия думала, что он слишком хорошо скрывает свои чувства.

— Я думаю... — протянула она и с ужасом уставилась на песчаную дорожку перед ними. — Я думаю, что мы сейчас врежемся в тот фаэтон!

Им удалось не врезаться. В последний момент Хит направил пролетку к ограде, умело огибая дорогой черный фаэтон. Одетый в черное молодой человек, правивший фаэтоном, соскочил с облучка, чтобы извиниться.

— Уточнение! — резко заметил Хит. — Это он чуть не врезался в нас.

— Это Brentford, — сказала Джулия.

Хит выгнул бровь.

— Вы, кажется, удивлены?

Brentford приближался к ним. Его черный плащ развевался по ветру. С напряженным лицом, бледность которого подчеркивала бархатистую черноту его глаз, он произнес:

— Послушайте, я не хотел вас напугать.

— Тогда чего вы хотели? — нетерпеливо рявкнул Хит. — Это парк, Brentford, а не скаковая дорожка. Что вы пытались доказать?

— По правде говоря, я... — Он озадаченно оглянулся. — Я показывал, как правлю фаэтоном, своему приятелю, своему учителю фехтования. Он хотел оценить мои успехи. Но он ушел. Ушел.

Хит вздохнул.

— Почему бы вам не присоединиться к нему?

Brentford вспыхнул и украдкой жалобно посмотрел на Джулию.

— Хорошая мысль. Я так и сделаю. Если, конечно, смогу его отыскать. — Он круто повернулся на каблуках и зашагал прочь от собственного фаэтона.

— Идите к своему фаэтону, Brentford! — крикнул ему вдогонку Хит. — Только не говорите, что собрались бросить эту чертову повозку посреди дороги.

Джулия грустно покачала головой:

— Бедный Brentford. Вы заставили его так растеряться, что он не знает, куда идти.

— Ну, куда-то он пошел, — неохотно рассмеялся Хит. — Не нужно его жалеть, Джулия.

Brentford услышал их голоса, обернулся и, попятившись, стукнулся о свою лошадь. Хит снова вздохнул.

— Каким надо быть дураком, чтобы так править! Так можно и убить.

— А вы не преувеличиваете? Слегка? — насмешливо осведомилась Джулия.

— Вовсе нет. Я, например, мог убить его на месте.

— За то, как он правит?

— Нет. За то, как смотрит на вас.

Взгляд Хита сомкнулся с ее взглядом. В его глазах плясали обольстительные смешинки. Джулия почувствовала, как жаркая волна прокатилась по ее телу.

— За то, как смотрит на меня?

— Это ведь моя работа. Не так ли?

— Ну, в общем-то...

— Хотите, чтобы я дрался за вас? Кажется, сейчас подходящий момент, чтобы начать это. Поскольку мы потеряли шесть лет...

Джулия не удержалась и стала хохотать. Так замечательно быть честной и откровенной с этим человеком. Хит, ухмыляясь, погнал лошадей в ворота парка, и тут Джулия заметила, что над головой у них сгустились грозные темные тучи. Она снова оглянулась, полагая, что Brentford попадет под ливень. Но смех замер на ее губах, и по коже побежали мурашки. Она заметила за оградой мужчину, который помахал ей черной шляпой. Жест был насмешливым, почти наглым, словно незнакомец исподтишка наблюдал за их стычкой с Brentfordом. Мужчина был один. Под мышкой он зажал трость. Однако прежде чем она успела как следует рассмотреть его лицо, он повернулся и слился с толпой раздетых пешеходов, торопящихся покинуть парк до дождя.

— В чем дело? — спросил Хит. — Неужели Brentford въехал в пруд Серпентайн?

— Нет, это... — Его локоть коснулся ее руки, и она сразу забыла о незнакомце, наблюдавшем за ними. — Brentford попадет под дождь, — пробормотала она.

— Отлично, — фыркнул Хит, ловко объезжая чью-то коляску. — Надеюсь, он промокнет.

Тем же вечером Хит пригласил Джулию на обед в особняк старшего брата Грейсона на Парк-лейн. Первым и естественным ее порывом было принять приглашение, хотя после откровенного разговора с Хитом в парке она не знала, как себя вести. Было совершенно очевидно, что ни он, ни она недвусмысленно объясняться не собирались. Вообще-то она не возражала против того, чтобы он узнал о ее чувствах. Но полная искренность не всегда помогала. Часто она порождала больше проблем, чем улаживала.

Шокировала ли она его? Нет. Только не Хита, хотя его реакция оказалась неожиданной.

Джулия не могла не размышлять о том, насколько иначе все сложилось бы, если бы в те годы она обладала мужеством, которое было у нее теперь.

Джулия приняла приглашение Хита на обед. Гермия неохотно согласилась посетить оперу с Одемом, и Джулия сомневалась, что может доверять себе, оставаясь на целый вечер с Хитом. Во всяком случае, не в день откровений. Она подумала, что Грейсон с женой будут хорошим буфером между ней и Хитом.

Она горько просчиталась. Братья Боскаслы, сущие дьяволы в душе, яро поддерживали друг друга в болезнях и грехах. Оказалось, что Грейсон с восторгом готов был раздувать искры между ней и Хитом. Подправлять огонь вилами, как и положено дьяволам.

Особняк маркиза Седжкрофта напомнил Джулии небольшой дворец. Стены украшали элегантные греческие фрески, окаймленные позолотой, большие зеркала усиливали ощущение простора, света и великолепия. Появившиеся бесшумно, как в сказке, слуги подали ей стул и исчезли как дым, когда надобность в них отпала. Атмосфера дома полнилась ненавязчивой роскошью и приветливостью.

Когда Джулию провожали в столовую, ее туфельки тонули в толстых персидских коврах, покрывавших натертые полы черного дуба. Затем ее усадили за огромный стол красного дерева между Хитом и его братом-маркизом, великолепным мужчиной, похожим на золотистого льва. В воздухе носились флюиды какого-то заговора. Она почувствовала себя пешкой на шахматной доске. Впрочем, нельзя сказать, что ощущение это было неприятным. По крайней мере мрачные синие глаза Хита постоянно встречались с ее глазами. Находиться в обществе двух сильных Боскаслов означало чувствовать себя защищенной и... подвластной им. Обычной смертной женщине невозможно было с этим справиться. Мудрая даже и не пыталась бы.

Обед шел без запинок. Затем Хит и Грейсон попросили у дам прощения и, отказавшись от десерта, удалились для какого-то конфиденциального мужского разговора в кабинет маркиза.

Джейн, маркиза с волосами цвета меда, тепло улыбнулась Джулии с противоположного конца стола. Во время трапезы она была молчалива, но внимательно наблюдала за гостями.

— Я хочу сказать вам только одно слово, дорогая моя. Берегитесь.

Джулия в притворном ужасе уставилась на кусочек ватрушки у себя на тарелке.

— Яда?

— Еще большей опасности, — понизила голос Джейн. Ее зеленые глаза лукаво сверкнули в свете канделябра. — Обольщения.

Джулия положила вилку.

— Обольщения?

— В классическом стиле Боскаслов. — Джейн с сокрушенным вздохом откинулась на спинку стула. — Это все, что мне дозволено сказать, коль скоро я сама вышла замуж за одного из этого семейства дьяволов. — Она охраняющим жестом сплела пальцы у себя на животе. — И собираюсь родить очередного.

— Но...

— А может, следует радоваться. Как вам будет угодно. Хит — невероятно привлекательный мужчина, а вы уже побывали замужем. Осмелюсь предположить, что вы знаете, как с ним справиться.

— Обольщение? — повторила Джулия, будто мысль об этом была ей внове, хотя все признаки этого были налицо. Но чтобы и семья Хита была в курсе... Что бы это значило? — Вы уверены?

— Поверьте мне, Джулия, я эту игру уже прошла.

— Тогда что же мне делать?

Джейн отломил вилкой кусочек ватрушки и поднесла ко рту.

— Наслаждаться этим. Радоваться. Это чудесно.

Джулия рассмеялась:

— Так все же что я должна делать, если он попытается меня соблазнить?

— Я уже вам сказала. — Нежное лицо Джейн осветила проказливая улыбка. — Наслаждаться этим.

Грейсон налил себе щедрую порцию бренди и удобно вытянулся на мягком диване.

— Я дам тебе еще один совет, вижу, что дело серьезное. Не торопи события. Будь терпелив.

Хит сухо усмехнулся:

— Я не назвал бы шесть лет безумной гонкой.

— Что ж, ты долго ее дождался. — Грейсон крутанул янтарную жидкость на дне бокала. — Заставь ее желать тебя. Заставь ее пылать.

Хит присел на край кресла.

— Ты хоть понимаешь, что я сам пылаю при этом?

Грейсон отозвался тихим смешком.

— Разумеется, пылаешь. Поэтому-то и продвигайся к цели с осторожностью. Нагнетай страсть миг; за мигом, поцелуй за поцелуем, ласку за лаской. Дай ей разгореться. В пламени может сгореть любой глупец. — Он посерьезнел. — Думаю, ты и сам все это знаешь.

Хит покачал головой:

— До сих пор это не было так важно.

— Господи Боже! — промолвил Грейсон. — Это смертельно.

— Прощу прощения?

— У тебя проявляются все симптомы. Поверь мне, я сам жертва такой же болезни.

Хит вынул сигару из жилетного кармана.

— Ты несешь какую-то бессмыслицу.

— Любовь и есть бессмыслица, — фыркнул Грейсон.

— Любовь? — Хит опустил сигару и тревожно посмотрел на брата. — Какие симптомы?

— Первый из шести смертельно опасных симптомов влюбленного мужчины — невозможность мыслить здраво.

— Что ж, голова у меня действительно забита всякой ерундой, — неохотно улыбнулся

Хит. — Джулия способна бросить вызов любому мужчине. Да, несомненно.
— Ты улыбаешься.
— Неужели?
— Да. Обычно ты хмуришься. А это и есть второй симптом: пугающая склонность улыбаться в самые неподходящие моменты.
— А сейчас неподходящий момент? — поинтересовался Хит.
Грейсон прищурился.
— Третий симптом: постоянные мысли о предмете своего желания.
— Ради всего святого, Грейсон!
— Она предмет твоего желания или нет? Признавайся. Ты думаешь о ней постоянно или нет?
Хит запрокинул голову. Его нежелание отвечать само по себе было ответом.
— Четвертый симптом: абсолютное безразличие к другим особам противоположного пола.
Хит не проронил ни звука.
— Пятый, — безжалостно продолжал Грейсон, — поразительная доброжелательность к окружающему миру в целом.
Хит бодро выпрямился.
— Это исключено. Я окружающий мир в целом терпеть не могу.
— И наконец, шестой, — мягко заключил Грейсон. — Состояние непрерывного возбуждения.
— Ты закончил?
— Нет. Я всего лишь разогрелся: это ведь одна из моих любимых тем. Поставь ее на колени, — продолжал Грейсон с хитрой ухмылкой. — В переносном смысле, конечно. А впрочем, может, и в прямом, если тебе это нравится. Узнала она о неверности Рассела?
— Нет.
— Ты уверен, что не хочешь говорить ей об этом?
— Категорически нет. Я не хочу делать ей больно и не хочу становиться победителем из-за ухода соперника.
— У тебя не так много времени. Когда возвращается Рассел?
— Не знаю. Пока от него нет ни слова. В любом случае еще слишком рано.
— А не может статься, что он убит? — нерешительно спросил Грейсон.
— Маловероятно. — Хит поднялся на ноги. — Он сейчас скорее всего старается пролезть в милость к Веллингтону и, полагаю, покорить мимоходом парочку хорошеньких парижанок.
— Тогда и черт с ним. — Грейсон поднял бокал в насмешливом тосте. — Запомни мой совет: заставь ее пылать.

Джулия почувствовала, что Хит вернулся в столовую. По ее коже побежали чудесные мурашки сладостного предвкушения. Они с Джейн в это время обсуждали общее желание посетить Лувр и насладиться его художественными сокровищами. Хит и Грейсон приблизились к столу, и взгляд Хита немедленно устремился к Джулии... Она опустила глаза, притворяясь, что не заметила этого, но сердце ее бурно забилось.

Обольщение. Джейн уверяла, что Хит занят именно этим, а у нее был опыт. Неужели это возможно? Она подняла глаза и, встретившись с упорным взглядом Хита, испытала электризирующий ток эмоций. Хит медленно опустился на стул с такой прирожденной

элегантной грацией, что она не удержалась от громкого вздоха восхищения. И вызвала этим его улыбку, легкий изгиб чувственного рта, от которого ее пульс пустился вскачь.

Грейсон занял свое место за столом.

— Джейн, нам нужно пригласить Джулию и Хита в Кент на наше маленькое семейное сборище.

Джейн опустила салфетку, которой промокала губы.

— Наше — что? Ах да, наше семейное сборище. У меня это выскочило из памяти.

— Не извиняйся за свою забывчивость, любовь моя, — нежно улыбнулся ей Грейсон. —

Это часто случается с будущими мамами...

— Правда? — Джейн широко открыла глаза. — Я понятия не имела, что ты так сведущ в этом вопросе.

Хит посмотрел на Джулию и ухмыльнулся. Она ухмыльнулась в ответ и расслабилась, несмотря на свою убежденность в том, что братья плетут какую-то интригу вокруг нее.

Грейсон вальяжно откинулся на спинку стула.

— Так ведь у моей матери нас было шестеро.

— И все сорванцы, — заметил Хит, лукаво поглядывая на брата. — Мы с Джулией будем рады приехать. Вам ведь нравятся сельские пейзажи, Джулия?

Она посмотрела на Джейн, которая беспомощно слегка пожала плечами и покачала головой, показывая, что повлиять на происходящее не может.

— Да, но как же Гермия...

— Вообще-то Гермия это и предложила, — ласковым голосом сообщил Хит с весьма сочувственным видом. — Она подумала, что вы после инцидента в саду находитесь в страшном расстройстве.

— Да еще эта уличная драка, — добавил Грейсон. — Каким, наверное, это было испытанием.

Джулия нервно улыбнулась, чувствуя, что ее затягивает в их интригу...

— Да, это было очень страшно. В Хита попали яйцом. По правде говоря, у меня до сих пор от этого кошмары. Этот желток у него на рукаве...

— Правда? — Грейсон заморгал. — Да, летающие яйца могут быть очень опасны. Особенно тухлые.

— Да-да. Это было почти так же ужасно, как однажды в Индии, когда тигр загнал меня в угол сада. — Джулия на мгновение замолчала. — Почти, но не совсем так.

— Гермия беспокоится о вас, — произнес Хит с мрачной шутливостью во взоре.

— Как мило со стороны всех так обо мне тревожиться, — сказала Джулия. — Я чувствую себя такой слабой и хрупкой... не уверена, что смогу до двери дойти без чьей-нибудь помощи.

Наступило долгое молчание. Хит сидел с присущей ему безмятежностью сфинкса, а Грейсон старательно складывал лодочку из салфетки. Затем спросил:

— Хит, ты уже показал Джулии нашу новую итальянскую галерею? — Он улыбнулся Джулии: — Джейн велела скопировать ее с той, что у них дома.

Хит пошевелился:

— Нет, я еще не показывал.

— Но Джулия так увлекается искусством! — Грейсон радостно потер руки. — Ты ведь знаешь туда дорогу?

Действительно, сцена была разыграна по всем классическим правилам искусного обольщения. Джулия с задумчивой улыбкой рассматривала частную картинную галерею, озаренную сейчас мерцающим светом свечей. В уголке поместился манящий присест шезлонг с пухлыми подушками, букет оранжерейных лилий стоял в хрустальной вазе на низком китайском столике с львиными лапами.

Фреска на потолке изображала херувима в шлеме. В стенных нишах помещались мраморные статуи древнеримских богов в человеческий рост. Джулия бурно восхитилась статуей весталки, льющей воду из кувшина.

Она была насторожена, взвинчена, но не боялась и даже не чувствовала себя оскорбленной. Пожалуй, ее просто смутили откровения Джейн. Скорее всего то, что испытывала Джулия, можно было назвать любопытством. Соблазн носился в воздухе, сгущая его. Она оказалась наедине с Хитом в комнате, рассчитанной на интимность. Где была ее сила воли сейчас, в тот момент, когда она как в ней нуждалась? И вообще, каковы были намерения ее спутника?

Однако Джулия была им слишком заморожена, чтобы остановить, прежде чем он сделает первый ход. От отца она унаследовала удаль азартного игрока и жажду жизни. На своем примере отец показал ей, что иногда нужно рисковать.

Встревоженная тем, что ее тайное влечение к Хиту так никуда и не делось за многие годы, а даже стало сильнее и глубже, Джулия задумалась. Сердце, мучительно сжалось при мысли о том, что она упустила в жизни. А может, упустит снова. Хит был уникальным мужчиной, но она его потеряла. Кого винить за это, как не себя? Осталась ли возможность построить будущее на остатках прошлого?

Он приблизился к ней сзади, и ее тревога исчезла, перешла в более теплый и глубокий поток эмоций. Ровный жар его тела вызвал в ней трепет, прокатившийся от плеч до кончиков пальцев. Его твердый подбородок задел ее затылок. Он был так близко... ее смуглый неотразимый Боскасл! Ей мучительно хотелось упасть в его объятия и сдать его обаянию.

— Что вы думаете о моем брате? — тихо спросил он с легкой шутливостью в голосе. — Как он тонко действует, правда?

— Он очарователен.

— Он обаятельный повеса.

Она резко повернулась, надеясь, что застанет его врасплох. Но он не отшатнулся и позволил ей немного отступить, не сдвинувшись ни на дюйм. Она стояла с ним лицом к лицу и ощущала скрытую мощь его тела. Уголки его четко очерченного рта приподнялись в легкой улыбке. Джулия знала, что стоит слишком близко к нему, но могла бы купаться в его мужской близости часами. Он был обезоруживающе мужественным, и это ее завораживало.

— Оба вы повесы, — спустя некоторое время пробормотана она.

— Я? — Он положил руку себе на грудь. — Такой джентльмен как я?

— Ну, значит, повеса-джентльмен. Вы более изощрены, а потому более, опасны для женских сердец.

— Вы судите несправедливо, — рассмеялся он.

— Я вообще не в том положении, чтобы вас судить.

— А может быть, стоило бы? — выгнул он черную бровь.

Джулия заколебалась, понимая, что ее к чеку-то подводят, но к чему, не могла догадаться. К чему-то, несомненно, увлекательному.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что скорее предпочту, чтобы меня судили несправедливо, чем игнорировали.

Теперь пришла ее очередь рассмеяться.

— Как будто кому-нибудь когда-нибудь удавалось игнорировать Боскасла.

Он бережно взял Джулию за локоть, кривой усмешкой признавая ее правоту.

— Присядьте, Джулия. Джейн играет на фортепиано в салоне. Она делает это каждый вечер, надеясь, что это поможет родить добродушного ребенка. Послушайте.

— Выдумаете, это поможет? — спросила она, позволяя ему завести себя поглубже в комнату. В обольщение.

Хит подвел ее к обитому светло-коричневым атласом шезлонгу в темном уголке. До Джулии доносились звуки проникновенной староанглийской мелодии, которую играла Джейн. Магия музыки убаюкивала ее чувства, успокаивала, прогоняла напряженность.

Хит провел указательным пальцем по овалу ее щеки. Джулия затаила дыхание, зачарованная музыкой и его обольстительной лаской.

— По-моему, вы только что задали мне вопрос, — произнес он, приближая свои губы к ее губам. — Но убейте меня, я не помню о чем.

— О том... — Она запнулась, потому что его твердые губы дразнили уголок ее рта.

Его язык играл с ее языком, завлекал, манил к полной покорности. Его поцелуи могли обольстить и мраморную статую, вроде тех, что стояли у них за спиной.

— О том?.. — переспросил он, явно забавляясь разговором.

— Я не помню. — И она действительно — помоги ей небо — не могла думать ни о чем и ни о ком, кроме него.

— Возможно, вы сейчас думаете о другом?

Джулия решила, что, если он сейчас же не прекратит свои игры и не поцелует ее, она просто умрет. И вместе с тем все ее инстинкты предупреждали, что неустойчивое равновесие их отношений сейчас сдвинулось. Но в чью пользу? Это зависело от того, как представляла она себе завершение этой игры. На что надеялась.

Она склонилась к нему, ее тело ослабело, притягиваемое его мужской силой. Розовое сияние свечей в кованых светильниках придавало галерее особый теплый уют. Далекая музыка Джейн и этот мерцающий свет словно сговорились подорвать ее волю.

— Есть кое-что еще, о чем мы позабыли, — промолвила Джулия после долгих колебаний.

Его скульптурный рот вновь прикоснулся к ее губам, возбуждая, маня.

— О чем это вы?

— Я обручена. С Расселом.

— Хм. — Он встретился жарким чувственным взглядом с ее глазами. — Это не должно быть проблемой.

— Не должно? — Ее сердце пропустило несколько ударов.

— Но ведь его здесь нет. Не так ли?

— Он ведь не будет отсутствовать вечно.

— Я позабочусь о нем.

— Позаботитесь... о нем? — Она сама услышала, как дрогнул ее голос. Это была другая сторона характера Хита, с которой она ранее не сталкивалась. Хит медленно вел ее к шезлонгу. — Позаботитесь о нем?. Как? — переспросила она. — Не хотите же вы сказать, что подеретесь или устроите что-то столь же нецивилизованное?

Тень собственнической улыбки мелькнула на лице Хита. Его темные глаза скользнули по ее лицу...

— Если до этого дойдет, что ж... Разве вы не считаете себя женщиной, за которую стоит подраться?

— Это не похоже на вас, Хит.

— Нет, похоже. — Он ласкал ладонью изгиб ее бедра. Дрожь томительного желания пробежала по ее спине. — Это гораздо больше похоже на меня, чем думают люди.

Его взгляд устремился к се рту, задержался на нем так долго, что губы ее приоткрылись в приглашении... которое он принял. Глаза его потемнели, голова склонилась, и прежде чем Джулия успела еще раз вздохнуть, он ее поцеловал. Его чувственный рот накрыл ее губы, и поцелуй был таким глубоким, что скоро ноги перестали ее держать. Буря чувств пробудилась впей.

Хит застонал:

— О, Джулия! — Всякая игривость ушла, жар охватил все его мощное тело.

Это был поцелуй любовника, полный чувственного огня, ненасытного голода. Открытое объявление намерения завладеть ею. Она откинулась на его плечо, глаза неотрывно смотрели, в его глаза. Улыбка, озарившая его лицо, обещала обольщение, предлагала довериться, звала к интимности.

— Вот мы и пришли, — прозвучал его голос, вызывая в ней новую волну трепета и восторга.

— Наконец-то, — прерывисто прошептала Джулия.

Пусть ей пришлось долго искать дорогу назад, к тому, с чего они начали. Все, что сейчас происходило, казалось правильным и естественным, чего никогда не было ни с покойным мужем, ни с Расселом.

Его улыбка стала шире. Глаза пожирали ее.

— На этот раз я не дам тебе сбежать.

— Надеюсь, что нет, — с трудом произнесла она.

Его колено глубже вдавило ее в подушки шезлонга. Она погрузилась в шуршание шелка, жаждущая, готовая всем существом отозваться на то, что он требовал. Казалось, кости ее растаяли, превратились в воду. Она мучительно томилась жаждой его прикосновения.

— Мы, действительно поняли друг друга? — спросил он низким охрипшим голосом. — Я больше не дам тебе уйти, что бы ни говорил и ни делал Рассел.

— Я понимаю. И не уверена, что он станет что-то делать.

— Это не важно. Просто оставь мне заботу о нем.

— По-твоему, нам суждено повторять вновь и вновь наши прошлые ошибки?

Его дьявольские синие глаза потемнели.

— Я намерен их исправить.

— Исправить? Это звучит интересно и многообещающе, — прошептала она.

— Правда? — откликнулся он.

Джулия втянула в себя воздух. Ей казалось, что это сон. Она никогда не думала, что у нее снова будет шанс остаться с ним. Это было почти нереальным. Собственная

чувственность подавляла ее. Хит склонился над ней, его синие глаза жгли ее огнем. Его язык покругил вокруг ее сосков, лизнул их сквозь легкий шелк. Пламя побежало по ее коже. Его свободная рука бродила по ее телу, словно изучала формы под тонким платьем.

Каждый изгиб. Каждую впадинку. И Джулия позволяла это, не скрывая свое наслаждение. Он исследовал ее, разжигая с безжалостной мастерской эротичностью. При этом он даже ее не раздел. Ей было трудно представить, что же он сможет сотворить с ней в постели, что смогут они сотворить друг с другом. Ей тоже хотелось доставить ему удовольствие.

— Теперь ты со мной, Джулия, — шептал он. — Рассел не должен был посылать меня на свое место, если не хотел тебя потерять.

«Заставь ее пылать».

«Заставь ее гореть».

Совет Грейсона, казалось, сработал наоборот. Это Хит горел огнем, прожигавшим его насквозь.

Та, которую он желал, соблазнительно лежала сейчас под ним, и глаза ее были затуманены страстью. Он улыбнулся, протянул руку к низкому вырезу ее платья и легонько потянул. Джулия слегка вздрогнула, когда прохладный воздух галереи коснулся ее обнажившейся груди. Она выглядела очаровательно беспутной. Молочно-белая кожа словно выплеснулась из платья, и розовые соски маняще отвердели.

— Хит, — с трудом прошептала Джулия, хватая ртом воздух. — Здесь холодновато.

Яростная нужда в ней переполняла его, бешеной кровью стучала в виски.

— Так лучше? — пробормотал он.

Джулия сомкнула глаза в беспомощном наслаждении, застонала и уткнулась лицом ему в плечо. Он медленно ввел руку под шелк ее платья.

— А здесь тебе не холодно? Ведь не холодно? — спросил он. — Позволь мне помочь с этой проблемой.

— Ты — моя проблема, дьявол, — прошептала она. — Меня бросает от тебя в дрожь.

— Пожалуйста, Джулия, ну пожалуйста... можно мне сделать то, чего я хотел многие годы?

— Вопрос в такой форме делает все еще более... порочным... ты прекрасно понимаешь.

— Знаешь, что всегда говорим мы, Боскаслы? — Он шевельнул коленом, раздвигая ее ноги.

— Нет, но, видимо, ты собираешься сообщить мне это, — еле слышно промолвила Джулия.

Сердце ее билось где-то у горла.

— «Есть время, чтобы быть мудрым, и время, чтобы быть озорным». — Чисто выбритый подбородок Хита потерялся о ее розовеющую от смущения грудь. — К несчастью, мое семейство обычно выбирает последнее.

— А все думают, что вы совершенно иные.

— А что думаешь ты? — поддразнил ее Хит.

— А я не думаю. В том-то и беда. — Она издала низкий трепетный стон и прильнула к нему. — Что ты со мной делаешь?

— Я сделаю все, что ты мне позволишь. Все, что угодно. — И он делает.

Он не мог представить себе мужчину, который бы жил с Джулией и не получал полного удовольствия от ее страстной натуры. А может, только он смог пробудить в ней такую

страсть? Эта мысль доставила ему какое-то примитивное удовлетворение, хотя именно в этот миг его тело требовало, молило об освободительном завершении. Он хотел быть тем единственным, кто способен довести ее до самозабвенного буйства. Она то же самое делала с ним. Опыт давал ему некоторое преимущество. Хотя... любопытно, а насколько опытна она?

Он глубже вдавил ее в шезлонг. Как же он ее жаждал, нуждался в ней, радовался ее потере самообладания. Возможно, она была сильной женщиной, возможно. Однако на этой арене доминировал он. Он удерживал ее нежное тело на месте своим, мощным и жестким. Его рот ловил ее горловые стенания, которые она не могла сдерживать.

Он будет соблазнять ее шаг за шагом, даже если его будет качать от напряжения. Один Бог знает, как опасно близок он был к срыву в бездну. Разве знал он до этого, что такое иссушающая, пожирающая страсть? У него кружилась голова, в глазах стоял слепящий алый туман.

— Хит, — пробормотала Джулия, вцепляясь ему в плечо. — Мы в доме твоего брата. Может, нам стоит остановиться?

— Еще нет.

Она ощутила, что ее кружит какая-то сила, требующая сдаться ему полностью. Джулия почувствовала неодолимую нужду в нем, увидела ярую беззастенчивую похоть в его глазах. Она была потрясена... до самых глубин своего существа. Ее спина выгнулась в судороге наслаждения. Она погрузила пальцы в ткань его черного вечернего сюртука, вцепившись так, что побелели костяшки, и несколько мгновений не могла дышать.

Осознание окружающего возвращалось к ней медленно, а с ним и чувство стыда, сожаления, что они потеряли столько времени... глубинная тоска по Хиту, пробуждение чувств, которые она упорно отрицала. Она не решалась посмотреть ему в лицо. Рассудок и самообладание медленно вернулись к ней. Она чуть не заплакала от пронзительного ощущения утраты, когда его жесткое жаркое тело поднялось с нее. Того, что произошло, было недостаточно. Ни для него. Ни для нее.

Он разрушил всю выстроенную ею защиту. Джулия встретила с ним взглядом и ощутила острый укол беззаконного наслаждения. В его глазах не было ни капли насмешки. Только откровенная чувственность, от которой дрожь пробежала по телу, и обещание, что это не конец.

— Что будет дальше? — поинтересовалась Джулия, вслух.

Его пальцы крепко сжали ее ладонь.

— Все в порядке, Джулия. Я справлюсь с тем, что возникнет на пути.

— У меня такое чувство, что все будет гораздо сложнее, чем ты говоришь.

Рассел наверняка нелегко примет ее отказ, хоть сам изменял ей. Но теперь она не смогла бы выйти за него. Она хотела стать женой Хита. Но предлагал ли он ей какое-то будущее? Или их ждут временные отношения? Положение жены или любовницы? Она хотела быть обеими. Она должна была с самого начала принадлежать ему.

Джулия покорно подчинилась, когда он ловко вернул на место шелковый лиф ее платья. Хитрый дьявол. Обольстительный, чудесный мужчина, обладатель многих тайн. Она вновь украдкой глянула на него, и сердце забилося сильнее от темной страсти, сверкавшей в его глазах.

Как ему удавалось оставаться таким собранным, таким элегантным и умопомрачительно привлекательным, когда она, казалось, раскололась на тысячу

осколков... Это было несправедливо.

— Музыка смолкла! — вдруг воскликнула она. — Куда подевались Джейн и Грейсон?

Его чувственный рот изогнулся в очередной понимающей улыбке. Четкие черты красивого лица, мускулистое тело казались зеркальным отражением классической красоты мужских статуй галереи. Джулия любила его спокойную силу, его юмор. Связь с ним казалась чистой и правильной. Интересно, Расселу его любовные связи виделись такими же? Рассказал бы он ей когда-нибудь, что у него ребенок от другой женщины?

— Я бы не стал тревожиться о Джейн и моем брате, — произнес Хит. — Это их дом, и хотя он чудовищно огромен, вряд ли они в нем заблудятся.

— Они наверняка легко найдут дорогу сюда.

— Не найдут, — уверенно успокоил он ее.

— Я теперь не смогу смотреть в глаза твоему брату.

— Ты воображаешь, что Грейсон незнаком с обольщением? — Он поднял ее на ноги. — Я твой защитник, Джулия. Я не стал бы прикасаться к тебе, если б не был готов защищать тебя и в дальнейшем.

Что бы это могло означать? Она почти боялась задумываться над его словами. Он не принадлежал к типу мужчин, дающих лживые обещания. Его семья явно его поддерживает. Грейсон и Джейн приняли ее сегодня с распростертыми объятиями. С другим его братом, Дрейком, у нее были самые добрые отношения.

Она оглянулась на озаренную свечами галерею. Ей показалось, что в золотисто-розовом мерцании глаза мраморной девственной весталки расширились. Джулия удрученно усмехнулась. Если она пробудет еще минуту наедине с Хитом в этом шезлонге, несчастная статуя будет иметь все основания уронить свой кувшин.

Часом позже Джулия сидела у себя за письменным столом и изо всех сил пыталась не обращать внимания на легкий стук в дверь. Она снова работала над тайным рисунком, изображавшим Хита. Нет, рисунок ей совсем не нравился. И ей меньше всего хотелось, чтобы Гермия застала ее, любующейся изображением обнаженного мужчины. И к тому же не какого-то неизвестного мужчины... вообще Джулия сомневалась, что ее любительские потуги смогли передать хоть каплю его красоты. Она видела его прекрасную, иссеченную шрамами грудь и мощную спину, собственными руками прикасалась к его скульптурным, мускулам. Однако, несомненно, мужские части его тела оставались для нее заманчивой загадкой, которую ей хотелось разгадать.

После сегодняшнего вечера ее любопытство было неодолимо возбуждено. Она все еще продолжала ощущать на себе отпечаток его сильного тела, властную, собственническую мощь его напора. Ее губы саднило от его поцелуев, а груди чуть опухли от его любовных укусов.

Она взяла чистый лист бумаги и, ухмыляясь, принялась рисовать карикатуру на ее личного Аполлона. Это творение никто не увидит. Оно будет насмешливым и невероятно проказливым. Если все пойдет хорошо, возможно, когда-нибудь она покажет его Хиту...

Дверь отворилась, и Джулия едва успела набросить на рисунок шаль. На пороге стояла Гермия в лиловом прозрачном пеньюаре и, хмурясь, встревоженно разглядывала ее.

— Я просто хотела удостовериться, что все в порядке. Ты очень тихо вернулась домой. Обед у Седжкрофтов прошел гладко?

«Пожалуй, слишком гладко», — подумала Джулия, но вслух сказала только:

— Чудесно. Самым лучшим образом. Еда была божественной. Маркиза красива и

обаятельна... шутлива.

— Шутлива, — пробормотала Гермия задумчиво. — Что ж, тогда все хорошо.

— Да, все хорошо.

Гермия поколебалась, потом сделала еще один шаг в комнату. Джулия протянула руку за спину и поправила шаль, чтобы та не сползла с рисунка. Гермия будет шокирована, если увидит то, что Джулия только что изобразила.

— А ты принимала Одема?

— Этого старого негодника? Я больше никогда не стану с ним разговаривать. Он пытался поцеловать меня на виду у слуг! Можешь себе представить? Кстати, мадам Турнье спрашивала, сможешь ли ты встретиться с ней в конце недели. Будешь ли свободна?

Джулия, опустив глаза, изучала ковер и вспоминала губы Хита... как он ее целовал... маленький шрам на верхней губе. Она знала, что сегодня увидит Хита во сне. Приснится ли ей, как он ее целует? А может, привидится и нечто большее?

— Так будешь? — нетерпеливо повторила Гермия.

— Что — буду? — растерянно дернулась она.

— Будешь свободна? У тебя же примерка подвенечного платья, Джулия. Ты хоть помнишь, что обручена с Расселом и вы должны пожениться, когда он вернется?

Джулия виновато подняла глаза. Вопрос о том, как поделикатнее отменить свою помолвку, сейчас не занимал ее мысли, хотя, конечно, ей придется это сделать. Главным были бесстыдные поцелуи Хита. Джулии пришло в голову, что они оба перешли сегодня опасную черту и ей следовало бы чувствовать раскаяние.

— Конечно, я помню об этом... но...

— Ты передумала? — тяжело вздохнула Гермия. — Я догадалась. Ты ведь горевала по мужу и по отцу, когда приняла предложение Рассела.

— Ох. — Джулия почувствовала, что шаль сползает со стола и сильнее откинулась назад. — Я не понимаю, о чем ты. Давай переменяем тему. Ладно? Сегодня Одема здесь не было, а значит, он опять терзал тебя предложением руки и сердца.

— Ничего подобного, — с досадой откликнулась Гермия. — Это означает...

Рисунок соскользнул со стола. Гермия нагнулась, чтобы его поднять, но рука ее замерла в воздухе, потому что Джулия испустила отчаянный вскрик:

— Нет! Пусть лежит. Не трогай его. Не напрягай спину.

— С моей спиной все в порядке.

— Все-таки не нужно рисковать, — промолвила Джулия, наклоняясь, но Гермия успела разглядеть рисунок углем.

Там было все. В черном, белом и сером. Все подробности тела Хита в их великолепии и преувеличенной красоте. По крайней мере те детали, которые Джулия наполовину запомнила, наполовину вообразила. Сверхпреувеличенные. Грешные. Зрелище, способное свести с ума любую женщину.

На какое-то мгновение Джулия решила, что Гермия упадет в обморок. Но ради всего святого, это была ее тетушка, которой она практически призналась, что влюблена в Хита. Что, впрочем, не извиняло ее хулиганской картинки. На лице пожилой дамы отразились, сменяясь, миллион эмоций, которые, к счастью, у нее не было сил и дыхания высказать. Наконец она откашлялась и произнесла, поджав губы:

— Надеюсь, Джулия, в дальнейшем ты будешь лучше прятать его. На аукционе он может стоять целое состояние.

Проводив Джулию в ее особняк, Хит задержался на несколько минут на каменных ступеньках входа. Было чудом, что он не растаял в льющейся с неба мороси. Ему страшно не хотелось отпускать этот вечер. Не хотелось нарушать чары нескольких последних часов, позволить чему бы то ни было угрожать связи любовного притяжения, установившейся между ним и Джулией.

Стоя у подножия лестницы, он изобретал тысячу поводов последовать за ней. Хорошо ли закрыто ее окно? Заперла ли она как следует свою дверь? Ему легко было бы войти в ее комнату. Может, ей понравится, если он проверит ее платяной шкаф на предмет проникновения чужаков?

— Не думаю, что в этом есть нужда, — ответила она.

В ясных серых глазах светилось веселое недоверие к его предостережениям. А он чувствовал себя как родитель, охраняющий дитя. Впрочем, в страсти, трепещущей между ними, не было ничего родительского. Она ревела и рвалась с цепи, как мифический зверь.

«Заставь ее пылать».

Он сам только что не выдыхал пламя, сжигая до угля все, на что падал его взгляд.

Выдержка и самообладание всегда были его сильной стороной. Ведь так? Или он просто никогда раньше не сталкивался с настоящим соблазном?

Он недовольно уставился на небольшой экипаж, ожидавший его на пустынной улице. Хит собирался поехать домой за свежей одеждой и книгами, которые развлекли бы его во время ночного бдения в доме Джулии. Он будет отсутствовать совсем недолго, и с ней ничего не должно случиться за это время.

К несчастью, его отсутствие будет слишком кратким, чтобы остыла страсть к ней. Его мысли снова вернулись к происшедшему в шезлонге. Он терзался воспоминаниями о ее бурном отклике на его ласки, о том, каким отзывчивым и нежным было ее тело. В его руках она была словно жидкий огонь, жарче любой другой женщины, какую он когда-либо знал. Он был знаком с ней много лет, но теперь хотел узнать лучше.

Он поспешил выйти на улицу, затем полуобернулся и с тоской посмотрел на оставленный дом. Что делать, если Рассел вернется раньше, чем он, Хит, полностью и окончательно покорит Джулию? Он удрученно подумал, что они с Грейсоном не учли этот критический момент.

Разумеется, Грейсон не колебался бы предпринять все возможное для достижения поставленной цели. И когда речь шла о Джулии, Хит чувствовал, что готов пустить в ход темную сторону своей души. Джулия принадлежала ему. Рассел ее предал. Плохо, что и говорить, но в сердечных делах азартные игры неуместны. После сегодняшнего вечера не осталось сомнений, что Хит должен и будет обладать ею.

Он свернул к своему экипажу и увидел, как шевельнулась в нем занавеска. Взгляд его вопросительно дернулся к испытанному в переделках кучеру, спокойно сидевшему на облучке. Лицо его было полуприкрыто от дождя капюшоном. Кучер слегка кивнул, показывая, что все в порядке.

Хит залез внутрь.

— Добрый вечер, Боскасл, — приветствовал его знакомый хриплый голос. — Хорошая погода для водоплавающих птиц. Не так ли?

Хит успокоенно расслабился. Он давно не виделся с полковником Хартуэллом. Они встречались, когда Хит был еще неопытным разведчиком, легким кавалеристом патрулировал инкогнито и ломал голову над шифрами противника. Хартуэлл был частым гостем на совещаниях у Веллингтона. Ходили слухи, что он все еще был приписан к военному министерству, хотя в каком качестве, Хит не знал.

Хартуэлл показался ему сильно постаревшим. Волосы его стали совсем серебряными, но темно-серые с прозеленью глаза смотрели по-прежнему остро и пронизательно.

— Вы выглядите лучше, чем при нашей последней встрече, — произнес Хартуэлл, помолчав.

Он имел в виду того, избитого, полумертвого Хита, каким нашли его Рассел и его люди после героической осады штаба Оклера.

Хит уселся напротив Хартуэлла.

— Благодарю вас, я чувствую себя гораздо лучше. Мы сегодня куда-то отправляемся?

— Всего лишь к вам домой. Я подумал, что нам нужно поболтать и восполнить пробелы прошлого.

Поболтать! Грудь Хита заняла в тревожном предчувствии. Обычный разговор можно было провести в клубе за картами или бокалом бренди. Он задумчиво потер верхнюю губу.

— Что случилось? Рассел погиб?

— Нет. Но этот чертов идиот на полпути в Бретань. Идет по ложному следу.

Хит посмотрел в окошко. Особняк Джулии остался позади, за тонкой завесой дождя. Легла ли она уже в постель? Заперла ли двери, подставив под ручки кресло, как он ей велел? Или она сейчас раздевается и вспоминает то, что они проделывали в галерее?

— Оклера нет во Франции, — продолжал Хартуэлл. — И никогда не было.

Хит повернул к нему голову. В нем нарастала паника. Он ведь оставил Джулию без защиты.

— Он здесь? Оклер сейчас здесь?

— Да.

Это была ловушка с самого начала.

Женская интуиция Джулии оказалась до ужаса точной. Расселу так хотелось снова поиграть в героя, что он попал прямо в расставленные Оклером сети. Хит с трудом поборол желание остановить экипаж и бегом помчаться назад, в дом Джулии. Сердце его забилось гулко и часто, в такт грохоту колес экипажа по мокрым булыжникам мостовой.

— Чего он хочет?

— Мы не знаем. — Хартуэлл озабоченно посмотрел на него. — Известно, что Фуше вступил в контакт с Наполеоном на Эльбе. Но с Оклером это, кажется, не связано. Он нынче работает один.

— Но Оклер... в Лондоне? Я слышал, что он зарабатывает на жизнь дуэлями.

— Видимо, ему нравится убивать. У нас несколько человек его разыскивают.

Хит кивнул:

— Нужна моя помощь?

— Сию минуту вы можете нам помочь, просто оставаясь живым. У сторонников Наполеона было достаточно времени, чтобы придумать новый шифр, так что, если в будущем возникнут проблемы, нам могут понадобиться ваши таланты криптолога.

— Шифр?.. А что насчет Оклера?

— Вам рекомендуется делать все, что посчитаете нужным, чтобы защититься от него.

Если встретитесь с ним до того, как мы его поймем. Но, ради Бога, будьте осторожны.

Экипаж остановился перед холостяцким жилищем Хита на Сент-Джеймс-стрит.

— Зайдете в дом?

— Нет. Моя жена очень волнуется, если я задерживаюсь допоздна. Если не возражаете, ваш кучер отвезет меня домой.

Хит послал Хэмма за свежей одеждой, а сам отправился в свой темный кабинет, чтобы взять несколько книг. И тут нервные окончания закололо иголочками, его охватило тревожное ощущение чужого присутствия.

Он постоял несколько секунд перед незажженным камином, прислушиваясь, но тишину нарушало только мерное тиканье эмалевых часов. Картина на стене, изображающая охотничью сцену, была чуть сдвинута от центра. Собрание книг по Египту стояли рядом на полке не так, как он их оставил. Можно называть это идиосинкразией, но Хит всегда замечал такие детали и теперь понял, что в комнату кто-то входил. Причем это не были его вышколенные слуги, их было мало, и они хорошо знали, что из вещей можно трогать без его разрешения.

Нет, сюда входил посторонний. Возможно, Хит и не заметил бы тонких отличий, если бы Хартуэлл не предупредил его.

Повернув голову, Боскасл внимательно рассматривал видные в лунном свете очертания мебели, письменного стола, кресел. Тот, кто побывал здесь, уже ушел. Так что же было его целью?

Хит вынул из каблука ботинка маленький латунный ключик и открыл потайное отделение стола. Его папки, казалось, были нетронуты. Секретные дела короны никогда не находили отражение в бумагах, Хит никогда не записывал имена осведомителей, ни прошлых, ни ныне действующих.

Такая информация наряду с его приемами дешифровки хранилась только у него в голове.

Он медленно обводил взглядом комнату, когда его внимание привлек темный блеск на полу.

Сапфировый браслет Джулии. Тот, который она потеряла в театре. Хит наклонился его поднять. Золотые звенья аккуратно лежали на черной кожаной перчатке. Парной к той, что он обнаружил в сарае Джулии. Хит крепко зажал браслет в руке, еле сдерживая болезненную ярость, охватившую его. В голове крутилась страшная, пугающая возможность.

Неужели он знал нарушителя?

Он помнил, что Арман Оклер пытал своих пленников в капюшоне и тех же самых перчатках, в которых его отец казнил на гильотине французских аристократов. Мог ли Оклер оставить перчатки здесь и в саду у Джулии в качестве некоей визитной карточки? Означало ли появление браслета, что Джулии грозит непосредственная опасность? Но почему? Чего ради Оклеру пускаться во все тяжкие?

Хартуэлл был прав. Рассела заманили во Францию, чтобы расчистить Оклеру поле для беспрепятственных действий.

Гигантская тень заполнила дверной проем. Хит выдохнул сквозь зубы задержанное дыхание.

— Ваши вещи готовы, милорд, — произнес Хэмм.

— Планы меняются, Хэмм.

Грубо вылепленное лицо Хэмма шевельнулось и попало под лунный свет.

— Вы не вернетесь в дом леди Уитби?

— О, я вернусь туда непременно. — Хит выпрямился, крепко зажав в руке браслет; —

Мы отправимся туда вместе. У меня есть для тебя работа.

Мощные плечи Хэмма поднялись как бы в предвкушении.

— Настоящая работа, милорд? Работа, требующая действия, а не стояния на запятках, как дрессированная мартышка?

Хит с трудом, выдавил из себя улыбку, но весело ему не было. Он чувствовал лишь неотложную потребность поскорее вернуться к Джулии, чтобы защитить ее от человека, превратившего убийство в искусство. Никто не посмеет причинить ей вред, пока дышит Хит Боскасл.

— Садись в экипаж, Хэмм. Я по дороге все тебе объясню. Ты сможешь послать за своими вещами и сообщить остальным слугам, что случилось.

Когда Хит вернулся в особняк Джулии, ее в спальне не было. Хит прошел мимо впустившего его сонного лакея, который успел привыкнуть к странному поведению друга хозяйки. Бог — свидетель, Хит дал светскому обществу достаточно пищи для большего скандала. Что ж, пусть сплетничают. Его ум занимали проблемы поважнее.

Джулии не было и в гостиной.

Интуиция привела его в узкую кухню в дальней части дома, где в темноте тускло светились догорающие угли очага. Джулия стояла у задней двери, выпуская кота на ночную прогулку. На какой-то миг Хит так обрадовался, увидев ее целой и невредимой, что не промолвил ни слова. Он просто стоял и смотрел. Она уже расчесала волосы на ночь. В тусклом свете очага они сияли винно-красным блеском.

Она повернулась и поднесла руку к горлу.

— Боже правый, Хит, в чем дело?

Он решительно направился к ней. Ему не хотелось пугать ее правдой. Это подождет до утра. Конечно, ему придется все рассказать, чтобы она поняла необходимость по-прежнему быть настороже. Но сию минуту ему достаточно было знать, что она в безопасности, что он может снова обнять ее и не отпускать от себя.

Она посмотрела на сверкающую драгоценность в его руке.

— Ой, вы нашли мой браслет. Вы умница. Где он оказался?

— На ковре. — Хит не стал вдаваться в подробности.

О них он тоже расскажет ей завтра.

— И вы проделали весь путь обратно, просто чтобы привезти мне браслет?

Она была очаровательно неотразима в зыбком сиянии льющегося из сада лунного света. С ее теплой, зовущей улыбкой, ее пышными темно-рыжими локонами, источавшими легкий аромат духов. Халат немного приоткрылся, стала видна ее грудь, нежно-розовая на фоне кремового шелка кружев. У Хита пересохло во рту.

— Вы проглотили язык? — шутливым тоном поддразнила она его. — Что-то вы совсем затихли.

Он привлек ее к себе. Она не сопротивлялась, лишь сильнее прижалась к его теплу. Он пинком закрыл дверь и запер ее на задвижку.

— Нельзя находиться одной в темноте.

— В чем дело?

— Будь моя воля, я запер бы тебя на замок от всего мира и держал в безопасности веки вечные.

Она немного отклонилась и заглянула ему в глаза.

— Желание мрачное и не очень практичное, но нельзя сказать, что не заманчивое.

— Неужели?

— Да..

Он склонился к ней, прижимая к тяжелой дубовой двери. Руки Джулии сами собой поднялись и обвили вокруг его шеи.

— Прости меня, Джулия. — промолвил он.

— За что? — мечтательно выдохнула она.

Он судорожно глотнул.

— За то, что не дрался за тебя.

— А-а, — протянула она, опуская глаза. — Мне не нужно было говорить об этом.

— Я рад, что услышал это.

— Полагаю, что теперь ты знаешь обо мне слишком много.

— Я хочу знать еще больше.

— Это звучит... греховно, — прошептала она. — Скажи мне кое-что. Ты планировал то, что случилось сегодня в доме твоего брата?

— Почему ты спрашиваешь об этом? — с притворной наивностью спросил он, придвигаясь поближе.

— Планировал, — рассмеялась Джулия.

— И что из того?

Он почувствовал, что она заколебалась, тело ее затрепетало.

— Я хочу сказать, что мне нужно впредь быть с тобой поосторожнее... то есть сопротивляться сильнее.

— Ты и теперь не очень-то осторожна. — Он посмотрел на ее запрокинутое лицо. — Думаю, что, приложив немного усилий, я смогу сделать тебя совсем беспечной.

— Не слишком ли ты уверен в себе?

— В некоторых вещах я очень уверен.

Свободной рукой он взял ее за подбородок и дотронулся языком до сочной нижней губки. У нее был вкус мятного чая. Под сиреневым халатом из тонкой шерсти на Джулии была ситцевая ночная сорочка. Темное желание закипело в его крови. Хит должен был напомнить себе, что они стоят в темноте у кухонной двери. Он жаждал овладеть Джулией прямо у этой двери, чтобы у нее не осталось никаких сомнений в том, что она принадлежит ему. Ему. Ей следовало всегда принадлежать только ему. Его до сих пор жгло от их близости, там, в галерее. И судя по тому, как она откликнулась на его ласки, он мог себе представить, каким невероятным блаженством станут дни и ночи в постели с ней.

Наконец-то он осознал, что кровь Боскаслов сильна и в нем. А ведь он когда-то не сомневался, что избежал буйной наследственности.

Он хотел обольстить Джулию, довести до блаженной покорности. Было все-таки одно преимущество в этой победе моего многих лет разлуки: он приобрел достаточно опыта, чтобы оценить Джулию по-настоящему.

Ее дыхание стало частым и неровным. С каждым днем Джулия становилась все более отзывчивой. Она провела пальцем по его затылку.

— Означает ли это, что ты вернулся сегодня не по зову своего ужасного долга, а потому что я тебе желанна?

— Ты самая желанная... — Он выпрямился и ловко повернулся к ней спиной, в коридоре раздался звонкий стук туфель по каменным плиткам пола.

— Кто здесь? — раздался громкий шепот Гермии из-за разделявшего их кухонного стола. — Покажись, кто бы ты ни был.

— Это всего лишь мы, тетя Гермия, — удрученно вздохнула Джулия. — Мы просто, гм... выпускали кота наружу.

— Вижу. — Гермия устала на Хита. — А Боскасла ты тоже выпускаешь погулять? Или он остается на ночь?

Джулия, фыркнув, поинтересовалась:

— Ну как, Боскасл? Остаетесь ночевать?

— Да, остаюсь, — ухмыльнулся Хит в ответ. — Я остаюсь, Гермия. С вашего разрешения, дамы, я привел с собой подкрепление. Одного из моих слуг. — Он покачал головой, вспомнив, что Хэмм послушно сидит в экипаже, осуществляя дозор за незваными гостями.

— Еще один гость? — промолвила Гермия, высоко поднимая брови. — Что ж, послезавтра здесь вновь собирается клуб художниц. Вы оба можете...

— Клуб художниц? — мрачно произнес Хит.

Джулия не удержалась от смеха.

— Может быть, ваш спутник тоже попозирует для нас?

Хит с неохотой отодвинулся от нее. Было очевидно, что ему предстоит тоскливая ночь в обществе Хэмма. Но по крайней мере он знал, что Джулия в безопасности. В настоящий момент это было самым главным.

На следующий день Джулия едва успела приняться за завтрак, когда на пороге гостиной появился Хит. Она подняла глаза от стола и улыбнулась. Еще ночью Джулия догадалась, что его что-то гнетет, и когда они перешли к кофе и тостам, он подтвердил ее подозрения.

— Итак, Оклер в Лондоне, — удрученным тоном промолвила она, после того как Хит закончил объяснение. — Страшно подумать: он давно находится в Англии, а никто этого не подозревал.

— Твоя интуиция была безошибочной.

— А Рассел так этого и не знает? — с тревогой осведомилась Джулия.

Несмотря на то что она больше не хотела выходить за Рассела, смерти ему она никак не желала.

— К этой минуте, возможно, уже знает.

— Значит, скоро вернется, — медленно проговорила она.

В бледном свете утра Хит мог отчетливо рассмотреть ее лицо, и у Джулии появилось ощущение, что его жгучий взгляд пронзает ее до костей. Хит принадлежал к типу мужчин, которые могут безжалостно и долго преследовать злодеев, спать не раздеваясь и явиться на следующее утро невозмутимыми и в безупречном виде.

— Он не отберет тебя у меня, — произнес он.

— Как твоя голова? — спросила она.

— С моей головой все в порядке. — Он опустил руку. — Ты понимаешь важность того, что я тебе сейчас рассказал?

— Думаю, что да, — медленно кивнула она. Глядя на его тревожное, но непроницаемое лицо, она с трудом верила, что происшедшее между ними вчера не было сном. — Я хорошо понимаю, что эту опасность нельзя недооценивать.

— Отлично, — грубоватым тоном подтвердил он.

Джулия знала, что существуют разные виды опасности. Опасность, которую представлял собой Оклер. Опасность любовной связи между ней и Хитом... муки совести.

По правде говоря, Хит был единственным мужчиной, который старался ее соблазнить, и делал он это весьма умело. Даже слишком. Ее муж не умел обольщать и не чувствовал в этом необходимости. А она была неопытной, упрямой молодой женщиной, которая вышла замуж, поддавшись порыву. Адам уделял ей мало внимания, но жестоким не был. Он был страстно честолюбивым, больше всего думал о карьере и, в конце концов, отдал ей свою жизнь.

Рассел тоже не тратил времени на обольщение. Преследование... это да. Азарт погони... Но Джулия не ощущала, что он ее желает как женщину. А вот наследство отца

было безусловной приманкой. Рассел был добр. Джулия понимала, что он чувствовал к ней некоторую привязанность, но, очевидно, с любовницей он испытывал совсем другую страсть. С ним Джулия никогда не ощущала себя такой привлекательной, как теперь. Может быть, он даже не сознавал, что они не подходят друг другу. Она хотела от брака большего, чем он мог ей предложить.

— Опасность, — продолжала она, поднимаясь, чтобы наполнить чашку. — После жизни в Индии я должна бы к ней привыкнуть. — Она наклонилась к лицу Хита.

Его щека пахла мылом для бритья. Ей мучительно захотелось вновь дотронуться до него, ощутить интимное прикосновение его тела.

— Ты никогда не сталкивалась с той опасностью, какой является Оклер, — внезапно произнес он с силой, поразившей ее своим жаром. — Ручаюсь за это.

— Я тревожусь о тебе, Хит. Пока я не увидела шрамы на твоем теле, я не представляла себе, какое он чудовище.

Она вернулась на свое место, а Хит проводил ее изучающим взглядом.

— Я попросил Дрейка помочь мне. Я поставил у дома своего человека.

— Еще одного сторожа? — скривилась Джулия.

— Это мой лакей. Он уже провел здесь ночь.

Джулия подошла к окну и, отодвинув тяжелую парчовую гардину, ахнула при виде массивной фигуры около дома.

— Я не вижу никакого лакея, Хит. Я вижу гиганта с окороками вместо рук, который мрачно хмурится на ступеньках у входа.

— Это Хэмм, — невозмутимо откликнулся Хит и отпил глоток кофе.

— Где ты его отыскал? В русском цирке?

— Неплохая догадка. В Пруссии, в академии. Но вообще-то он из Йоркшира. Он служил со мной в Португалии. — Хит поставил чашку и улыбнулся уголком рта. — Первоначально я нанял его в дворецкие.

— А затем понизил в должности?

— С обоюдного согласия. Экономка заявила, что задушит его голыми руками, если он разобьет еще одно блюдо.

Джулия опустила занавеску.

— Полагаю, что моей светской жизни он положит конец.

Хит положил руку на спинку стула.

— Пожалуй, так и будет. Ради этого он и поставлен.

Джулия попятилась от окна.

— Не знаю, что и сказать. У него устрашающий вид.

— Не делай преждевременных выводов.

И прежде чем Джулия успела возразить, он встал со стула и позвал Хэмма в дом. Когда Хит представил слугу Джулии, тот скованно кивнул.

— Он поможет, — шепнул Хит ей на ухо.

— Он громадный, — прошептала она в ответ.

Во время этого обмена мнениями Хэмм невозмутимо стоял навытяжку, а затем произнес:

— Мне позаботиться о камине, миледи? Огонь почти потух.

— Да... — Джулия заглянула за мощную фигуру Хэмма и увидела Гермину, только что открывшую дверь комнаты.

— Боже мой! Кто это? — воскликнула Гермия, оцепенев.

Грудь ее бурно задрожала.

— Хэмм, — пробормотала Джулия, поджимая губы, чтобы не расхохотаться.

Да уж, теперь она защищена как следует.

— Кто он? — повторила Гермия, обходя великана стороной.

— Это Хэмм, — подтвердил от окна Хит. — Его имя Хэмм.

— Чье? — недоуменно переспросила Гермия, потрясенно разглядывая застывшего у камина гиганта.

— Этого человека, — нахмурилась Джулия. — Его зовут Хэмм. Он солдат, ставший лакеем. Хит поставил его сторожем у нашего дома. Защищать нас.

Гермия продолжала молча изучать Хэмма.

— Не правда ли, он внушителен? — откашлявшись, промолвила Джулия.

Гермия растерянно дернулась.

— Что ты сказала, дорогая?

Хит прислонился к оконной раме и улыбнулся в ответ на досадливый взгляд, брошенный ему Джулией.

— Разве это не ужасно, тетя Гермия, отвлекать Хэмма от других обязанностей?

— Хэмм. — Гермия тряхнула головой. — Я хочу сказать «хм». Хорошо обученный лакей — это настоящее сокровище. И он действительно имеет устрашающий вид. Как это любезно со стороны Боскасла. Если эти двое будут меня охранять, я смогу наконец спать спокойно.

Джулия вздохнула и покорно опустилась на стул. Она не возражала против присутствия Хэмма: не вредно иметь под рукой такого великана. Однако ее беспокоило, что Хит решил лично отправиться на охоту за Оклером. Зло, с которым собирался воевать Рассел, явилось к ним. И в самой большой опасности окажется Хит. Именно ему предстоит встретиться лицом к лицу человека, почти разрушившего его тело и душу. Только теперь она начала понимать, что стояло на кону.

Хит пошевелился:

— Дамы, я на несколько часов вас покину. Мне нужно поехать по делам. Но Хэмм останется с вами. Ведь так, Хэмм?

Хэмм с грохотом уронил в камин латунную кочергу.

— Ни на секунду не выпущу дам из виду, милорд.

Наблюдая за тихим уходом... исчезновением Хита, Джулия ощутила комок в горле. В сладостно-горькой вспышке честности она призналась себе, что не испытала и доли этой тревоги, когда Рассел уезжал во Францию. Сейчас она едва сдержалась, чтобы не побежать за Хитом на улицу. Куда он пошел? Есть ли у него друзья, готовые ему помочь? Она с трудом взяла себя в руки. Ей следовало сейчас тревожиться о скором возвращении Рассела.

Ее жених. Изменник. Герой Лондона. Она не могла представить себе, как будет стоять рядом с ним, принося брачные обеты. Картина была неясной и быстро растворялась в ничто. Была какой-то неправильной. Она не могла заставить себя, спросить у Хита, знает ли он о неверности Рассела. Впрочем, никакого значения это не имело. Хит был единственным мужчиной, которого она хотела видеть рядом. Неверность Рассела просто дала ей повод посмотреть правде в глаза. Она протянула руку над столом.

— Хотите кофе, Гермия?

Тетушка кивнула и, усаживаясь, шепнула:

— Может, лучше поручить разливать кофе лакею? Хотя он выглядит довольно неуклюжим с этими своими ручищами.

— Ручищами? — прошептала Джулия, еле сдерживая смех. — У него такой вид, что он может целый лес выкорчевать одним мизинчиком. Думаю, нам нужно попытаться его спрятать. Нет у тебя поблизости какой-нибудь ионической колонны?

Они с Гермией разом обернулись и принялись рассматривать массивного лакея. Затем Джулия прошептала:

— Не думаю, что здесь найдется сундук или шкаф, достаточно большой, чтобы его скрыть.

— А нельзя нам просто запереть его в другой комнате?

Джулия беспомощно пожала плечами.

— Хит приказал ему повсюду следовать за мной.

— Господи Боже!

— А может, нам испытать его?

Дождавшись, пока Хэмм повернется к огню, Джулия направилась напрямик к двери. Но прежде чем она успела повернуть ручку, Хэмм рванулся, успел подоспеть раньше и распахнул перед ней дверь.

— Мы выходим из дома? — осведомился он своим мягким рокочущим басом. — Мне подать экипаж?

Джулия безропотно взглянула на Гермию.

— Мы сегодня выходим из дома?

Гермия кивнула.

— Ты получила приглашение в дом Одри Уотсон. А мне нужен тюрбан, чтобы надеть завтра на заседание клуба.

Итак, Джулия отправляется за покупками. С Гермией и Хэммом. А потом на чай к куртизанке; Джулии не хотелось размышлять о том, как отнесся бы к этому Рассел. А в общем, ей это было все равно. Он заслужил быть помолвленным со скандальной вдовушкой.

— Подайте карету через двадцать минут, — решительно объявила она. Ей было интересно узнать, почему Одри Уотсон прислала ей приглашение. — Мне нужно навестить кое-кого.

Джулия велела кучеру отвезти ее к двухэтажному дому Одри Уотсон на Брутон-стрит около Беркли-сквер. Хэм и Гермия проводили ее до вестибюля, где Джулия попросила их обождать, пока она поговорит наедине со знаменитой куртизанкой. Она никогда раньше не бывала в доме Одри, но слышала несколько историй о скандальных приемах, которые та здесь устраивала. Но зачем она сегодня позвала Джулию?

Когда доложили о госте, Одри в бледно-сиреновом прозрачном пеньюаре принимала молодого кавалериста. Она ласково подтолкнула недовольного любовника к двери и велела ему отправиться на прогулку, пока она побеседует с гостьей.

Джулия остановилась в дверях и уставилась на неразбериху дорожных сундуков и саквояжей, загромождавших пол. С дивана ее обляял толстый белый пудель. Кавалерист промелькнул мимо нее.

— Джулия, неужели это и вправду вы? — Одри протянула ей руки в приветствии. — У меня не было уверенности, что вы приедете.

Джулия подождала, пока красавец лакей закроет двери и оставит ее наедине с хозяйкой. Ходили слухи, что не одна вдовушка, восхищаясь Одри, приняла ее предложение стать дамой для удовольствий. Положение любовницы богача было заманчивым для многих молодых женщин, оказавшихся без средств к существованию. Одри была скандальной хозяйкой приемов, бывшей актрисой-любимицей публики и покровительница искусств. Вернее, артистов и художников.

Одри была хранительницей многих лондонских секретов. Она принимала у себя и развлекала поэтов и политиков. Она обучала искусству любви и изящным манерам любовниц многих сильных мира сего.

— До меня дошла одна восхитительная сплетня, — промолвила Одри, прижимая пальчик к вишневым губкам. — Речь идет об абсолютно бесстыдном рисунке, на котором изображен Хит Боскасл. Говорят, что этот рисунок будет представлен на благотворительном аукционе. Я перебью все цены, чтобы иметь шанс повесить его у себя в гостиной.

Джулия опустилась на диван рядом с Одри, надеясь, что щеки у нее не такие пунцовые, как ей кажется. Как быстро разносятся такие истории!

— У меня есть предчувствие, что этот таинственный рисунок никогда не будет выставлен на всеобщее обозрение.

— Я раздавлена! — воскликнула Одри, прижимая руку к сердцу.

— Если этот неизвестный рисунок вообще существует, — поколебавшись, добавила Джулия.

Одри окинула ее хитрым взглядом:

— А вы его не видели? Случайно?

— Одри... право!..

— Я ведь, знаете, коллекционирую обнаженных мужчин.

— Неужели? — Джулия с шутливым интересом обвела взглядом комнату. — Где вы их держите? Они не мерзнут?

Одри рассмеялась:

— Картины и рисунки, изображающие обнаженных мужчин. О, Джулия, моя озорница-наследница, вы просто должны поехать со мной в Париж.

— В Париж? — Глаза Джулии остановились на куче багажа на полу.

В Париж теперь отправлялись многие светские люди, чтобы отпраздновать мир... и отведать удовольствий этого города, к которым не имели доступа из-за войны. Модные наряды, изысканные кушанья, красивые женщины... Она вздохнула. Без сомнения, Рассел не лишил себя всех радостей и удовольствий, которые мог предоставить Париж, пока невесту охранял Хит.

— Вы едете одна? — поинтересовалась она у Одри.

— Нет. Я забираю с собой для сопровождения моего кавалериста. Мой очередной официальный любовник — член палаты лордов. Он старый, практически древний и плохо переносит путешествия. — Одри взяла пуделя на колени. — Джулия, я знаю, что вы удивлены моим приглашением...

— Не буду спорить.

Одри посмотрела ей в глаза прямым и искренним взглядом.

— Джулия, на свете мало женщин, которые станут разговаривать со мной публично. Мужчины — с удовольствием, но светские дамы, хоть и сгорают от любопытства относительно моей профессии, более осторожны и сторонятся моего общества.

— Я уже не в том возрасте, чтобы тревожиться о мнении света.

Одри, продолжая гладить пуделя, сказала без обиняков:

— Джулия, ваш жених вам изменяет. Он поселил в особнячке женщину, с которой у него связь. Весной она ожидает ребенка. Рассел покупает ей драгоценности и прилюдно заявляет, что обожает ее.

Джулия потрясла головой. Вот, значит, о чем речь. Одри хотела ей добра. Джулия мысленно порадовалась, что Одем подготовил ее к этому.

— Я ценю вашу искренность, Одри, но я уже знаю.

— И вы его простите? — с любопытством осведомилась Одри.

— Разумеется, нет. — Потому что Джулия знала в глубине души, что Рассел никогда не любил ее так, как ей хотелось бы.

У Рассела были хорошие качества. Большинству женщин он представлялся завидным женихом и сам, наверное, считал, что иметь любовницу вполне приемлемо для мужчины его положения. Джулия согласилась выйти за него замуж, но была достаточно взрослой, чтобы не только осознать, чего хочет, но и изменить свое решение.

— Рассел поселил ее на Халф-Мун-стрит, — добавила Одри после небольшой паузы.

— Какой он заботливый.

— Этот человек думает в основном о себе. — Одри были обижена за Джулию. — Велеть моему кавалеристу позаботиться о нем? За вас.

Джулия помедлила в нерешительности.

— Это соблазнительно, но сначала мне нужно все хорошенько обдумать.

— Вы не хотите поработать на меня? — полушутливо поинтересовалась Одри.

— А это не так соблазнительно.

— Особенно если теперь ваш покровитель Хит Боскасл.

— Это временное положение.

— Возможно.

— Что вы имеете в виду?

— Я наблюдала, как он гонялся за вами по всему бальному залу. На мой профессиональный взгляд, он вел себя не совсем как телохранитель.

Джулия улыбнулась этой оценке. Неверность Рассела позволяла ей без угрызений совести следовать велению сердца. Она никогда не будет счастлива, если станет женой честолюбивого политика. Зато с превеликим удовольствием выйдет замуж за повесу.

— Берите его, — произнесла Одри с такой страстью в голосе, что подскочили и Джулия, и пудель.

— Взять кого? Куда? — уставилась на нее Джулия.

— Если вы спрашиваете об этом, тогда, возможно, вам пригодится мой профессиональный совет.

— Нет, Одри, спасибо, я справлюсь с этим сама. — Джулия поднялась, сжимая в руках ридикюль. — Вы были очень добры.

— Ваш рисунок будет прелестной расплатой... — Одри тоже поднялась на ноги — сиреневая прозрачная ткань затрепетала вокруг ее тела — и поцеловала Джулию в щеку. — Мужчины семейства Боскасл красивы все до одного, но Хит Боскасл к тому же самый интригующий из них. Думаю, что в спальне, перед ним невозможно устоять.

— Думаю, вы правы, — кротко согласилась Джулия.

— Вы уверены, что не хотите получить несколько советов? Вы можете применить их к Расселу, чтобы по крайней мере дать ему урок. Оставьте этого ублюдка сгорающим от желания. Это будет чудесным мщением.

Джулия заколебалась. Эта мысль была более соблазнительнее, чем ей хотелось показать. Но применить подобную науку хотелось не к Расселу, а к Боскаслу.

— Но ведь такому не научишься?

— Ох, Джулия, для скандальной вдовушки вы слишком наивны. Вам нужно расширить свой кругозор. Садитесь.

Указания Одри были простыми и шокирующе подробными. Конечно, Джулия обладала основными познаниями в любовных отношениях. Но... ей никогда не приходило в голову, что ублажать мужчину — это умение, которому можно научиться, как шитью или разговору по-французски.

— Получается, — сказала Джулия после очень детального описания интимной близости, — что женщине легче обойтись тем, что подсказывает природа.

Полный веселья грудной смех Одри прозвучал на всю комнату.

— Но природе всегда можно немножко помочь. В конце концов, ведь не сажают в клубничную грядку огуречные семечки.

Джулия изучала книжку, которую показала ей Одри.

— Интересные позиции. Мне вдруг стало жарковато.

— Мы не можем рассмотреть все в один день, — пожала плечами Одри.

— Не думаю, что мое сердце выдержит такое.

— У вас теперь есть грубое понимание того, что доставляет удовольствие мужчинам, — задумчиво промолвила Одри. — А в постели ваши инстинкты — ваш лучший помощник.

— Не думаю, что кто-либо за пределами этой комнаты с вами согласится.

— Боскасл согласится, — медленно улыбнулась Одри.

Джулия почувствовала, что румянец заливает ей щеки.

— Это еще нужно посмотреть.

— Это нужно доказать. Читайте, Джулия, что я передаю вам факел страсти.

Покинув Брутон-стрит, Джулия, голова которой гудела от эротических образов, сдержала обещание и отправилась за покупками с Гермией. Они посетили парфюмера на

Саут-Одли-стрит, затем книгопродавца и салон модистки на Стаффорд-стрит.

В салоне Гермия перемерила все шляпы.

— Что ты думаешь об этой? — наверное, в сотый раз интересовалась она у Джулии.

— Прелестная шляпка, — рассеянно отвечала Джулия, — и очень тебе идет.

— На мне нет шляпы! — вознегодовала Гермия. — Я так и знала, что ты не обращаешь на меня внимания! Что такое обсуждали вы с миссис Уотсон? У тебя какой-то отрешенный вид.

Джулия притворилась, что изучает лежащую на прилавке пару зеленых перчаток.

— Огуречные семечки.

— Семечки?

— Да. — Что не надо сажать их туда, где им не место. А именно это, кажется, сделал ее бессовестный бывший жених Рассел.

Ребенок. Ребенок изменил все. Он означал семью, обязательства, долговременные отношения, а не просто любовную связь. Джулия желала счастья всем троим. Но без нее.

Одри все знала, и Рассел считал в порядке вещей открыто обсуждать это в гостях. А как насчет Хита? Что было известно этому непроницаемому, обольстительному сфинксу? Разве он не должен был ее предостеречь? Или ждал, пока она сама обнаружит измену?

Она швырнула на прилавок перчатки и последовала за Гермией из салона.

Та женщина, любовница Рассела, находилась сейчас в Лондоне. Это означало, что Олторн, по всей вероятности, посещал ее после визитов к Джулии. Если Одем услышал о клубе, то логически следовало, что Хит тоже должен знать. Неудивительно, что лукавый дьявол без зазрения совести обольщал ее.

— Ты, Рассел, просто распутный негодяй! — громко объявила она, ошарашив Хэмма, который при звуке ее раздраженного голоса чуть не налетел на встречного пешехода. — Не ты, Хэмм, — уточнила она с извиняющейся улыбкой. — Я к тебе привязалась. — А к его хозяину еще больше.

* * *

Порыв ветра пронесся по улице и взлохматил локоны Джулии. Она потянулась поправить их, и книжка, которую она приобрела для Хита, выскользнула из-под руки.

— Ох, будь оно все проклято.

— Пожалуйста, позвольте мне.

Она благодарно кивнула высокому мужчине в темном плаще и высоком черном цилиндре. Тот нагнулся и подобрал ее книжку. Однако прежде чем она успела как следует его поблагодарить, он растворился в толпе прохожих.

— Все в порядке? — спросил Хэмм из-за горы покупок Гермии.

— Да, — откликнулась Джулия, наблюдая за процессией экипажей, заполонивших улицу. — Я уронила книжку, и какой-то вежливый человек ее спас.

Она обернулась, и путь ей загородила чья-то широкая и твердая грудь. Сильная рука обвила ее талию и придержала на месте. Знакомый трепет пробежал по спине от этих охраняющих объятий Хита. Она только что провела целый час, изучая основы ублажения мужчин, и не сомневалась, что выглядит виновато. Джулия вдруг задумалась, что скажет Хит, если узнает.

— Разве тебе неизвестно, что нельзя разговаривать с незнакомцами? — спросил он с напряженной улыбкой. — Поедем со мной. Мой экипаж ближе твоего.

— А как же моя тетя?

— Хэмм позаботится о ней.

— Да, но...

Он ухватил ее за локоть, и Джулия даже сквозь плащ ощутила его силу, его рост... Сегодня глаза его были не синими, а скорее серо-черными, отражая то ли пасмурное небо, то ли его настроение. Он улыбнулся ей, словно напоминая, как близко подошли они прошлой ночью к любовным занятиям. Он играл на ней, как на музыкальном инструменте, возбуждая все ее чувства. Когда-нибудь она то же самое проделает с мим.

Одна мысль об этом заставила ее сердце часто забиться в предвкушении. Губы невольно изогнулись в улыбке. Хватка Хита усилилась, словно он прочитал ее мысли. Не говоря больше ни слова, он повел ее к своему ожидающему экипажу. Всю дорогу домой, сидя напротив него, Джулия ощущала владевшее им еле сдерживаемое напряжение. Может быть, он узнал что-то новое насчет Оклера? Выглядел Хит, как всегда, безусловно: идеально сшитый синий фрак, белоснежная льняная рубашка, начищенные до блеска гессенские сапоги.

— Приятно провела день? — спросил он, когда они наконец добрались до дома.

Хит изучил лицо, прежде чем позволил ей выйти из экипажа.

— Ну-у, — протянула она, слегка задыхаясь, — неплохое развлечение.

— А как тебе Одри Уотсон? — спросил он, когда они шли к парадной двери.

Дворецкий оставил их в холле одних. Книжка, приготовленная для него, выскользнула у нее из рук.

— Ты за мной проследил?

— Только до Брутон-стрит.

— Но зачем?

— Хотел выяснить, не следит ли кто за тобой.

— Ну и как? — тихо спросила она.

— Никто не последовал за тобой к этому дому. — Его глаза неотрывно смотрели в ее лицо. — Признаюсь, я сам был несколько удивлен.

Она прикусила язык. Ее смутило, что он узнал, где она была, и одновременно польстило, что он ее охранял. Но Боже мой, если он догадается, о чем они говорили с Одри... О способах возбудить и ублажить мужчину — особенно этого мужчину — во всех откровенных подробностях. В мозгу бились и отучали советы Одри.

— Джулия? — Хит озадаченно посмотрел на нее. — Ваши мысли где-то далеко. О чем вы размышляете?

— О чем я размышляю?

Хит скрестил руки на груди.

— Признаюсь, я не знаю, что и подумать.

— Это такое облегчение. Не правда ли?

— Какое облегчение?

— Что никто за мной не следил. Кроме вас. О какой важной обязанности вы упоминали?

— Одри Уотсон — опытная куртизанка. Она известна как профессиональная советчица, готовая поделиться опытом с женщинами, желающими улучшить свое... умение в постели.

Джулия попятилась к столику. С серебряного блюда на пол посыпались визитные карточки.

— Разве? Подумать только. Я хочу сказать, кто бы мог предположить?

— Скажем, все население Англии.

— Не забывайте, что я была в отъезде.

— Некоторые сведения общеизвестны, — прищурился он.

— Неужели?

— Те сведения... знания, которыми делится Одри, — безусловно.

— Вы, кажется, сами много знаете о ней, — возразила Джулия.

— Но это вы отправились к ней в дом и пробыли там немало времени.

— А вы никогда ее не посещали?

Раздавшиеся с улицы голоса Гермии и Хэмма спасли Джулию. Если бы Хит продолжал свои расспросы, она, вероятно, скоро выпалила всю правду.

— Это лишь отсрочка, — усмехаясь, заметил он.

Потирая руки, Джулия бросила быстрый взгляд на дверь.

— Уже поздно. Давайте выпьем чаю.

Он поймал оба конца шали и медленно притянул Джулию к себе.

— Только помните, Джулия, если в будущем вам понадобится совет, я всегда рядом.

— Совет? — пролепетала она. — По поводу... — Она увидела в глазах Хита дьявольский вызов и, будучи сама дьяволенком в душе, была готова принять его всем сердцем.

— Любовных игр, — уточнил он, как будто она и так этого не знала.

В холл ворвалась Гермия, волоча за собой нагруженного покупками Хэмма.

— Эй, все, мы дома.

Хит отпустил концы шали Джулии, но ей вдруг не хватило воздуха: она никак не могла вздохнуть. Ее голова была занята картинами того, как применит она полученные сегодня уроки. Хит неотрывно смотрел в ее глаза, его жгучий взгляд сжигал ее защиту. В глубине ее существа разгоралась ответная искра.

— Джулия, — мягко спросил он голосом, полным намека и любопытства, — что ты сегодня натворила?

— Я... — Она устремила глаза в пол и радостно воскликнула: — Я купила тебе книжку!

Несколько часов спустя Хит сидел в углу гостиной Джулии с книгой о египетских иероглифах, которую она для него купила. Гермия и Одем играли у камина в карты, а Джулия исполняла роль посредника и миротворца в их спорах.

Демоны страстного желания и грызущего душу предчувствия опасности терзали Хита, доводя почти до отчаяния. Слишком много неопределенности витало в воздухе, чтобы он мог расслабиться. Чтобы не смотреть на Джулию, Хит вглядывался в темную лондонскую улицу за окном. Чтобы не раздевать ее взглядом... Его рот пересыхал каждый раз, когда он на нее смотрел.

Жар их последней ночи, открытая чувственность, которую она выказала, буквально завязали его в узлы. Он все крепче сжимал в руках несчастную книжку, так и не открыв ее. Он так жаждал Джулию, так тосковал по ней, что готов был выбежать наружу и завывать. Эта дурацкая стратегия обольщения просто ушпала его. Никогда в жизни не приходилось ему настолько сдерживать свои желания.

— А вы не хотите поиграть, Боскасл? — осведомился Одем. — Гермия снова жульничает.

— Нет, — пробормотал он.

Он хотел бы поиграть с Джулией. Но не в карты. А в игры любви.

Его потребность в ней, физическая и в высшей степени эмоциональная, безумно осложнила ему жизнь. Если он вновь ее потеряет, то никогда не найдет другую. Не было на свете другой такой. Они дополняли друг друга. Джулия была полна радости и жажды жизни, которые озаряли, осветляли его мрачный взгляд на мир. Она была единственной, кто смог зажечь его одной улыбкой, одним взглядом. Ее щедрое тело манило его, а смех умиротворял.

Мысль о ее общении с прославленной и опытной куртизанкой интриговала его необычайно. Когда он стал ее расспрашивать, она замялась, смутилась — словом, вела себя необычно. Было ли это как-то связано с тем, что произошло между ними прошлым вечером в галерее? Неужели Джулия искала совета по поводу любовного искусства? Но он научит ее всему, что она захочет знать, исполнит все ее желания. Он станет самым порочным наставником в мире.

— Хит?

Все его тело напряглось от легкого прикосновения ее руки. Прошлой ночью она касалась его с чувственным обещанием, которое чуть не сломило его самообладание. К тому времени, когда он осуществит свой план обольщения до конца, она будет умолять его о близости. Если только он сам не станет умолять ее раньше: Он готов был сию минуту встать перед ней на колени.

— Вам нравится книжка, которую я для вас купила?

Он поднял глаза и позволил своему взгляду медленно пройти по ее фигуре сверху вниз с чувственностью, от которой у нее перехватило дыхание.

— Я ее еще не смотрел. Моя голова занята другими вещами.

— Полагаю, мне не стоит спрашивать, что это за вещи, — вполголоса пробормотала она.

— Думаю, вы и так это знаете, — лениво улыбнулся он в ответ.

Откровенное желание, светившееся в его глазах, завораживало ее. Она весь вечер чувствовала на себе его взгляд. Он наблюдал за ней, словно она была голая. Словно ждал момента сделать очередной шаг. Ее тянуло к нему, и влечение это становилось сильнее с каждым часом. Она едва могла дожидаться возвращения Рассела домой, чтобы официально разорвать их помолвку. Она будет честной с ним, несмотря на то что он такого уважения ей не оказал.

Он вроде бы не знал о прежних ее отношениях с Хитом. Или все-таки знал? Она задумалась. Вообще-то он тоже был тогда, много лет назад, среди гостей дома в Корнуолле. Он стал ухаживать за ней позднее. Догадался он или нет о том, что произошло между ней и Хитом? Или возжелал ее именно потому, что ревновал к Хиту и хотел победить в этом соперничестве?

Мысли о Расселе ушли, растаяли, сменившись образом грешного обольстителя, сидевшего перед ней. Сегодня Хит выглядел опасным, более напряженным, чем когда-либо ранее. Хотя он скромно сидел в углу, Джулия знала, что он настороженно следит за малейшим шумом, нарушавшим покой ночи. Стук колес на улице. Позвякивание ключей экономки в глубине дома...

Он чувствовал каждое движение Джулии.

Побарабанив пальцами по корешку книги, он сказал:

— Спасибо за подарок. У меня будет время ознакомиться с ней, когда мы окажемся в деревне. Я решил, что мы должны принять приглашение Грейсона.

— В деревне? — Она почувствовала, что Гермия и Одем с любопытством подняли на нее глаза.

Деревня. Сельская местность. Да еще в имении Боскаслов, так сказать, на их территории. Где ей некуда будет бежать, кроме объятий Хита. Немноголюдные вечера, просто зовущие к интимности. Долгие послеполуденные часы в библиотеке... за закрытыми дверями. Это даст ей возможность лучше узнать его и немного приспустить защиту. Может быть, там и у Хита будет шанс расслабиться.

— Вы забираете меня в заключение?

Он тихо рассмеялся:

— Для вашей безопасности.

— Может быть, мы хотя бы обсудим это?

— Мы это только что сделали, — пожал он плечами.

— Есть у меня какой-нибудь выбор? — спросила она с легкой насмешкой.

— Вроде бы нет.

— Надменный дьявол, — пробормотала она.

В его глазах заплясали дьявольские искорки и что-то еще, от чего у нее чаще забился пульс.

— В Кенте у нас будет много времени для чтения. — Но его взгляд говорил, что он имеет в виду занятие не столь интеллектуальное. — Может быть, начнете собирать вещи?

— Но... предполагалось, что на этой неделе у меня будет примерка новых нарядов. — Одним из которых было ее свадебное платье. Впрочем, ведь свадьба не состоится.

Он склонил голову набок и улыбнулся ей. Джулии вдруг захотелось нарисовать его в

этом мерцающем свете свечей. Раздеть его и пробежать ладонями по его великолепному телу.

— Нарядам придется подождать.

— Ладно. Тогда вам надо будет объяснить своему семейству, почему я появлюсь за столом в отрепье.

Он откинул голову на спинку стула, являя картину чувственной эlegantности.

— Я буду счастлив сделать это. А пока пакуйте ваше отрепье для пребывания в Кенте.

— Пожалуй, мне нужно будет сообщить нескольким друзьям, куда я...

— Нет. Категорически нет.

— Хит, это что, похищение?

— Вполне возможно, будьте готовы к завтрашнему утру.

Она с трудом подавила улыбку. Ей понравилось, как решительно он взял ситуацию в свои руки. В собственном поместье Грейсона они будут в большей безопасности, причем она гораздо больше опасалась за Хита, чем за себя. Дальнейшие споры с ним были бессмысленны, даже если б она была не согласна. Он уже все решил, так что ей пришлось бы сшибить сфинкса с места чем-то увесистым, чтобы что-то изменить.

Самым же худшим было то, что она вовсе не была уверена, что ей хочется что-то менять. Сегодня Одри сказала ей, что в каждой женщине есть частичка куртизанки. Джулия сильно подозревала, что вот-вот подтвердит эту теорию.

Как только дамы удалились на покой, Хит оставил Хэмма на часах и отправился напрямик в дом Одри на Брутон-стрит. Она принимала гостей: нескольких политиков, художника и парочку молодых хорошеньких актрис, явно готовящихся в куртизанки. Одри когда-то сама была актрисой и часто говаривала, что искусное лицедейство играет важную роль в искусстве удовольствия.

Две девушки с интересом уставились на Хита, словно тот был роскошным обедом, доставленным во время зверского голода. Одри поспешила к нему на помощь и провела в свою личную гостиную. Усаженные бриллиантами шпильки сверкали в ее волосах, на шее красовалось ожерелье из драгоценных камней. Платье из тафты цвета меди изысканно зашуршало, когда она опускалась в кресло.

Хит подошел к балконной двери и небрежно всмотрелся в проходившую внизу улицу. Слежки за ним не было.

— Боскасл, какой приятный сюрприз. Что вас привело сюда: дело или удовольствие?

Он сел рядом и улыбнулся:

— Ни то ни другое.

— Но ведь ничего другого не существует.

— Я хочу знать, зачем к вам сегодня приходила Джулия.

Одри широко открыла глаза.

— Я никогда не сплетничаю.

Он поудобнее уселся на диване.

— Я буду сидеть и глазеть на вас, пока вы мне не расскажете.

Она потрогала ожерелье. Взгляд ее медленно блуждал по его фигуре, переходя от широких плеч к мощному торсу.

— Ну, это вряд ли можно счесть угрозой. Вы собрались меня пытаться?

— На это у меня нет времени.

— Какая жалость, — вздохнула она.

— Одри, — мягко произнес он, — я должен это знать.

— Почему? — заинтригованно осведомилась она.

— Зачем Джулия приходила к вам?

— Спросите у нее самой.

— Я спрашиваю вас.

Под его взглядом она нервно заерзала.

— Мой рот на замке.

Хит взял ее руку и стал целовать.

— Одри, прекрасная соблазнительница, как долго вы дружите с моим семейством?

От удовольствия она затрепетала и прикрыла глаза.

— Слишком долго, дьявол ты этакий. Проклятие! Если я все расскажу тебе, обещаешь не говорить Джулии, что знаешь?

— Слово джентльмена.

— А повесы?

Он рассмеялся:

— И его тоже.

* * *

Два дня спустя Джулия укладывала вещи для отъезда из города на неопределенный срок. Она понимала, что, соглашаясь поехать с Хитом в поместье Грейсона, делает шаг бесповоротный. Гермия уверяла ее, что это разумный поступок, и Джулия было благодарна тетушке за поддержку, несмотря на сопутствующие шуточки и поддразнивание. Однако здравый смысл меньше повлиял на решение Джулии, чем нерассуждающая сила чувств. Она слушалась лишь собственного сердца и жалела только о том, что не сделала этого много лет назад.

Закрыв дверь спальни, она поспешила вниз, в музыкальную комнату, где спрятала свои рисунки. Она собиралась взять их с собой. Не дай Боже, на них наткнется кто-нибудь из слуг, ей вряд ли удастся оправдать свой творческий порыв.

— Что ты делаешь, Джулия? — требовательно осведомилась Гермия. — Экипаж Боскасла будет здесь с минуты на минуту.

Джулия растерянно уставилась в пустое пространство за ирландской арфой, унаследованной от деда. Ее рисунки исчезли. Этого не могло быть. Никто, кроме нее, не пользовался этой комнатой. Это был самый лучший тайник в доме.

— О нет, — прошептала она и обернулась к тетушке: — Вы, кажется, недавно здесь были?

— Нет, — ответила Гермия. — В этой комнате вечный беспорядок. Я взяла на себя смелость вчера утром позвать двух юных трубочистов, чтобы они прочистили дымоход. Ты ведь не хочешь устроить в доме пожар?

— Что они сделали с моими бумагами?

— Наверное, выкинули, — пожала плечами Гермия. — Там было что-то ценное?

— Как посмотреть, — мрачно откликнулась Джулия, не давая панике овладеть ею. — Мне жаль, что ты не спросила моего разрешения, Гермия.

Загородное имение маркиза Седжкрофта располагалось на окраине отдаленной деревни в графстве Кент и было окаймлено лесистыми холмами. Построенный в XVI веке красивый дом за прошедшие столетия разросся, чтобы вместить увеличившееся семейство и достойно отвечать важному общественному статусу владельцев. Хозяева любили принимать гостей и охотничьи сходки, что очень нравились местной знати.

Однако Грейсону и Джейн только предстояло приехать. Они заехали на побережье навестить двоюродных родственников Джейн. Хит и Джулия были практически предоставлены сами себе... если не считать Гермии, Хэмма и умелых седжкрофтских слуг. Но даже с ними просторные комнаты поместного дома предоставляли массу возможностей для уединения.

В первую ночь по прибытии гости только легко поужинали и разошлись по отведенным комнатам, чтобы распаковать вещи. Слуга проводил Джулию по винтовой лестнице и бесконечному, освещенному факелами коридору к арочной дубовой двери.

— Комната в башне! — воскликнула она, оглядываясь на высокую фигуру, маячащую за ними. — Что это значит?

Хит ухмыльнулся:

— Это для вашей безопасности.

— Я чувствую себя пленницей.

— Какая чушь. — Легким кивком он отпустил слугу. — Спасибо, Коллинз. Можете оставить хлеб и воду у двери.

— Очень смешно, — проворчала Джулия, когда он отворил скрипучую дверь в удивительно приятную, освещенную свечами комнату с золоченым туалетным столиком, небольшим письменным столом и кроватью красного дерева под балдахином с бархатными занавесками цвета бургундского вина. В камине из розового мрамора весело горел огонь. — Я... ох, здесь чудесно. Это самая прелестная тюрьма, какую только можно вообразить.

Хит сухо усмехнулся:

— Сюда мужчины нашего семейства привозили своих принцесс.

Она залюбовалась акварелью над камином, изображавшей пастуха и пастушку на лугу, но скоро осознала, чем именно занимаются милые селяне на сене. На картину нельзя было смотреть равнодушно, не думая о разнузданности, о полной | самоотдаче и откровенной земной чувственности. Джулия подняла руку к застежке своего серого шерстяного плаща. Ей вдруг стало жарко. Когда наконец она поймет, что семейство Боскаслов никогда ничего не делает наполовину? Должно быть, именно это имела в виду Джейн, призывая ее не расслабляться и быть настороже.

— Что ты так встревожилась, Джулия? — озорным тоном осведомился Хит.

Он положил руки ей на плечи. В низком мягком голосе звучала притягательная мужская самоуверенность. Его тело прижалось к ней. Твердая стена его груди приглашала прислониться.

— Встревожилась? Разве я выгляжу встревоженной? — А вот ослабевшей, невесомой, плывущей по воздуху... наверняка.

Она повернулась и увидела манящий отблеск пламени в его глазах. Если она осмелится взглянуть в них подольше, то увидит еще и дьявола, и по крайней мере отражение своих

желаний. Грудь ее словно разгорелась, дыхание прерывалось. Жаркая волна прокатилась по всему телу. Голова кружилась.

— Джулия, — произнес он, укоризненно выгнув черную бровь. Вот так. На какой-то летучий миг она заметила в его горящем взоре сатану, но он добавил: — Это всего лишь я. — И его руки потянулись к застежке ее плаща.

— Вот именно.

Легким движением пальцев он расстегнул застежку.

— Здесь жарко, правда? — спросил он, заглядывая ей прямо в глаза.

— Просто пекло.

— А может быть, на тебе чересчур много одежды.

— Я вполне способна сама раздеться.

— Помощь никогда не помешает.

— Думаю, что справлюсь без вашей помощи.

Он отвел ее пальцы с ласковой бережностью, от которой у нее перехватило дыхание.

— У меня очень ловкие пальцы.

— Кто бы сомневался.

Джулия словно со стороны наблюдала, как ее плащ соскользнул на пушистый узорчатый ковер. Она не была уверена, но подозревала, что рисунок ковра изображал еще одну сладострастную сцену, предназначенную возбуждать чувства. Хотя истинным Боскаслам подобные ухищрения в этом деле были ни к чему.

И ей тоже. Она тонула в желании, в такой отчаянной тяге к нему, в такой любви, что не могла сдерживаться. Она так долго ждала счастья, что теперь хотела наслаждаться каждым его мгновением. Мгновениями, которые должны перерасти в месяцы, а потом в годы... если ей удастся сделать все по-своему.

— Где будет спать Гермия? — спросила она, тихо ахнув, когда его ладони медленно легли ей на плечи.

В его глазах заплясали чертики. Шрам на верхней губе сузился, когда он одарил ее обезоруживающей лукавой улыбкой.

— Она благополучно устроена в другом крыле.

— В другом крыле?

— Хэмм находится в соседней с ней комнате. В конце концов, не могу же я охранять двоих сразу.

Она уставилась вниз, на ковер, готовая смотреть куда угодно, лишь бы отвлечься от желания, стучавшего бурной кровью в виски. Узор сложился в эротическую картину вакханалии.

— Любопытный ковер. Бесстыдный, но интересный.

Хит костяшками пальцев приподнял ее подбородок. От его жадного, жаркого взгляда пробежала дрожь предвкушения. Тяжелые веки полуприкрыли его глаза...

— Наши комнаты соединяются.

Она посмотрела на дверь позади него.

— Ты хочешь сказать, через коридор?

Он медленно водил большим пальцем туда-сюда по ее нижней губке. От чувственного трения у Джулии ослабели колени, задрожали ноги. Она еле слышно ахнула. Он продолжал мягким низким голосом, как охотник, успокаивающий добычу:

— Комнаты соединяются через платяной шкаф. Я на расстоянии оклика.

— Но я не вижу замка. Должно быть, он на твоей двери.

Хит покачал темной головой. Его улыбка безжалостно приковывала ее взгляд, послание было ясным и манящим.

— Никаких замков. Только на двери в коридор.

Она застыла. Хит повернулся к шкафу.

— Разве ты не чувствуешь себя спокойнее, зная, что я в соседней комнате?

— Мне было бы спокойнее, если б между нами была железная решетка, — насупилась она.

Еще одна улыбка изогнула его губы. Джулия видела его отражение в большом зеркале. Он пробормотал:

— Кому ты не доверяешь, Джулия? Мне или себе?

Джулия разделась и легла спать, но заснуть не могла. Она чувствовала себя сказочной принцессой, которая всю ночь ворочалась из-за горошины под матрасом. Комната была создана для роскошного отдыха, для того, чтобы оставить весь мир за порогом и позволить женщине сосредоточиться на одном.

— На обольщении, — произнесла она вслух, садясь на кровати.

Книжка, которую она пыталась читать, соскользнула на ковер. Джулия отбросила пахнущие лавандой простыни и наклонилась, чтобы ее поднять. Когда она выпрямилась, на постели рядом с ней сидел, полуоткинувшись, Хит в облегающей белой льняной рубашке и черных брюках, обрисовывающих каждый мускул его великолепного тела.

Джулия открыла рот, чтобы вскрикнуть.

Хит закрыл ей рот поцелуем.

— Боже милосердный, — пробормотала она, когда смогла вымолвить слово, и упала на ароматные простыни, пригвожденная чувственной тяжестью его тела.

Он склонился над ней и хрипловатым голосом сказал:

— Я здесь, чтобы защищать тебя.

Она всмотрелась через его плечо в неясные тени комнаты.

— От кого?

— Я слышал шум.

— У тебя, должно быть, слух, как у волка, Хит Боскасл. И такие же инстинкты. Я уронила книжку всего мгновение назад.

— Я подумал, что кто-то пробрался сюда. И пришел выяснить.

— Что ж, кое-кто действительно сюда пробрался, — согласилась она.

Он прищурился в притворной тревоге.

— Можешь его описать?

— Конечно. Он греховно красив, греховно хитроумен и... вообще грешен. Как большинство вторгающихся.

Его взгляд скользнул по ней, как язычок пламени.

— Думаю, что мне следует остаться здесь на случай, если он вернется, — произнес он, и его рука легла на ее плечо, притягивая к себе. — Конечно, если только ты не захочешь, чтобы я удалился.

Она с дрожью закрыла глаза и прошептала:

— Нет.

— Я тоже так думаю.

— Что ты думаешь?

— Что я слишком долго тебя ждал, — прошептал он. — Предупреждаю тебя, что после этой ночи ты никогда от меня не убежишь.

Ее сердце затрепетало.

— Я и не захочу.

Теперь она останется с ним, что бы ни случилось. Даже если Рассел устроит скандал по поводу разорванной помолвки, она будет принадлежать Хиту до конца жизни.

Джулия встала на колени, чтобы расстегнуть на нем рубашку. Он развязал ленточки ее ночной сорочки и сорвал легкое одеяние с ее тела. Она потерлась грудью о его жесткую, исполосованную шрамами грудь.

Она посвятит себя ему, излечит своей любовью, поможет забыть обо всем, что он пережил... перестрадал. Она хотела отдаться ему полностью... во всех смыслах. Ее сердце уже принадлежало ему, и тело наконец тоже будет принадлежать Хиту. Как прекрасно любить... вольно и безраздельно.

— О мой Бог, Джулия. — Хит мог оценить всю глубину ее чувств по этому самозабвенному отклику.

Она была такой сладостно отзывчивой, такой отчаянно беспышной. Он повел губами вниз по ее шее к груди. Она затрепетала, выгнулась ему навстречу. Она жаждала так же, как он, но этого было недостаточно. Хит хотел, чтобы она осознала, что ей нужен только он, что это было суждено им изначально. Он удержался и не рассказал ей о неверности Рассела, хотя ему очень этого хотелось. Сам он твердо знал, что никогда не предаст Джулию. Но... Потеря Рассела — его, Хита, находка.

Он властно провел ладонями по ее обнаженному телу, притянул к себе, чтобы она прочувствовала, до какого отчаяния его довела. Она задрожала, уткнулась в его плечо.

— Я хочу... — Голос ее был еле слышен.

Ни одна женщина никогда не возбуждала его так, как Джулия.

— Я знаю, чего ты хочешь.

— Тогда тебе не кажется, что пора прекратить мои мучения? — прошептала она, целуя его жесткий подбородок.

— Но потом ты меня не покинешь.

— Я...

— Это не вопрос. — Он опустил ее на постель, пригвоздил тяжестью своих бедер. — Это утверждение. И я не покину тебя. На этот раз ничто и никто нас не разлучит.

Она напряглась, выгнулась, устремляясь к нему. Он с улыбкой смотрел вниз... на нее. Ему хотелось показать ей, что плен — одно из самых эротичных, самых чувственных переживаний. Она с радостью станет его рабыней в постели, точно так же, как он уже стал ее рабом.

— Я тебя жажду, — произнес он.

Она прямо посмотрела ему в глаза.

— Я желала тебя с первого момента нашей встречи.

— Мы должны быть вместе, Джулия. Как же мы так нелепо, неправильно разошлись?

Она положила ладони ему на грудь, и ее прикосновение было одновременно успокоительным и обольщающим.

— Зато теперь мы вместе.

Его глаза смотрели в ее глаза. Джулия ласкала его, ее пальцы бережно исследовали тайны его мужественного тела, гладили плоский живот. Острая потребность в ней бурлила,

вскипала в его крови, звенела в жилах и костях. Потребовалась вся сила его воли, чтобы напомнить, что он хотел доказать ей свою любовь, свое желание, сделать каждое свое движение, каждый шаг памятным. Возместить утраченные ими годы. В их первый раз он был слишком нетерпелив, слишком скор. Теперь он больше понимал в любви, в наслаждении, во всем по-настоящему ценном в жизни.

— Я дам тебе то, чего ты хочешь, Джулия.

— Я хочу тебя, — не колеблясь объявила она.

— И...

— Тебя!..

Огненная волна промчалась по телу. Он застонал от наслаждения, а она продолжала его гладить, доказывая, что в играх желания она противник, которого нельзя недооценивать. Он горько сожалел об утраченном времени и сотрясался от блаженства этой минуты, от любви, которую наконец-то позволил себе ощутить до конца.

Джулия была именно той, в ком он нуждался, той, которой не хватало в его жизни. Она приподнялась на локте, а он пристально вглядывался в ее лицо в яростном томлении, наслаждаясь обольстительной теплотой ее губ. Давление нарастало. Он боролся с собой, стремясь сохранить выдержку и рассудок.

Он заскрипел зубами, схватил ее за плечи и втиснул колено между ее ног. Она упала навзничь на постель, соблазнительная, открытая его взору. Он нагнул голову, поцеловал ее и почувствовал, как ее руки вцепились ему в плечи. Его мышцы сжались, откликаясь на ее прикосновение. Он сделал выпад. Годы ожидания, желания... и вот она его. Он закрыл глаза и дал инстинкту править бал, дал волю себе соединиться с ней в невероятном блаженном восторге.

— Я должна тебе кое в чем признаться, — промолвила она, когда они тихо лежали рядом, не в силах заснуть, не желая упустить ни мгновения ночи.

Он откликнулся не сразу: мысли его бродили далеко. Никогда у него не было такой поразительной страсти, его до сих пор трясло от силы пережитого экстаза.

Господи, она его заворожила. Что она сказала? Что хочет признаться? Он догадывался, что она хочет рассказать ему о своей поездке к Одри за советом, как его соблазнить. Нет, в его задачи никак не входило разрушение ее иллюзий, ее секретов, тем более что ее целью было желание заманить его в свою постель. Он не собирался губить самую чудесную ночь в своей жизни, признаваясь Джулии, что следил за ней... и раскрыл ее озорной секрет.

Хмыкнув, он небрежно закинул одну руку за голову.

— Что ж, милая, признавайся. Я в прощающем настроении.

Хотя прощать здесь было нечего. Чувственность, которую сегодня выказала Джулия, была фантазией любого мужчины. Однако большинство женщин наслаждаются тайнами. Он снисходительно улыбнулся и почувствовал, что она отодвигается от него. В полумраке казалось, что вид у нее какой-то пристыженный, хотя ничего постыдного она не совершила. Честно говоря, он еле мог дождаться, когда же она испытает на нем свои новые познания. Он был готов к любовным играм.

Она наклонилась вперед, вперив взгляд в занавески. Он пробежался пальцами по ее спине.

— Рассказывай. Это не может быть таким уж шокирующим.

— Может, — поспешила, возразить она.

Он медленно сел. Простыня свалилась с него, обнажив до пояса. Ее виноватый тон подсказывал, что ей нужно признаться в чем-то большем, чем любовные игры. Что же это могло быть? Явно что-то более серьезное. Ад и все его дьяволы, неужели она узнала об изменах Рассела?

У Хита заняло сердце от жалости к ней. Ему была ненавистна мысль о ее страданиях из-за другого мужчины. Его жгла ревность из-за того, что после такой ночи любви она все еще могла думать о Расселе.

— В чем дело, Джулия? — спросил он холоднее, чем намеревался.

Он никогда не испытывал такой глубокой и сильной страсти.

Она вздрогнула.

— Может быть, отложим этот разговор до завтра?

— Нет, говори сегодня.

— Зачем портить идеальную ночь?

Он нахмурился, пытаясь разглядеть в полумраке ее соблазнительные формы... выражение ее лица.

— Ты считаешь, что мне нельзя доверять?

— Нет. Совсем не то.

Хит положил руку ей на плечо и повернул к себе лицом. Ее выразительные карие глаза пробудили в нем новый прилив яростного желания. За всю жизнь никогда он не испытывал такого удовлетворения и такой жажды обладания.

— Тогда в чем дело? — настаивал он. — В Расселе?

— В Расселе?

— Да, в Расселе. В моем бывшем друге и твоём бывшем женихе.

Она недоуменно нахмурилась:

— Какое отношение имеет к этому Рассел?

— Это я и пытаюсь выяснить, — нетерпеливо произнес он.

Она вновь откинулась на подушки.

— Обещаешь быть милосердным? Не забудешь, что я не хотела намеренно причинить тебе вред?

Хит, внезапно охваченный тревогой, склонился над ней.

— Что ты натворила?

— Я не нарочно.

Он смотрел на нее в ожидании, стараясь мысленно успокоить себя, твердя, что она не способна совершить непростительный поступок.

— Ты помнишь рисунок, который я рисовала? — Она натянула простыню под самое горло.

Хит выпрямился.

— Только не говори, что ты его продала.

Она бросила на него укоризненный взгляд.

— Разумеется, я его не продала. Это был рисунок для себя, вовсе не предназначенный для клуба. Ты думаешь, я хочу делить с кем-нибудь в мире мое представление о тебе... твоё изображение... по крайней мере это.

— Нет. — Он испустил вздох глубокого облегчения. — Не думаю. Но на какой-то ужасный миг ты позволила мне решить...

— Я его потеряла, — проговорила она и натянула простыню на лицо.

— Потеряла его? Ты хочешь сказать, неизвестно куда положила? Не помнишь, где спрятала? — Он стянул простыню с ее лица. Джулия смотрела на него умоляюще. — Ну скажи, что ты потеряла его где-то в доме.

Она нервно сглотнула слюну.

— Хотелось бы мне, чтобы это так было. Но нет. Он исчез. Тетя Гермия поручила уборку музыкальной гостиной каким-то двум трубочистам, которых взяла с улицы. Возможно, нам не стоит беспокоиться. Кому, кроме меня и нескольких тысяч англичанок, нужен твой портрет в обнаженном виде?

— В обнаженном?! — потрясенно переспросил он, искренне надеясь, что ослышался. — Ты так и не пририсовала одежду? Ни тряпочки? Ни фигового листка?

— Ну, понимаешь, я все размышляла, не стоит ли заслонить тебя колесницей... когда рисунок пропал. Может быть, его выкинули. Как ты думаешь?

— Я боюсь думать об этом, Джулия. Я буквально цепенею при мысли о возможном появлении моего голого изображения на улицах Лондона. — Ситуация была в высшей степени неловкой, но вряд ли стоило из-за нее портить их интимную близость.

Он потом, утром, займется пропавшим рисунком, а эти ночные часы принадлежат Джулии.

Она разбудила его среди ночи, блуждая ладонью по его животу. Хит пошевелился.

— Ты меня прости? — прошептала она, прижимаясь к нему нежным, теплым ото сна телом.

Он перекатился и подмял ее под себя, удерживая мощными бедрами.

— По-моему, тебе нужно заработать мое прощение.

— Я постараюсь, — улыбнулась она.

У него перехватило дыхание, когда Джулия снова толкнула его на спину. Уже начинало рассветать, но поместье еще было охвачено тишиной. Хит погрузил пальцы в ее локоны, его сердце забилось чаще, невыносимое напряжение нарастало сладостной мукой.

— Простил меня? — осведомилась Джулия тоном роковой соблазнительницы.

У Хита было ощущение, что он сейчас взорвется.

— Все, что угодно, — хрипло простонал он.

Она довела его до края, испытывая на прочность его выдержку. Он потянулся к ней и одним гибким движением снова перекатил ее на спину, под себя. Одной ладонью он захватил оба ее запястья и завел ей за голову.

Она лежала, затаив дыхание в сладком предвкушении, а он прокладывал поцелуями дорожку вниз по животу.

Она выгнулась, издав низкий горловой звук. Пусть она помолвлена с другим, но теперь будет принадлежать только ему. Ее тело забудет других мужчин и будет знать лишь одного хозяина.

— Это так порочно, — задыхаясь, выговорила она.

— Господи, ты что, хочешь, чтобы я прекратил?

— Если ты прекратишь, я умру.

Она, задыхаясь, уткнулась в подушку. Он терзал ее, пытал ласками. Вытягивал все чувства, пробуждал все тайные ощущения, пока она не стала извиваться под ним. Сердце Хита стучало молотом, но он отказывался отпустить ее.

Глаза ее были закрыты, тело раскалено. Она обвила ногами его бедра и стиснула. Ее неукротимая чувственность воспламеняла его отклик, бросала вызов его самообладанию.

— Хит!.. — умоляла она, то ли желая, чтобы он остановился, то ли — чтобы любил сильнее.

Он не мог этого понять, но и остановиться уже не мог. Он жаждал только освобождения, которое она могла ему дать. Он закинул ее ноги себе на плечи и в чувственном беспамятстве стал вращать бедрами. Жестче, сильнее, жарче... глубже и глубже, пока душа не понеслась ввысь в чистой радости обладания ею.

Он выгнул спину, ощутил, как его тело захлестывает удовольствие, содрогнулся в пронзительном блаженстве удовлетворения. Когда утих последний спазм экстаза, у него хватило сил лишь с изумлением посмотреть на нее и нежно прикоснуться к ее щеке. Их глаза встретились.

— Бог мой!..

Она вздохнула.

Он повалился рядом и заключил ее в объятия.

— Думаю, я никогда не смогу насытиться тобой.

— Я чувствую, как бешено бьется твое сердце, Хит, — прошептала она.

— Это все ты. — Его руки сжались вокруг нее в стремлении защитить... охранить. — Со своим мужем ты тоже была такой страстной?

— Нет. Никогда, — выдохнула она.

— А с Расселом? — спросил он, потому что этот вопрос давно жег ему душу.

Он уничтожит навсегда ее воспоминания о других мужчинах... Только дайте ему эту

возможность.

— Нет. Мы с Расселом никогда не были настолько близкими.

— Только не говори, что он не пытался, — промолвил Хит, не в силах поверить, что есть на свете мужчины, которые могут устоять перед ее природной, ненаигранной чувственностью.

— Этого я не говорила.

— Ублюдок, — мрачно пробормотал. Хит.

Джулия рассмеялась и повернула голову, чтобы полюбоваться его профилем. Он не смотрел на нее: боялся, что не сможет скрыть свою неприязнь к Расселу, что она поймет, каким безумным собственником становится он, как жаждет защитить ее от всех неприятностей. И еще он старался утаить наслаждение, которое принесла ему их физическая близость. У него было много времени, чтобы научиться ее ценить, чтобы понять, что она для них значит.

— Хит? — мягко окликнула она его.

Он посмотрел на нее сверху вниз, и выражение его лица смягчилось. В ее голосе звучала тревога, и ему не захотелось портить ревностью этот чудесный момент.

— В чем дело? — спросил он, встречая ее взволнованный взгляд.

— Я знаю, как работает у мужчин голова.

— Ты знаешь, как работают все части мужского тела.

— У миссис Уотсон, — улыбнулась она, — это звучало слишком академично. Осмелюсь предположить, что когда-нибудь она откроет школу и будет пользоваться огромным успехом...

Хит ухмыльнулся:

— Только не предлагай себя на роль учительницы.

Ее взор шаловливо скользнул по нему.

— Полагаю, что каждый мужчина хочет быть первым любовником женщины. Мне хотелось бы, чтобы им был ты, но...

— Дорогая Джулия. — Он нагнул голову и поцеловал ее нежные соблазнительные губки. — Ты жестоко ошибаешься.

Она угнездилась в его объятиях.

— Ошибаюсь?

— Да. Каждый мужчина хочет быть последним любовником женщины. И в твоем случае так и будет.

Часом позже, перед самым рассветом, Хит зашевелился. С улыбкой он натянул одеяло на ее голые плечи и разжег огонь в камине. Какую-то блаженную минуту он полежал без движения, ощущая удовлетворенность, ранее ему неведомую. Как же было хорошо лежать рядом с Джулией и слушать ее дыхание.

Здесь, за городом, в доме брата, опасность, грозившая от Оклера, объяснение с Расселом казались такими далекими, что мысли о них можно было задвинуть глубоко-глубоко. А вот игнорировать Джулию никак невозможно. Возместить утраченное время...

Ему хотелось побыть с ней в постели, но даже повеса Боскасл должен соблюдать хоть минимум приличий. Не дело, если тетушка Гермия обнаружит, что он обольстил ее племянницу, находящуюся под его защитой.

Он осторожно пробрался в свою комнату, умылся, побрился, надел свежую одежду и сел

за письменный стол, чтобы набросать письмо в Лондон. Он не забыл о пропавшем рисунке Джулии. Лучше найти эту чертову штуку, пока она не доставила неприятности.

* * *

Джулия слышала, как он зашевелился и выскользнул из ее постели. Его ночные ласки оставили ее в состоянии сладостного изнеможения, и не было сил его окликнуть. В этом доме, в его объятиях, она чувствовала себя в безопасности, и если бы это было в ее власти, Джулия навсегда осталась бы здесь, вдали от всего мира. Она готова была бесконечно притворяться его принцессой в высокой башне.

Однако неприятное внутреннее чувство подсказывало Джулии, что Рассел не примет ее отказ с приличествующей любезностью, несмотря на собственную неверность. Она, кажется, говорила, будто хочет, чтобы Хит за нее подрался? Но ведь она не имела в виду настоящую драку. Ни ему, ни Расселу не нужно драться за нее, чтобы доказать свою отвагу или мужественность. Как ей справиться с Расселом? И как объясниться с ним Хит? Он ей об этом ничего не говорил. Он все тщательно обдумывал и не страдал излишней импульсивностью.

Так что ей оставалось ждать и надеяться на изящный разрыв с Расселом... И Джулия, и Хит теперь достаточно сильны, чтобы противостоять любым противодействиям. Таково было преимущество зрелого возраста и опытности. По крайней мере тетушка одобряла ее выбор от всего сердца, и, к счастью, семья Хита приняла Джулию тепло и сердечно. Эта поддержка близких людей поможет выстоять. Именно преданность друг другу перед лицом житейских бурь давала Боскаслам их силу. Она восхищалась этим качеством и надеялась, что ее с Хитом дети, Бог даст, унаследуют фамильные черты.

Письмо от брата Хита лорд Дрейк Боскасл получил в самый неподходящий момент. Он как раз устраивался в салоне Одри, намереваясь провести день за искусным обольщением. Его пригласили сюда под предлогом литературного вечера, но Дрейк сомневался, что покинет эту обитель с воспоминаниями о литературе.

Молодая актриса в его объятиях в эту минуту вряд ли смогла бы прочесть и детскую считалку. Поддавшись уговорам Одри, он согласился опробовать на себе ее новообретенные профессиональные таланты.

— Я думаю, — пробормотал он в ее розовое ушко, — что у вас, несомненно, есть к этому призвание.

Она обвила руками его шею и начала, воркуя, развязывать ему галстук.

— Неужели вы так считаете?..

— Полагаю, что нам стоит...

Он с раздражением взглянул на открывшуюся дверь. Одри впустила молодого лакея, и готовый разозлиться Дрейк узнал фамильную ливрею. Он бережно отсадил на диван обвившуюся вокруг него женщину.

— Простите, Боскасл, — произнесла Одри с лукавой усмешкой, явно доказывающей, что никакого прощения она не просит. — Он настаивал, что дело очень важное. — Было очевидно, что она намерена узнать, что это за дело.

Лакей передал Дрейку письмо, не сводя при этом глаз с растерянной актрисы на диване, пытавшейся привести в порядок платье и волосы. Дрейк вскрыл письмо и быстро пробежал послание. Лицо его помрачнело.

«Мне нужно повидаться с тобой по очень срочному делу. Речь идет о чести нашего имени.»

Хит».

— Ад и все его дьяволы! — пробормотал Дрейк, засовывая письмо в карман жилета. — Он очень точно выбирает момент.

Одри смотрела на него с тревогой. Она всегда питала слабость к этому семейству.

— Какие-то неприятности, Дрейк? — спросила она, поднимая брови.

— Какой Боскасл обойдется без них? — удрученно улыбнулся он.

Она проводила его до двери, глядя тепло и сочувственно. Лакей Боскаслов уже держал наготове шляпу, перчатки и черный плащ.

— Полагаю, раз Грейсон недавно женился, а Хит увлечен Джулией, то только вы и ваш младший брат — единственные Боскаслы, пока пригодные для распутства? — крикнула Одри вслед удаляющейся поджарой фигуре.

Дрейк обернулся на ходу и послал ей от двери воздушный поцелуй.

— По крайней мере в ближайшем будущем.

Следующим вечером Хит и Дрейк встретились в овальной гостиной дома Грейсона. Хит стоял у окна, а Дрейк вышагивал по комнате, еще не придя в себя после скоропалительного отъезда из Лондона.

— Ценю, что ты так быстро откликнулся, — промолвил Хит, наливая брату бокал бренди.

— Я чуть не сломал шею, добираясь сюда, — проворчал Дрейк. — Дело в Оклере? Или

снова возник Brentford? — Он прищурился. — Я так и знал, надо было избить его до бесчувствия.

— Оклер пока не сделал следующего хода.

— Полагаю, было бы слишком оптимистично надеяться, что он исчезнет навсегда.

— По-видимому, — кивнул Хит с натянутой улыбкой и передал Дрейку бокал. — Все это так... неловко.

— Неловко? Я покинул юную брюнетку на диване у Одри. Уверяю, это было мучительно, а не неловко.

— Уверен, что она тебя дождетя.

Дрейк подавил зевок и почти упал в мягкое кресло.

— Давай, выкладывай.

Хит помедлил, прислушиваясь к женскому смеху в коридоре.

— Речь о теле. О моем теле, точнее, о его изображении в обнаженном виде. Рисунок Джулии исчез.

Дрейк поперхнулся бренди. По его лицу расплзлась ехидная усмешка.

— Ты... Ты в голем виде?

— Если ты будешь смеяться, — сухо произнес Хит, — здесь скоро окажется мертвое тело, от которого нужно будет избавиться.

— Куда же делся рисунок?

— Гермия наняла с улицы двух трубочистов, чтобы вынести хлам из музыкальной комнаты. Джулия прятала там этот рисунок. Из осторожности.

— Убиться можно, — покачал головой Дрейк, отбрасывая полы сюртука. — Парочка трубочистов могла затащить эту чертову штуку куда угодно.

— Вот именно.

— Может, этот шедевр нашел дорогу в Лувр, — съязвил Дрейк. — Нам нужно обратиться к Веллингтону, чтобы он его вызволил.

— У меня менее высокая оценка художественной ценности моего изображения, — уточнил Хит. — Меня лично приводит в ужас, что моя нагота будет демонстрироваться на всех аллеях Сент-Джайлза. Я понимаю, что это не совсем вина Джулии... но это в высшей степени неловко. Стыдно.

— На черном рынке за этот рисунок можно получить целое состояние, — покачал головой Дрейк. — Подумай о том, сколько женщин пойдут на убийство, лишь бы завладеть им. Что, черт побери, подвигло Джулию нарисовать такое?

— Тебе придется спросить об этом у нее самой.

Дрейк помолчал.

— Не важно. Я-то знаю. Вопрос в том, знает ли Рассел?

Хит поднял глаза, отвлеченный звуком открывшейся позади них двери. В комнату вошли Гермия и Джулия, его беспутная портретистка, одетая в сиреневый муслин. Хит расправил плечи и окинул ее восхищенным взглядом темных глаз.

— О Боже, — промолвила она, прячась за Гермия. — Тут у вас семейный совет, и, думаю, мне известно, по какому поводу.

Гермия посмотрела на Дрейка и без обиняков спросила:

— Вы еще не нашли его?

Дрейк вежливо поднялся на ноги.

— Не нашел, но собираюсь немедленно отправиться на поиски. Опишите мне этот

рисунок.

Джулия судорожно стиснула в пальцах бахрому шали.

— Право... лучше я не буду...

— Это я, представленный в виде бога Аполлона, — с досадой произнес Хит.

— Ну-у, — запинаясь, протянула Джулия, — да... но это карикатура.

— Карикатура? — недоумевающе переспросил он.

Она повернулась к камину и уставилась на огонь. Никогда ей не пришло бы в голову, что рисунок попадет в чужие руки. Неудивительно, что в свете ее прозвали «озорной леди Уитби». Какое ужасное впечатление произведет это на семью Хита. Подумать только, что она всего лишь хотела пошутить...

— Я несколько исказила некоторые части твоей анатомии. Понимаешь, превратила рисунок в карикатуру, которые так популярны сейчас в прессе...

— Только не этот рисунок! — ахнула Гермия.

— Найди эту чертову штуку, — мрачно заявил Хит. — Найди, или произойдет черт знает что. Век не расплатишься.

Дрейк пообедал в обществе Хита и Джулии, а затем отправился на покой, чтобы на следующее утро уехать и пуститься в забавные поиски. Ситуацию довольно точно оценила Джулия. Они сидели с Хитом перед камином в ее комнате, и она, вздохнув, заметила:

— Этот рисунок уже поставил тебя в неловкое положение, а его еще никто не видел. Мне очень жаль.

— Ты уже это говорила, — неохотно улыбнулся Хит.

Он не мог долго на нее сердиться и не собирался ссориться из-за рисунка. Им грозили проблемы гораздо более серьезные.

— Уверен, Джулия, что я это переживу. Не теряй из-за этого сна.

Господи, какой беспрецедентный позор! Он легко мог вообразить, как входит в свой клуб и видит на стене этот рисунок. Его друзья будут хохотать до умопомрачения. А его до смертного часа будут называть Голым Аполлоном. Нет, этого ему не пережить.

— Ты же его еще не видел, — пробормотала Джулия. Если Хит увидит этот рисунок, то так легко он ее не простит. — Впрочем, может, трубочисты его сожгли.

— Отправляйся в постель, Джулия. — Хит встал и протянул ей руку.

Она поднялась на ноги, и он притянул ее в объятия.

Он целовал ее, пока руки Джулии не обвили вокруг его шеи, пока она не прильнула к нему, расслабленная, отзывчивая. Он ощутил, как знакомый расплавленный жар заполнил его тело.

— Как я жил без тебя все эти годы? — спросил он, закрывая глаза и поглаживая ее спину.

— Не живи больше без меня. Никогда, — прошептала она.

Они уже погрузились в тайный мир своей любви. Хит медленно раздевал ее. Он опустился на колени и снял с нее подвязки и чулки.

Она ухватила за его плечи. Ее локоны сверкали в отблесках каминного огня, как темно-рубиновое пламя.

— Грешник, — ломким голосом проговорила она.

— Грешница.

— Только с тобой.

— Не сомневайся, я могу быть очень хорошим или очень плохим. Как ты хочешь?

— Я думаю... — Она застонала и чуть не рухнула наземь, но его сильные руки поддержали ее подгибающиеся колени.

— Думаю, ты предпочтешь меня плохим, — шептал он, удерживая ее трепещущее тело в беспомощном подчинении.

Он быстро обнял ее, и Джулия начала торопливо его раздевать, целуя каждую освобождающуюся от одежды часть его тела, пока он не оказался совершенно раздетым. Никогда больше не сможет она отрицать, какую важную роль Хит играет в ее жизни. Что он для нее значит. Он так хорошо ее понимал, предвосхищал, казалось, каждое ее настроение, каждое желание.

— Так насколько же плохим ты можешь быть? — осведомилась она.

Он сжал бедра и пригвоздил ими ее ноги, вжав их в постель.

— Я — Боскасл. Для нас нет предела.

Она запрокинула голову и вытянулась. Это движение было полно чистой чувственности. Он затаил дыхание и скользнул ладонями по ее животу вверх к пышной груди. Джулия томно застонала, губы ее приоткрылись от наслаждения.

Она была в полной его власти.

Никогда не было у него такой женщины, которую он любил бы всем сердцем, всей душой, всем своим существом. Никогда он не испытывал такого головокружительного, яростного всплеска эмоций, такого любовного голода. В жизни были другие женщины, но ни одной сколько-нибудь похожей на Джулию, ни одна из них не проникала в его сердце. Наверное, где-то в глубине души он ждал именно ее. Он просто боялся признаться себе в этом, боялся, что никогда получит второго шанса любить ее.

— Я заявляю на тебя права.

— Я твоя, — отозвалась она и сжала руки на его плечах.

— Я больше никогда тебя не потеряю. Мне следовало овладеть тобой много лет назад.

Она устремилась ему навстречу.

— Не думай, что я не грезил об этом.

Он издал горловой стон, ощущая, как трепещет ее тело на грани наслаждения. Ему безумно нравилось, когда она теряет контроль над собой. В голове клубился темный туман желания, а сердце бешено колотилось в какой-то первобытной свирепой ярости.

Как она была прекрасна в своем возбуждении, в своей уязвимости, в своей доверии к нему. Он задержался на миг, чтобы насладиться зрелищем ее восторга.

Сердце постепенно замедляло бешеный бег, но кровь, пульсирующая в теле, еще гремела отчаянным стуком в висках. Хит крепко держал Джулию в объятиях. Это была его женщина. Он вдыхал ее запах, впивал ее тепло.

— Я люблю тебя, Хит Боскасл, — прошептала она.

У него перехватило горло. Он долго ждал ее. За нее он будет бороться и, если понадобится, отдаст жизнь и честь. Время, проведенное вместе, было драгоценным, но и незаконным... Рассел будет безумцем, если отдаст ее без борьбы.

— Негодник, — промолвила она и тряхнула его за плечо. — Я только что сказала тебе, что люблю, а ты в ответ промолчал?

Он откликнулся тихим дьявольским смешком.

— Запомни, что ты это сказала, Джулия, на этот раз я не юноша, от которого ты можешь сбежать. Я ни за что не сдамся. Я люблю тебя всем своим существом, даже если придется поступиться всем другим, даже если я опозорю нас обоих.

— Меньшего от Боскасла я и не ждала, — нежно проговорила она.

На следующее утро Эмма Боскасл, вдовствующая виконтесса Лайонс, давала уроки этикета в гостиной лондонского особняка младшего брата Девона. Ее чувствительная натура была оскорблена необходимостью давать подобные советы в жилище известного повесы. Если б ей только удалось убедить его и Дрейка утихомириться, осесть и вести себя благоразумно! Слава Всевышнему, Грейсон и Хлоя вступили в брак, а Хит свои сердечные дела не афишировал. Эмма всегда благодарила небеса за то, что могла положиться на Хита и его здравый смысл.

Хлопнув в ладоши, она призвала своих беспокойных учениц к порядку. За всю жизнь ей еще не попадалась такая буйная группа... если, конечно, не считать членов собственной семьи. По правде говоря, самыми непослушными были двое двоюродных Боскаслов, и это родство объясняло их неумную энергию.

— Хватит разговоров, девушки. И хихиканья. Мы не стая гогочущих гусынь. — Эмма встала на цыпочки, чтобы увидеть, что вызвало такое бурное шушуканье в аудитории, ведь еще минуту назад все ее ученицы были готовы заснуть. — Что это вы разглядываете с таким интересом?

— Картинку, леди Лайонс.

— Изображение греческого бога.

— Ах, — вздохнула Эмма. — Надеюсь, это означает, что вы цените искусство древних.

— По-моему, он вовсе не выглядит древним, — пробормотала одна из девиц.

— Господи, вы только посмотрите на эти внушительные размеры!

Шарлотта Боскасл хихикнула.

Озорной блеск ее глаз заставил Эмму встревожиться. Она решительно вышла на середину класса.

— Ну-ка передайте мне это сию минуту.

Шарлотта подняла на нее невинный взгляд.

— Но ведь это просто нарисованный Аполлон.

Эмма потрясенно ахнула.

— Это карикатура! — воскликнула она. — Одна из скандальных картинок, грязящих улицы и гостиные нашей страны. О Боже, это же голый мужчина!

— Это не просто мужчина, леди Лайонс, — робко уточнила девочка в очках. — Это ваш брат.

— Мой... — Эмма с недоверием впиалась взглядом в карикатуру, дрожавшую в ее руках. — Святые небеса! О небо. Где моя нюхательная соль? Пожалуйста, подайте... Дайте мне стул... где диван?.. Это Хит!

Шарлотта подставила стул.

— Садитесь. Дышите глубже.

Листок с карикатурой упал на пол. Девочка в очках бросилась его поднимать.

— Меня давно интересовало, как же он выглядит. Леди Лайонс, он ведь считается в вашей семье самым уважаемым?..

Шарлотта сокрушенно покачала головой:

— Больше не будет считаться.

Двумя часами позже лорд Девон Боскасл неторопливым шагом направлялся к своему

клубу на Сент-Джеймс-стрит. Он приблизился к кучке молодых людей, собравшихся перед знаменитым эркерным окном. Царивший в воздухе дух озорного возбуждения привлек Девона как магнитом.

— Какая фривольность привлекла ставки сегодня? — скучающим тоном осведомился он.

— Вы уже видели это? — изумленно спросил его один из приятелей, откидываясь на спинку стула.

— Что именно я должен был видеть?

— Pamфлет, который ходит по Лондону, — ответил кто-то из кучки.

Девон постарался подавить легкую тревогу. В их семье была поговорка: там, где дым, ищи рядом Боскасла. А там, где были дым и скандал, наверняка в самой гуще можно было обнаружить кого-то из членов их семейства.

— Еще слишком мало времени прошло после полудня, чтобы приняться за серьезное чтение.

— Это связано с вашим братом Хитом, — злорадно пояснил кто-то из приятелей.

Девон сначала подумал, что речь идет о Дрейке. Грейсон, маркиз, благополучно женился и практически выпал из череды скандалов. Младший брат, Брэндон, погиб. Сам Девон давно в неприятности не попадал... ну по крайней мере уже целых три недели. А Хит, этот хитроумный дьявол, играл в свои игры слишком скрытно, чтобы попасть на язык сплетникам.

— Что он натворил? — поинтересовался Девон, подходя к полукругу поближе.

— Точнее, что сотворили с ним. Это ведь Хит?

Кто-то подсунул памфлет ему под нос, и глаза Девона потрясенно расширились. Да, это, безусловно, был Хит, каким его вряд ли видели многие. Он стоял в полный разворот перед пылающей колесницей во всей своей натуральной красе, то есть в чем мать родила, с необычайно огромным...

— Это что, такая стрела? — громко спросил Девон, еле сдерживая смех. — Кто же, черт побери, изобразил такое?

— Озорная леди Уитби. Смотрите, она даже подписала рисунок. Явно вообразить не могла, что его кто-то увидит. Как низко пали великие. Да еще женским старанием. Наверное, Рассела хватит апоплексический удар, когда он увидит Хита в таком виде.

Девон с усмешкой взгляделся в карикатуру.

— Полагаю, что и сам Хит впадет от этого в истерику.

* * *

На следующий день «Утренняя хроника» сообщила, что Хит Боскасл сбежал в Гретна-Грин с леди Уитби, печально знаменитой вдовушкой, пристрелившей в Индии британского солдата. Правда, никаких упоминаний, что она в свое время стреляла и в Хита, не было, но статейка намекала, что Джулия уже носит его младенца.

Другая заметка в «Таймс» утверждала, что скандальная парочка скрылась во Франции. Корреспондент сообщал также, что самые популярные лондонские портретисты завалены неожиданными заказами изобразить клиентов в виде греческих богов.

Сэр Рассел Олторн прочел обе заметки с каменным лицом в спальне своей любовницы.

Он всего час назад вернулся в Лондон. Едва к нему вернулся дар речи, как его любовница, действительно носившая его ребенка, предъявила ему и карикатуру на Хита.

Рассел сорвался с постели, буквально задыхаясь от ярости. Он был утомлен бестолковой и неудачной миссией во Франции и возмущен тем, что ждало его по возвращении.

— Как они могли! — завопил он, потрясая памфлетом. — Мой благородный друг. Друг, которому я принес в жертву глаз! Женщина, которую я спас от скандала и позора...

— Означает ли это, что ты не получишь ее состояния? — спросила любовница, опуская тарелку с кексами.

— Откуда мне знать, что это означает? — взревел он. — Прежде всего это значит, что меня выставили дураком.

Она стряхнула крошки.

— Вообще-то это очень хорошее его изображение.

— Но он же голый!

— Да. Я это заметила. — Она снова взгляделась в карикатуру. — Трудно, знаешь ли, не заметить...

— Не вызывайте скандала, просил я. А они? Что сделали они?!

Она заколебалась.

— Вызвали скандал?

— Ты такая умница, дорогуша... Не перестаешь меня удивлять, — иронически заметил он.

Она ухмыльнулась:

— Наверное, сейчас не лучший момент, чтобы сообщить тебе, что Джулию видели у дома Одри Уотсон.

— Одри Уотсон? — слабым голосом переспросил он. — Зачем она туда ходила?

— Понятия не имею. Я несколько раз сама думала поработать на Одри.

— Джулия посещала куртизанку?.. Она наклонилась вперед:

— Боскаслы имеют свойство пробуждать в женщинах... озорство. Так по крайней мере мне говорили.

— Считается, что Хит Боскасл — джентльмен.

— Распутство у них в роду, — нахмурилась она, глядя, как бесится Рассел.

Он рывком натянул панталоны и рубашку, переступил через ее ноги, судорожно отыскивая сапоги.

— Я не думала, что ты так к ней привязан.

Он ничего не ответил.

Спустив на пол ноги, она незаметно оттолкнула под стул один из его гессенских сапог.

— Почему Джулия так со мной поступила? — бормотал он. — Она что, совершенно не думает о мнении света?

Любовница поставила тарелку со сладостями и сверкнула взглядом недовольной кошки.

— Ты ведь не поедешь сейчас к ней? В первый день возвращения?

Рассел накинул на плечи синий военный мундир и заправил в брюки рубашку.

— Я обручен с этой чертовой бабой. Ты думаешь, я собираюсь быть посмешищем из-за ее скандального поведения?

— Но ты не можешь бросаться к ней... полуодетым, — попеняла она.

— Почему бы нет? Я только что вернулся после тщетной погони через всю Францию. Наемный убийца разгуливает на воле. Моя нареченная опубликовала рисунок,

изображающий моего друга в голом виде... за своей подписью. Ты воображаешь, что я стану это терпеть? Ты думаешь, я могу?

Она подняла затерявшийся сапог и поспешила за Расселом в прихожую.

— Хит Боскасл убьет тебя, если ты предъявишь ему претензии.

Рассел обернулся к ней с яростью безумца. Зажав памфлет в зубах, он натянул сапог.

— Только если я не убью его первым.

* * *

— Все идеально, — в тот же день говорила Джулия, стоя в кольце сильных рук Хита.

Голова ее лежала у него на плече. С юности не чувствовала она себя такой любимой и лелеемой. Только отец так ее защищал. Как она жалела, что не может поделиться с ним своим нынешним счастьем.

Они с Хитом побродили по лесу, пока не пошел дождь. Хит закутал ее в свой черный шерстяной плащ, и они целовались в мокром уюте дубравы. В темно-лиловом небе сверкнула молния. Лондон казался частью другой жизни, его сплетни и мелкие интриги — далекими и неважными.

Хит прошелся дорожкой жарких поцелуев по шее, сквозь платье... до груди. Джулия закрыла глаза, зажата между грубой корой высокого дуба и его твердым, горячим телом.

— Все будет идеально, — бормотал он, медленно глядя ее спину, — когда я доставлю тебя в дом.

— Ты расстегиваешь плащ или платье? — смеясь, прошептала она.

— Ты против? — спросил он.

Она едва сдержала дрожь, пробившую ее от внезапного влажного холода, обжегшего обнаженную грудь и сменившегося тут же блаженным теплом его рта. Плащ соскользнул с ее плеч. Пламя пожирало ее с головы до ног. Почему ей было так легко с ним? С ним всегда было так. Хотя... что может быть естественнее и прекраснее, чем сочетание любви и страсти? Пожалуй, лишь появление ребенка.

— Ты очень и очень открытая и бесшабашная, — прошептал он. — Я не хочу, чтобы кто-то, кроме меня, видел тебя такой.

Она ухватила его за пояс брюк, ее пальцы быстро заработали над застежкой.

— У меня есть идея получше.

Без всякого предупреждения он подхватил ее на руки. Капли дождя сбегали по его угловатому лицу, приглаживали густые, синевато-черные волосы. Джулия, задыхаясь, льнула к его сильному телу.

— Дом в другой стороне, негодник, — еле выговорила она, вдыхая пьянящий мужской запах его кожи.

— Неужто? Подумать только...

— Ты не можешь просто взять и унести женщину в лес, хоть ты и Боскасл.

— Именно поэтому я могу это сделать. У меня это врожденное.

— Куда ты меня несешь?

— Сюда. — Он поставил ее перед завесой из плюща и шиповника, скрывавшего вход в неглубокую пещеру в скале из песчаника.

Отодвинув растительную преграду, он стащил с себя плащ и укрыл им усыпанную

листьями землю. Джулия окинула взглядом таинственную темную внутренность пещерки, а Хит быстро осмотрел ее, стремясь удостовериться, что она действительно пуста. В темной глубине за ним стоял старый сундук с латунными петлями, переполненный сломанными деревянными мечами, потемневшими серебряными кубками, тиарой со стеклянными драгоценными камнями и прочими детскими сокровищами. Из дальнего угла скалился череп.

Хит широким жестом раскинул руки.

— Добро пожаловать в логово Боскаслов, пленница. На колени! Живо!

Она решительно надвинулась на него.

— А если я не захочу?

— Ну, в прежние времена я отрубил бы тебе голову.

Джулия позволила своему серому плащу упасть наземь и прижала лиф платья к груди. Хит, прищурившись, наблюдал за ней. Его глаза хищно поблескивали в полумраке. Она, покачивая бедрами, обошла вокруг него, как гордая языческая королева, захваченная в плен наглым селянином.

— А что теперь? Что ты собираешься делать со мной?

Он вздернул подбородок.

— Думаю, что заставлю тебя умолять.

— Пощадить мою жизнь?

Хит подхватил ее под колени и вместе с ней опустился на землю. Его губы завладели ее ртом, пальцы запутались в ее локонах. Дождь тихо стучал по листьям зеленого завеса, отделяющего их от мира. Хит целовал ее, а потом бережно перекатил навзничь. Там, за плющом, могла греметь буря и сыпать снег, но Джулии было все равно.

— Как я понимаю, ты не в первый раз играешь в эти игры, Боскасл?

Он медленно улыбнулся. Его страстный взгляд из-под тяжелых полуопущенных век путешествовал по ее телу, посылая ей вызов, который она не могла пропустить.

— Только не взрослым.

— Как мне получить свободу? — тихо произнесла она.

— Никак.

Казалось, что они одни на всем свете. Джулия видела сквозь щели в листве проблески молний снаружи... слышала отдаленные раскаты грома и тихий шелест дождя на листьях. Но все заглушали обещания, страстные и чувственные, которые шептал ей на ушко Хит.

Если бы он никогда не выказывал ей свою нежность, свою уязвимость, она, возможно, могла бы устоять. Она смогла бы побороть свои чувства и следовать выбранному ранее пути. Она не стала бы вновь рисковать, не стала бы повторять мучительные прошлые ошибки.

Многие годы она возводила мысленные барьеры против него. Считая, что он ничего к ней не чувствовал, Джулия злилась и досадовала. Более того, она отвергала и подавляла собственную порывистую натуру, которая, несмотря ни на что, продолжала его желать.

Истинный Хит Боскасл при всей своей загадочной скрытности был гораздо опаснее для ее сердца, чем фальшивый образ беспутного повесы. Тщательно скрываемая нежность души была его тайной силой, а безошибочная проницательность — оружием, против которого у Джулии не было защиты.

Он был настоящим волком, верным и страстным. Нет, он не бросил ее тогда, много лет назад, как она ошибочно считала. Он и не женился ни на ком.

Почему? Джулии хотелось верить, что он ждал ее.

Она подняла на него глаза и тихо ахнула, прочтя в его взгляде обещание греховных наслаждений. Джулия содрогнулась, наслаждаясь его прикосновением, так поглощенная этим, что не сразу, лишь после нескольких блаженных мгновений осознав, что ее платье бесстыдно задралось до талии. Она ощутила, как царапают ее грудь пуговицы его жилета, но тут же забыла о них.

Он пробежался мелкими поцелуями по ее виску, вниз по скуле, по плечу, каждым выпадом проникая все глубже, пока она не вскрикнула нежно, с трудом пытаясь дышать, упиваясь грешным восторгом.

— Не мольбу ли о пощаде я слышу, Джулия?

Она погладила быстрым движением пальцев мышцы его спины. Как любила она каждый дюйм этого мужчины, его страсть, его чуткость.

— Ты непристойен.

— Мне это не раз говорили.

Она задрожала, но его рот поймал и заглушил ее инстинктивный вскрик. Хит застонал горловым низким стоном, и его открытая, неудержимая чувственность совершенно обезоружила Джулию. Если вспомнить их прошлое, то, пожалуй, в этом буйстве в пещере не было ничего необычного или шокирующего. Джулия наслаждалась его мощным жестким телом, трепетом мускулов и жил, откликающихся на каждый его выпад.

— Скольких женщин ты сюда приводил? — требовательно спросила она.

— Не знаю.

Она сурово сощурила глаза.

— Ни одной, — уточнил он, развлекаясь ее ревностью. — Ты первая моя пленница.

Его рот снова приник к ее губам. Она давно утратила всякий контроль над собой и лишь закрыла глаза, потому что все ее мышцы словно расплавились в сладкий сироп. В глубине ее тела нарастала блаженная дрожь, и она отдавалась ей, взмывая куда-то ввысь, покорная головокружительному экстазу.

— Только тебя, — повторил он.

Хит сжал зубы и рванулся вперед. Она сомкнула руки у него на спине и успела промолвить:

— Лишь бы я была последней...

А потом буря настигла ее, и не осталось ни слов, ни мыслей.

Джулия не обратила внимания на пистолет Хита, пока тот не вернул его за пояс. У нее побежали мурашки по спине: когда они занимались любовью, заряженный пистолет лежал рядом на земле. Какие бы чувства они ни переживали, но в любую минуту Хиту могло понадобиться противостоять человеку, который наслаждался, убивая и причиняя боль. Она с тревогой наблюдала, как Хит спрятал пистолет, и так же тревожно встретила его взгляд.

— Я рада, что не увидела его раньше.

— Я тоже. — Он помог ей застегнуть крючки на бледно-зеленом шерстяном платье и с улыбкой добавил: — Мне не хотелось, чтобы он тебя отвлек. Однако пока Оклер не найден, неплохо бы и тебе носить пистолет. Для защиты.

Она выбралась за ним наружу, на дождь, и заколола волосы в тяжелый узел на затылке. Его спокойное принятие опасности встряхнуло Джулию.

А может быть, постоянное ношение пистолета было обычной частью его прошлого, чертой его профессии. Она вспомнила жуткие шрамы у него на груди. Его безжалостно пытали, но он выжил... и ничего не забыл. Он больше не будет беспечным.

А человек, который его пытал, сейчас находится в Англии. Но почему? Почему он заманил Рассела во Францию? Почему охотится за офицером, сбежавшим от него? Знает ли Хит истинную причину этого? Знает ли Рассел? Или же Арман Оклер просто сумасшедший одержимый манией убийства? Есть ли какая-либо разумная причина его действий?

Она натянула на голову капюшон плаща.

— Может быть, нам стоит переждать грозу в пещере?

— Нет. Я хочу, чтобы ты поскорее оказалась дома, в безопасности. — Он с грустью оглянулся на пещеру, вновь скрытую пологом зелени. — Это ведь всего лишь одно из наших любимых детских убежищ.

— Кажется, репутация вашей семьи заслуженна.

Он схватил ее за руку, в глазах плясали дьявольские искорки.

— Что-то для пленницы ты слишком дерзка. Побежали?

Она кивнула. Как она любила, когда он делился с ней частицами своей жизни. Ее интересовало положение, которое он занимал в семье, уважение, с которым братья к нему относились... Он был не похож на других. И она с каждым днем ценила его все больше.

Когда спустя полчаса они добежали до вычурных кованых ворот поместья и ворвались в дом, на них не было сухой нитки. Гермия встретила их в вестибюле у входа, бледная, с расстроенным лицом. За ней толпилась небольшая кучка слуг, одетых в плащи и громоздкие сапоги.

— Вот и вы! — воскликнула она, ломая руки. — Я уже готова была отправить на поиски Хэмма и слуг.

Джулия почувствовала, что ее щеки заливают виноватый румянец. Она отбросила капюшон, не осмеливаясь взглянуть на Хита, чтобы не выдать себя. Бывая с ним, она теряла всякое представление о времени.

— Мы просто гуляли.

Гермия многозначительно посмотрела на латунные пуговицы сюртука Хита. Они были, очевидно, застегнуты не в свои петли, и винить в этом Джулия могла только себя: это она их застегивала.

— Джулия, вас не было почти три часа, — с упреком произнесла тетушка.

— Ну-у, — протянула Джулия, незаметно показывая Хиту, чтобы тот поправил пуговицы. — Мы пережидали ливень.

— В пещере, — добавил Хит. — В нашей пещере Аладдина.

— Она похожа на пещеру сокровищ, — кивком подтвердила Джулия.

Гермия смерила их холодным взглядом.

— Я полагаю, что оба вы проказливые и бессердечные. И вообще подозреваю, что вы ошибаетесь.

Хит обернулся к ней со скептическим, но сдержанным выражением лица. Каким-то ловким движением руки он ухитрился привести свои пуговицы в порядок.

— Ошибаемся? — недоуменно переспросил он.

— Да, ошибаетесь, — произнесла Гермия раздраженно. — Буря только начинается. Я предсказываю — худшее еще впереди.

В начале вечера дождь перестал. Джулия, Хит и Гермия с удовольствием поужинали холодным цыпленком, сыром и яблочными тарталетками, а затем удалились в маленькую гостиную. Гермия извинилась и пошла переодеваться ко сну. Она держалась вежливо, но с оскорбленным видом.

Хит и Джулия уселись перед огнем, являя собой картину тихого семейного счастья. Он сидел к ней в профиль, откинувшись на спинку стула, с подаренной ею книжкой на коленях.

— Знаешь, она немножко сердится на нас, — пробормотала Джулия, когда шаги Гермии стихли в коридоре.

— Думаю, мы сегодня ее перепугали, — кивнул Хит.

— Не могла же я объяснять ей, чем мы занимались, — вздохнула Джулия.

Белоснежные зубы Хита блеснули в проказливой усмешке.

— Но ее тревоги не беспочвенны. Я был беспечен.

— Беспечен? — скорчила, гримаску Джулия. — Ты взял меня в плен. В пещеру.

— Ну-у, у меня все-таки есть некоторый долг перед семейной традицией. Тебе повезло, что осталась невредимой. Не лишилась головы.

— Я лишилась сердца. Ты пленил его.

Хит медленно повернулся на стуле.

— Правда?

— Как ты можешь в этом сомневаться? — нахмурилась она, вглядываясь в его лицо.

— Никаких чувств к Расселу не осталось?

— Думаю, я никогда не питала к нему ничего большего, чем благодарность и дружбу. Возможно, я просто боялась одиночества. — Она повернулась к огню. — Кстати, как давно ты знал о нем?

— Знал — что? — осторожно уточнил он.

— Что он мне изменяет?

Хит наклонился вперед.

— А как давно ты знаешь об этом?

— Очевидно, не так давно, как ты. — Она воспротивилась, когда Хит постарался повернуть ее лицо к себе.

Зная Хита, она решила, что он, должно быть, долго боролся с совестью, не желая ранить ее. Он никогда не причинит боли намеренно. Возможно, сохраняя секреты Рассела, Хит надеялся защитить ее от боли. Но все сложилось бы гораздо хуже, если бы она оставалась в

неведении.

— Почему ты мне не рассказал? Как ты мог позволить мне быть такой дурой?

— Ты никогда не была дурой, Джулия, — поторопился сказать он. — Это он дурак, что обманывал тебя.

— Но ты же знал!

— Я не хотел, чтобы меня выбрали за неимением лучшего.

Так вот в чем было дело. Гордый и благородный защитник хотел получить ее на своих условиях... по заслугам.

— А ты вообще собирался рассказать мне об этом?

— Только при величайшей необходимости. Я не хотел разыгрывать эту карту. В одном я уверен точно — я не позволил бы тебе снова уйти от меня. Рассел спас мне жизнь. И я вечно буду перед ним в долгу за это. — Он покачал головой, удерживая глазами ее взгляд. — Но я не потерпел бы, чтобы он забрал тебя у меня. По правде говоря, я ждал, когда смогу сказать ему, что ты моя.

— А я этого боюсь... не думаю, что он хорошо отнесется к этому. — Она насупилась. — У него будет ребенок от другой женщины. Полагаю, об этом ты тоже знаешь.

— Ты сама, возможно, уже носишь моего ребенка, — сказал он с улыбкой, как бы в ответ на ее нахмуренные брови.

Одна мысль об этой возможности пронзила ее томительной надеждой. Его ребенок. Как ей хотелось, чтобы это было правдой. Разве не думала она ранее, что дитя было бы идеальным выражением их любви? Пусть Рассел получает все возможные награды и любовниц, каких только пожелает. Она мечтает лишь о тихой жизни с Хитом. Ну пожалуй, не слишком тихой. Этот ее пропавший рисунок...

— Мне не избежать скандала, — промолвила она с легким смешком.

— Конечно, вступая в наше семейство, скандала не избежишь. У нас к этому особый талант.

— А я не слишком его смягчила, — удрученно вздохнула Джулия.

Дверь отворилась, и Гермия, бросив на них ледяной взгляд, вернулась на диван. В руке она крепко сжимала пачку писем. Хит и Джулия поспешно отодвинулись друг от друга, словно дети, застигнутые за очередной шалостью.

— Продолжайте, — промолвила Гермия после многозначительной паузы. — Господи сохрани, чтобы я вставала между вами.

Джулия одарила ее любящей улыбкой.

— Тетя Гермия, вы все еще сердитесь на нас из-за опоздания?

Гермия вздохнула, выражение ее лица смягчилось.

— Я почти пришла в себя, но я действительно поверила... И... никогда не думала, что скажу такое, но, видя вас вместе... я вдруг поняла, что скучаю по Одему.

— Скучаете по Одему? — хором воскликнули Джулия и Хит.

— Но только чуть-чуть, — поторопилась уточнить Гермия. — Он так и не вернул мне моих писем, и до тех пор, пока не отдаст, я его не прощу.

— Но вы ведь собираетесь его простить? — полубопытался Хит.

— Возможно. Я еще не решила. — Гермия отвела глаза в сторону, явно расстроенная этим признанием. — Перестаньте на меня глазеть. Оба! Особенно вы, Боскасл. Эти ваши синие глаза обладают ужасным свойством выводить женщину из себя.

— И это святая правда, — вполголоса заметила Джулия.

— Так что продолжайте читать свою книжку, — добавила Гермия. — А ты, Джулия, оторвись от этого повесы и разгадай мне эти письма. Мои глаза уже не те и не могут их расшифровать.

Джулия послушно поднялась и прошептала Хиту:

— Будь хоть раз хорошим мальчиком и делай, что тебе говорят.

Он ухмыльнулся и опустил взгляд в книгу, но сосредоточиться на чтении не мог. Эти краденые моменты удовольствия не могут долго продолжаться. Он не успокоится по-настоящему, пока они не встретятся с Расселом лицом к лицу. Хит надеялся, что они придут к согласию и вместе продолжат поиски Оклера, а личные проблемы решат к взаимному удовлетворению. Даже если Рассел не захочет их простить, по крайней мере Хит сможет с чистой совестью смотреть в будущее.

В будущее с Джулией в окружении семьи... до конца жизни.

Его взгляд задержался на ее профиле. Она склонилась над письмами Гермии, темно-рыжий локон упал ей на грудь. Роскошная!.. Только так мог он описать женщину, в которую превратилась Джулия. Великолепная! Сложная и пленительная. Идеальная подруга, которая будет стоять рядом до конца жизни. Страстная. Он жаждал вновь обладать ею, тут же и сию минуту... собственное нетерпение рассмешило Хита.

С первой минуты их встречи он чувствовал себя с ней... уютно... легко. Почему-то он знал, что если захочет открыть кому-нибудь душу, поделиться сокровенными мыслями, то этим кем-то будет Джулия. Она его поймет.

Она подняла на него глаза с улыбкой лукавой и соблазнительной. От этой улыбки у Хита кровь закипела в жилах.

Он надеялся, что после того, как разделается с Расселом, она будет улыбаться так же. Было предчувствие, что противостояние с бывшим другом будет малоприятным и окончится плохо. А женитьба Хита и Джулии неизбежно вызовет кучу сплетен. Впрочем, Джулия это предсказывала. Забавно, что он всегда считал себя выше этого, а теперь оказался в самой гуще скандала. Что ж, Боскаслы переживали и худшее.

В каком-то смысле вся эта ситуация подтверждала силу крови Боскаслов. Для человека чести он вел себя непростительно, что лишний раз доказывало: от наследственности не уйдешь. Он был яблоком от старой яблони. Но Джулия обнаружила его слабости. Она вырезала на память кусочек его сердца еще до того, как оно загрубело и ожесточилось на войне. Она внесла в его душу вопросы без ответов. Она стала противовесом мраку в его душе, который он сам не мог преодолеть.

Джулия знала о неверности Рассела. Сам Хит никогда бы не рассказал ей об этом. Он хранил бы этот секрет до могилы, но не причинил ей боли и унижения. С другой стороны, узнав, что ей все известно, он испытал невыразимое облегчение. Повлияло ли это открытие на ее решимость отдать ему сердце?

Не должно было повлиять. Непостижимым образом Рассел вновь свел их. Они теперь были в большом долгу перед ним. Впрочем, Рассел наверняка не увидит сложившуюся ситуацию в таком свете. Он жил, стремясь произвести впечатление на окружающих, был человеком светским, человеком, изо всех сил поддерживающим созданный образ. Он будет негодовать, что кто-то пошел ему наперекор. Он возмутится, потому что считал Джулию принадлежащей ему. Но Хит не собирался отступать.

Он опустил взгляд и, улыбаясь, слушал, как Джулия читает тетушке письма.

Что Джулия говорила, когда они гуляли по лесу?

Он был так поглощен ею, так возбужден физически, что не вслушивался в слова.

Однако теперь он вспоминал. Ее дурманящий аромат, манящую теплоту ее тела.

Пальцы Хита впились в корешок так и не открытой книги.

Джулия посмотрела на него поверх письма и выгнула тонкую темно-рыжую бровь.

Он медленно улыбнулся в ответ, заметив, как она прикусила нижнюю губку. Если бы он мог сохранить этот миг навечно.

Гермия откашлялась. Джулия вернулась к письму. У нее был такой смущенный вид, что Гермия рассмеялась. Видимо, им с Джулией не удалось скрыть свои чувства. Сейчас они и себя не могли обмануть.

Скандалная история их любви потрясет светское общество. А затем Хит передаст бразды своего повесничества братцу Дрейку или Девону. Ему самому для удовлетворения страстей вполне хватит Джулии.

Какой-то шум, приглушенный грохот. Кто-то колотит в ворота, прерывая его блаженные размышления.

Поначалу Джулия не обратила на это внимания. Затем их удивленные взгляды встретились, тревожные... вопрошающие. Она опустила письмо, которое читала вслух.

Хит встал и приблизился к окну. Псы, свора Грейсоновых волкодавов, предостерегающе завыли. Хит увидел, как Хэм и трое слуг поспешили к воротам. Тогда он и сам направился к двери.

— Забери Гермию с собой в башню, — приказал он Джулии тоном спокойным, но твердым.

Гермия встревоженно поднялась на ноги. Ее пальцы вцепились в рукав Джулии.

— Хит, что это?

— Я пошлю к вам Хэмма. Просто из предосторожности. Не волнуйтесь. Гости Грейсона приезжают в любое время.

Он распахнул дверь и широким жестом пригласил их в коридор. Книга, которую Хит так и не открыл, упала на ковер.

— Ничего особенного не происходит, — произнес он. — Возможно, это всего лишь Дрейк или Девон напились и требуют их впустить.

Джулия обняла Гермию за талию.

— Вообще-то позновато для путешествия. Как ты полагаешь?

— Но ведь это не может быть Оклер? Правда? — прошептала Гермия.

Джулия покачала головой:

— Сомневаюсь, что французский шпион будет колотить в ворота, требуя доступа. Но кто бы это ни был, настойчивости ему не занимать.

Хит проводил их взглядом до каменной лестницы. Мышцы его плеч напряглись в тревожном ожидании. Поворачиваясь к выходу из дома, он услышал донесшийся сверху голос Гермии.

— Как ты думаешь, это не может быть Рассел? Возможно, он уже все узнал. Ох, Джулия, я надеюсь, эта парочка не поубивает друг друга из-за тебя.

Неожиданным ночным гостем оказался не шпион и не разъяренный Рассел. Вместо них на пороге стоял раскрасневшийся граф Одем. Его белоснежные локоны были взлохмачены от тягот дороги. Чтобы успокоиться, он уселся в гостиной с бокалом бренди, а Хит, Джулия и Гермия наблюдали за ним с любопытством и облегчением.

— Что все это значит, Одем? — наконец поинтересовалась Гермия недовольным тоном,

явно позабыв, как недавно признавалась в тоске по нему.

Граф тяжело вздохнул. Гермия, напряженно выпрямившись, сидела напротив него на стуле. Хит и Джулия устроились подальше на диване, стремясь сохранять нейтралитет.

— Я, Гермия, приехал сдаваться, — объявил граф, устало откидываясь на спинку стула.

— Сдаваться? — недоуменно нахмурилась Гермия.

Глаза ее тревожно потемнели.

— Да. Ты выиграла.

Гермия помолчала.

— Что именно?

— Свою свободу. Свои старые письма. — Откуда-то из складок своего темно-серого, подбитого мехом плаща он вытащил пакет.

Письма были бережно упакованы в красный бархатный мешочек. Трясущейся рукой Одем протянул этот мирный дар Гермии.

— Вот. Теперь я удалюсь. Не тревожься о моем ночном путешествии. Если я испущу дух, мой кучер всегда сможет похоронить меня в придорожной канаве. Раз я потерял тебя, мне больше незачем жить.

Брови Гермии взлетели вверх.

— Прекрати нести эту чушь, ты, несчастный глупец!

Хит громко кашлянул.

— Полагаю, что удалиться следует нам с Джулией.

Гермия, не говоря ни слова, вертела красный мешочек в руках.

Одем послал Хиту благодарный взгляд — от старого повесы молодому представителю того же клана. В его темно-карих глазах плясали многозначительные лукавые искорки.

Джулия начала смеяться сразу, как только Хит подхватил ее с дивана и потащил из комнаты.

— Куда, осмелюсь спросить, мы направляемся?

— Увидишь.

Его сильная ладонь сжала ее пальцы. Джулия почувствовала, что сердце ее бешено забилось. Хит спешил по увешанному портретами коридору, в котором Джулия еще не бывала. В этом огромном доме комнат было бесчисленное количество.

— Еще одно тайное убежище Боскаслов? — шутливо поинтересовалась она.

— Умница. И как только ты догадалась?

Он затащил ее в темную пыльную комнату. Лунный свет играл бликами на лезвиях мечей и древнем оружии, размешенном на дубовой стене. Джулия вскрикнула и ухватилась за Хита, наткнувшись на рыцарские доспехи со шлемом и вычурными металлическими рукавицами.

— Это оружейная?

Он запер двери и сверкающим взглядом посмотрел на нее.

— Еще одна отличная догадка. В детстве нам запрещалось здесь играть.

— Зачем нам нужно было покидать Гермию и Одема? Беседа только-только стала интересной.

— Я думаю, что они заслужили право остаться вдвоем. Как и мы.

Она повернулась, чтобы лучше рассмотреть моргенштерн — огромный металлический шар, усаженный шипами. Жуткое средневековое оружие.

— Любопытная у вас тут коллекция. Собираешься вызвать меня на дуэль?

— Я не посмею, — усмехнулся он. — Ты ведь можешь победить.

Она еще раз взглянула на собрание луков и секир над массивным каменным очагом. Хит расстегнул сюртук и стоял, опершись на дверь. Не сводя с нее глаз.

— Почему-то я в этом сомневаюсь.

— Я никогда не стану недооценивать тебя, Джулия.

Она окинула его надменным взглядом.

— В этой игре ты сильнее меня.

Он оттолкнулся от двери. Худощавый красавец с узкими бедрами и широкими плечами, он был воплощенным соблазном с его уверенной ленивой походкой кавалерийского офицера.

— Так сколько пленниц ты приводил сюда? — требовательно спросила она, стараясь сохранить самообладание.

Что ей так и не удалось.

— По правде говоря, ни одной.

Она вздрогнула и покрылась мурашками, когда его твердые губы нашли чувствительное местечко между шеей и плечом. Он нежно прикусил ей кожу, и ее дыхание сбилось... зачастило. Не было ни одного дюйма на ее теле, который мог бы устоять перед его обольщением.

— Видишь ли, — негромко продолжал он, медленно ведя руку к ее пышной груди, — мне никогда не нужно было подчинять женщину, перед тем как ее соблазнить.

— В этом я не сомневаюсь.

— Но если хочешь, мы можем опробовать эти цепи.

— На тебе или на мне? — прошептала она внезапно пересохшим ртом.

— Дамы вперед.

Он продвинул вторую руку ей под юбку. Джулия почувствовала, что колени ее подгибаются. Тайные точки ее тела ожили и возбудились в сладком предвкушении.

Она ахнула и повернула голову, чтобы посмотреть вниз.

— Ты дьявол. Ты опять расстегнул на мне платье.

Он потянул ее вниз, на ковер.

— Если мы собираемся драться на дуэли, то, пожалуй, можем это делать голыми.

Она посмотрела на коллекцию палиц и мечей у нее над головой.

— Только не говори мне, что привел меня сюда, чтобы показать любимую кавалерийскую саблю.

— Моя сабля пока не висит на стене. — Нет?

— Но если хочешь ее осмотреть, не сомневайся, это можно устроить.

Джулия посмотрела ему в глаза. В ямке между ключицами забились жилки. Хит погладил ее кончиком указательного пальца.

— А это не опасно? — прошептала она. — Я слышала, что сабля — самый действенный клинок.

— Совершенно верно. Если ею правильно работать, она может причинить серьезный вред.

Джулия вздохнула. Теплая волна поднялась от колен к низу живота.

— А как ты используешь свою саблю? — мягко осведомилась она.

— В основном для выпадов.

— Для... выпадов?

— Да. — Он придвинулся к ней и прильнул ртом, к ее губам. — Видишь ли, мой клинок изогнут.

— И в этом есть какое-то преимущество?

— Это позволяет фехтовальщику глубже пронзить тело противника.

— Потрясающе.

— Вас интересует оружие, леди Уитби? — спросил он, скользя губами по ее шейке... по ее груди...

Она почувствовала, что вот-вот упадет в обморок, прямо на него, на его крепкое мощное тело. Жар этого мужского тела буквально плавил ее. Она сливалась с ним в единое целое. Она была создана, чтобы принадлежать Хиту.

— Недавно во мне пробудилась настоящая страсть к нему, — прошептала она.

— Это обнадеживает, — пробормотал он. — Быть может, мне следует продемонстрировать вам мое умение.

— Прямо здесь?..

— Разумеется. — Свободной правой рукой он сорвал с себя сюртук. — В конце концов, это ведь оружейная комната.

Хит понимал, что им не стоит задерживаться здесь надолго, а то их снова станут искать. Но распростертая под ним Джулия была такой неотразимо чуткой, такой прелестно соблазнительной... Как он мог устоять, когда при одном ее прикосновении его чувства бурлили... хотя она не старалась их возбудить.

— Тебе не нужно никакого оружия, чтобы меня победить, — тихо произнес он. — Я абсолютно безоружен, бессилен перед тобой.

Джулия удрученно вздохнула.

— Нам лучше встать и привести себя в порядок. Если кто-нибудь увидит нас такими, я умру от стыда.

— Тебе придется встать первой.

Она осторожно поднялась и натянула рукава платья. Хит протянул руку и смахнул паутину с ее рыжих локонов. Когда он уже застегивал сюртук, с усыпанной дроблеными ракушками подъездной аллеи донесся грохот колес экипажа.

— О Боже, — огорченно промолвила Джулия. — Должно быть, Одема и моя тетя снова поругались. Он уезжает, а я так надеялась, что они помиряются.

— Это не экипаж Одема, — сказал Хит, поворачиваясь к двери. — Похоже, что это прибыли Грейсон и Джейн. Готовься к великому представлению.

С приходом маркиза Седжкрофта тихое сельское поместье переменилось. Вдоль подъездной аллеи выстроилась цепочка экипажей, по ступенькам засновали слуги, помогавшие выгрузиться беременной маркизе и огромной массе сундуков, привезенных из Лондона. Жизненная энергия Седжкрофта заряжала воздух, словно звездная пыль, просыпавшаяся с небес.

Принадлежащие семейству собаки радостно повизгивали. Множество фонарей освещали окружавшие дом подстриженные лужайки. Джулия появилась из оружейной как раз вовремя, чтобы приветствовать хозяев с вполне респектабельным видом. Не то чтобы Седжкрофт с его прошлыми подвигами известного обольстителя был хоть на минуту этим обманут. Он знал, как выглядит женщина, которая только что отдавалась любви.

Хит задержался в оружейной подольше, чтобы Джулия могла улизнуть оттуда незаметно. С одной стороны, приезд Грейсона принес ему разочарование. Старший брат был сильной личностью, доминировавшей всегда и везде. С другой стороны, Хит понимал, что теперь Джулия будет под надежной охраной. Грейсон мог быть шумным, общительным и шутливым дьяволом, но глупцом — никогда. А еще он был опытным и наблюдательным бойцом.

Хит смотрел из окна на всю церемонию встречи хозяина дома, вереницу слуг, приветствовавших его с радостью и заботой. Грейсон любил устраивать из этого целый спектакль. Он гораздо лучше, чем братья, соответствовал своему положению в обществе. Глава рода Боскаслов. Остепенившийся проказник.

Хит предпочитал оставаться с краю и с тихим блеском играть роль второго плана. Теперь уединиться в этом доме будет почти невозможно. Однако было некое хитроумное преимущество в том, что Джулия поселена в башне. Просто ему придется навещать ее тайно, а тайна всегда придавала остроту ощущениям.

Смирившись, он покачал головой и отвернулся от окна. Если ему понадобится все бросить и отправиться на охоту за Оклером, кто лучше Грейсона сможет защитить Джулию? Ее будут охранять, развлекать, а жизнерадостная невестка Джейн возьмет Джулию под свое дружеское крылышко. Уже шагнув к двери, Хит бросил последний взгляд на великолепную коллекцию мечей на стене. Римский гладиус. Испанская рапира. Палаш шотландских горцев с сетчатой гардой у рукояти.

Мальчиком он обожал эту комнату. Восхищался воителями, блестяще владевшими этим великолепным оружием.

Он представлял себе, как вырастет и станет драться на дуэлях... но война навсегда отбила у него охоту к пролитию крови. Неужели у него и его преследователя Оклера были одинаковые юношеские мечты?

Внезапно, словно расшифровка кода, в мозгу его стали складываться в логическую картину все обрывки известных ему сведений. Он и ранее рассматривал возможность того, что барон Brentford был как-то связан с Оклером. Впрочем, Brentford, по всей видимости, был просто глупым, но ни в чем не виновным человеком.

Хит протянул руку к рукоятке французской кавалерийской сабли на стене и провел пальцем по холодному клинку.

Почему ему не пришло голову другое: Brentford был не подозревающей ничего дурного

пешкой в игре Оклера? Меланхоличный молодой человек мог не догадываться, что его использовали для мести.

Однако совершенно невольно тогда, в театре, Brentford в разговоре с Хитом дал один намек. В ушах у Хита звучал грустный и нелепо трагичный голос барона.

«Думаю, что утром на уроке фехтования попрошу своего наставника нанести мне удар прямо в сердце».

И в парке Brentford упомянул некоего человека, на которого он хотел произвести впечатление своей ездой на фаэтоне.

Его наставник.

Оклер был членом элитного французского корпуса кавалергардов, дуэлянтом, обожавшим провоцировать дуэли, наживавшимся на смерти противников.

Как давно он прятался в Лондоне под маской учителя фехтования? Где находился он сейчас?

Хит, не сводя глаз с сабли, опустил руку.

Оклер не служил в фехтовальной студии Анджело. Он давал частные уроки богатым молодым аристократам, болтливым и глуповатым, так что мог легко проследить за передвижениями и действиями Хита и Рассела.

Его нужно было найти и ликвидировать до того, как он сделает очередной ход.

Вопрос был в том, насколько безопасно оставить Джулию и отправиться на это дело.

В голове у Хита гудело столько вопросов, что он не смог заснуть всю ночь. И надо признаться, решение этих жизненно важных задач от него ускользало.

Он не мог понять, что движет Оклером. Почему тот не хочет спокойно оставаться в Париже? Он что, перессорился с тамошними властями? Да, Хиту удалось от него сбежать, что, по всей вероятности, выставило Оклера в невыгодном свете. Его начальники могли счесть его неумелым и беспечным. Но если бы каждый солдат отправлялся после войны в погоню за своим противником, мир никогда бы не наступил. Согласно сведениям военного министерства и информации Хартуэлла, Оклера вовсе не понизили в должности после Саагуна. В ранних донесениях Хит прочел, что перед выходом в отставку Оклер даже вырос в фаворе у Наполеона. Впервые Хиту захотелось встретиться с Расселом и все обсудить. Они смогли бы вместе поломать головы над тем, как поймать Оклера.

— Хит, это ты прячешься в коридоре?

Грациозная фигурка его невестки Джейн возникла в поле зрения. Положив руку на перила, она стояла у подножия лестницы в дорожном плаще, подбитом рысьим мехом.

Хит улыбнулся ей:

— Как поживает наша ожидающая прибавления маркиза?

— Ношу какого-то дьяволенка. — Она с тревогой всматривалась в освещенное факелом лицо деверя. — Господи, судя по выражению твоего лица, ты уже слышал новость.

Улыбка исчезла с его лица.

— Какую новость?

Джейн положила руку на его плечо.

— Урожденному Боскаслу к скандалам не привыкать.

— О чем ты говоришь, Джейн?

Она нервно глотнула слюну.

— Я уверена, что Джулия не хотела ничего плохого. Этому должно быть разумное объяснение.

Хит прищурился.

— Чему этому?

— Скандал постепенно сойдет на нет, — невнятно продолжала она. — Поверь, я это знаю по себе.

— Какой скандал?

Она поднялась на несколько ступенек, ее плащ волочился по камню лестницы.

— Отнесись к этому как к произведению искусства, Хит, — бросила она через плечо.

Кажется, она ухмылялась... Неужели он услышал смех в ее голосе?

— Джейн, к чему я должен отнестись как к искусству?

Но она уже скрылась из виду, и до него донеслось лишь несколько слов:

— Считай это... комплиментом.

Через несколько минут Хит выяснил, что означали невнятные речи невестки. В официальной золотой гостиной его поджидал Грейсон. Комната эта служила для приемов. Для драматических событий. Для объявлений о помолвках и отцовских наставлений. Для сообщений о смерти. Не зря ее называли официальной гостиной.

Маркиз стоял перед камином, выпрямившись в полный рост, в забрызганных дорожной грязью сапогах. Заложив руки за спину. Любой другой испытал бы страх, глядя на него, но Хит слишком хорошо знал брата.

Он обвел взглядом комнату, оценивая ситуацию. Гермия и Одем напряженно сидели на диване. Джулия спряталась между ними, как между двумя часовыми.

Хит попытался поймать ее взгляд, но она намеренно смотрела в сторону. Это очень плохой признак. Неужто Грейсон и Гермия догадались, что они с Джулией делали в оружейной?

Неожиданно она посмотрела вверх. Хит залюбовался ее чудесными серыми глазами и улыбнулся ей, но она тут же опустила взгляд. Она явно была смущена. Ухмылка Хита стала еще веселее. Он и подумать не мог, что она будет смущаться после всего того, что они творили.

Но тут его внимание привлек громовой голос Грейсона: его брат орал. Конечно, такое бывало и раньше, но... Хит растерянно огляделся.

— Ты кричишь на меня, Грей?

Грейсон смотрел на него мрачный как туча.

— А ты что, видишь здесь другого скандального брата?

Хит выпрямился, ухмылка застыла на губах.

Грейсон вытащил из-за спины какой-то листок и помахал им в воздухе. Хит мог бы не обратить на это особого внимания, если б не видел, как тихо выскользнули из комнаты Джулия, Гермия и Одем. Они сбежали.

— Стряслось что-то неладное, Грейсон? — тихо спросил он.

Грейсон крупными шагами пересек комнату.

— Я считал тебя человеком ответственным.

— Я такой и есть, — произнес Хит. — Разве это было не так?

— Ой ли? — фыркнул Грейсон. — Я думал, что у меня есть хоть один брат, о котором не нужно постоянно тревожиться, не заварит ли он скандала.

Хит недоуменно потряс головой.

— Что теперь обо мне пишут? Я же не могу защищаться, пока не прочту своими глазами.

— Защищаться? Какая может быть защита от этого?

Грейсон сунул в руки Хиту карикатуру. На какой-то миг Хит не понял, что это такое. Ну да, карикатура. Один из этих бесстыжих, похотливых, иногда остроумных, но часто ядовитых памфлетов. Сатира на светское общество, какие постоянно циркулируют в Лондоне.

Это был печатный рисунок голого мужчины с искаженной анатомией. Шагнув ближе к свету, Хит потрясенно разглядел, что смотрит на себя, и впервые в жизни оцепенел.

— Это ведь ты? — требовательно спросил Грейсон. — Тут сказано, что это ты.

Хит выгнул бровь.

— Я никогда не представлял себя таким, но это я.

Пожалуй, художник ему польстил... Значит, так видит его Джулия?..

— Как ты допустил подобное?

Хит поднял на Грейсона глаза. Неудивительно, что Джулия и Гермия тихо улизнули подальше.

— Я пошел на это ради благотворительных целей.

— Благотворительных?

Хит повернул портрет и этак и так. С какого угла ни смотри, его... мужские достоинства выглядели огромными.

— Это для коллекции изображений греческих богов.

— Ты согласился позировать обнаженным и опубликовать свое изображение ради благотворительности? — язвительно переспросил Грейсон. — Не проще ли было сделать денежный взнос?

— Сколько экземпляров этого напечатано? — тихо поинтересовался Хит.

— Понятия не имею, — резко ответил Грейсон. — Обычно этими чертовыми листками засыпаны все улицы Лондона. Их невозможно сосчитать.

— Понимаю.

— Хотел бы я сказать то же. — Грейсон тяжело опустился на диван. — Что мне теперь делать? Ты был образцом поведения для всей семьи. Я приказывал Дрейку и Девону равняться на тебя. Не подражайте мне, говорил я им. Не грешите, как я. Старайтесь быть похожими на Хита. Грешите скрытно. Чем ты можешь оправдаться?

Грейсон огляделся вокруг и понял, что брат не собирается ему отвечать.

— Хит?

Но комната была пуста.

Грейсон распинался перед четырьмя волкодавами, удобно расположившимися перед камином. Псы дружелюбно помахивали хвостами. Они любили маркиза.

— А родители думали, что я из их детей хуже всех, — вздохнул он.

Хит, не стучась, вошел в комнату Джулии. Она сидела в кресле и притворялась, что читает книгу. Он откашлялся. Она перевернула страницу. Он подошел ближе и уронил карикатуру ей на колени.

— Значит, ты меня видишь таким?

Она побелела и медленно перевела взгляд на печатный листок.

— Это было шуткой, — пролепетала она. — Я никогда не предназначала это для общего обозрения.

— Общего? — Он обошел ее стул. — Это явное преуменьшение. Полагаю, что сейчас это творение уже обрело крылья и перелетело на континент.

Она подняла голову и взглянула ему в глаза.

— Хит, мне очень жаль.

— Как я теперь появлюсь в военном министерстве? — осведомился он, кладя руки ей на плечи.

Она нервно сглотнула слюну.

— Да-да. — Он нагнулся к ее щеке. — Мои анатомические особенности потрясают. О чем вы думали, леди Уитби, озорница вы этакая?

Джулия жадно втянула в себя воздух. Рука Хита снова ласково легла ей на плечи.

— Могло быть и хуже. Грейсон сказал, что за оригинал предлагают целое состояние.

Он забрал книжку из ее рук.

— Я думаю, что нам нужно будет найти для тебя какое-нибудь другое хобби. Только не рисование.

— Полагаю, ты прав.

— Скажи лучше, — задумчиво произнес он, целуя чувствительное местечко у нее за ушком, — как мы объясним это Расселу?

Джулия закрыла глаза.

— Боюсь, что этот рисунок говорит сам за себя.

— Значит, он избавит меня от хлопот. Ты как считаешь?

— Считаю, что я принесла тебе одни неприятности, — с дрожью в голосе сказала она.

Хит уткнулся лицом в ее шейку.

— По-моему, Джулия, я уже с этим свыкся. Мне даже нравится. Так что не нужно извиняться.

На следующее утро после неторопливого завтрака Хит встретился с Грейсоном наедине. Старые друзья уже спешили навестить маркиза, который был общим любимцем, следовал семейной традиции гостеприимства и устраивал приемы на широкую ногу. Приглашения на его приемы пользовались большим успехом у аристократии. Многие старались их заполучить. Хит предпочитал развлечения более интимные.

Однако Грейсон мог иногда быть верным союзником и соратником. Он не был дураком, свято держал слово, так что Хит намеревался привлечь его на помощь в истории с Оклером, пока брата не засосала сельская жизнь. Не говоря уже о заботах в связи с беременностью маркизы. В общем, у Грейсона занятий и развлечений хватало.

— Как я понимаю, у этого Оклера какая-то особая неприязнь к тебе, — заметил Грейсон после долгой задумчивости. — Вот только один Бог знает почему. Ты можешь хоть что-то предположить?

— Кроме того, что я когда-то от него сбежал, ничего на ум не приходит, — покачал головой Хит. — Но... все возможно. Кто знает, что я позабыл? Я ведь не помню большую часть своих испытаний.

— И слава Богу, — с чувством произнес Грейсон. — При виде шрамов на твоём теле понимаешь, что забывчивость — это благо.

— Все же хотелось бы мне понимать, что происходит. — В голосе Хита звучали горечь и усталость. — Возможно, тогда бы я нашел ключ к тому, как его остановить.

— Может быть, у тебя есть то, что он хочет? — наклонился вперед Грейсон. — Может, он хочет Джулию? Ты говорил, что он оставил на перчатке ее браслет, чтобы тебя поддразнить.

— Почему? — Лицо Хита ожесточилось при одной этой мысли. До сих пор он старался отогнать подобные подозрения. — Она для него никто. Ничего ему не сделала. И поверить не могу, чтобы Оклера как-то задел ее покойный муж. Всю свою краткую военную карьеру лорд Уитби провел в Индии. И шпионом он не был.

Грейсон, откинувшись в кресле, вперил взгляд в стену напротив.

— Оклер хочет нагнать на тебя страх. Он должен очень тебя ненавидеть, чтобы идти на такой риск. Это не имеет смысла. Если бы речь шла о политическом убийстве, Олторн был бы несравненно лучшей мишенью.

Хит поднялся на ноги. Его все больше раздражало, что приходится воевать со смертельным врагом, даже не зная его в лицо. Единственным свидетельством внешности Оклера был рисунок, который показал ему Хартуэлл после войны.

— Я хочу, чтобы все это поскорее закончилось.

— А тем временем Джулия может оставаться здесь бесконечно. Мы будем ей рады, — сказал Грейсон с очевидной искренностью.

Щедрость и чувство справедливости были самыми трогательными и дорогими его чертами, которые полностью искупали его прошлую репутацию светского бесстыжего шалопаю.

— Надеюсь, что мне не придется ловить тебя на слове. Возможно, нам с Расселом придется поработать вместе и...

Грейсон озабоченно посмотрел на него.

— Полагаю, что все мы вздохнем свободнее, когда ты избавишься от Оклера. Боюсь, что твои демоны будут терзать тебя, пока этот человек не умрет.

Из глубины сада долетел женский смех. Там Джулия и Джейн играли в крикет с Одемом, а Гермия вела счет очкам. Грейсон встал и пошел с Хитом к двери.

— Что бы ни случилось, семья всегда будет на твоей стороне.

— Спасибо.

— Кстати. — Грейсон положил руку брату на плечо и понизил голос. — Я вижу, что мой совет пригодился.

— Так-таки видишь?

— Да. Но этот рисунок... Ну и ну. Кажется, Джулия и без всех ухищрений пылала к тебе...

— Право, я не могу это комментировать. Я никогда не откровенничаю о таком.

— И не надо, — возразил Грейсон. — Ее рисунок говорит сам за себя.

Хит только улыбнулся.

— Он меня шокировал... вернее, потряс, — продолжал Грейсон. — А я-то думал, что меня уже ничем не удивишь.

Хит выдавил из себя кривую ухмылку.

— Мир увидел меня таким, каким я себя и представить не мог.

— Она и вправду озорница, — пробормотал Грейсон.

— Не сомневайся.

— Женись на ней поскорее, — добавил Грейсон. — Такие женщины встречаются не каждый день.

Тем же вечером Грейсон объявил, что пригласил труппу кочующих актеров дать частное представление в конце недели. Это было ежегодной традицией, приятным развлечением для семьи и слуг.

Сколько Хит себя помнил, та или другая труппа выступала в старом бревенчатом амбаре на краю имения. Иногда бродячие артисты заявлялись в середине лета, иногда не приезжали в Кент до Рождества. Но не было года, который прошел бы без представления.

Семья Боскаслов любила с удовольствием поплакать и посмеяться. Хит полагал, что Джулии неплохо будет отвлечься. Ему также понравилась мысль о введении ее в семейный ритуал. Он не раздумывая стал рассматривать ее как часть своего будущего. По правде говоря, Хит вообще не мог представить себе дальнейшей жизни без нее. Впервые за много лет он смотрел в будущее с надеждой... больше смеялся... и хотел сделать Джулию счастливой.

Он лишь наполовину шутил, когда сказал Джулии, что она, возможно, уже носит его ребенка. У нее, безусловно, был шанс забеременеть до их отъезда отсюда. Хит удивлялся, какой привлекательной вдруг стала перспектива семейной жизни.

Ему необходимо поторопить ее к алтарю. Чувство к ней становилось слишком захватывающим и сильным, чтобы его можно было долго скрывать. Хит, гордившийся своим умением, можно сказать, талантом к скрытности, вдруг потерял всякий вкус к тайнам и обманам. За прошедшие день-два он ловил себя на том, что неоднократно стремится встать поближе к ней. Все в доме, от Гермии до служанок, знали, что Хит Боскасл сражен наповал и отчаянно урывает минуты, чтобы побыть с обрученной вдовушкой, нарисовавшей его в голом виде.

Его поведение нарушало все им же поставленные запреты. Впрочем, он заранее знал об

этом, отдавая ей свое сердце: его ухаживание будет отнюдь не деликатным, а страстным, бурным, чувственным танцем, полным опасности и риска. У Боскаслов любовь всегда была непредсказуемой. Возможно, именно поэтому их потомство все делало со страстью.

Семейство понимало и не судило Хита, а, наоборот, предлагало поддержку. Он на это и рассчитывал. Они с братьями, когда росли, могли драться друг с другом до полусмерти, но помощи Господи тому, кто угрожал кому-либо из них.

Объяснить ситуацию Расселу будет гораздо труднее. Но в отличие от Джулии, признавшейся, что страшится предстоящего объяснения, Хит считал, что это задача трудная, но неизбежная. Он не собирался отрицать своих с ней отношений. Он готов был объявить об этом со всех крыш.

Хит лишь надеялся на то, что Рассел сможет отбросить личные чувства, по крайней мере пока они не схватят Оклера.

Он окинул взглядом обеденный стол, впивая смех, теплую дружескую атмосферу, жажду жизни. Еще не все родные собрались, но дом уже был полон. Пока не приехали сестры. Эмма находилась в Лондоне, занятая своими ученицами, а Хлоя пребывала в довольстве и благополучии со своим молодым мужем Домиником.

Дрейка и Девона ждали со дня на день, если этих негодников не задержит дуэль или хорошенькая женщина. Хит собирался привлечь их способности к обнаружению Оклера.

Дрейк прибыл на следующий день, то есть в четверг. Смуглый, полный жизни, взлохмаченный ветром дорог, он привнес в атмосферу поместья долю своей опасной энергии. От его присутствия по дому заходили волны возбуждения и предчувствия. Часом позже на пороге появились несколько юных соседок в сопровождении матушек. Они якобы просто наносили светский визит и притворялись, что понятия не имели о приезде Дрейка.

Служанки же особенно обожали младших Боскаслов, щедрых на бесстыдные комплименты. Даже слуги мужского пола проявляли отеческую гордость своими «бравыми молодыми лордами» и не терпели ни малейших упреков со стороны деревни. Хотя, конечно, Бог знает, да и вся округа в придачу, что эти братцы совершили немало грехов и проступков, заслуживающих порицания.

Первым делом Дрейк постарался застать Хита одного и выложил ему примерно сотню наводнивших Лондон памфлетов с карикатурами.

— Я назначил премию за оставшиеся. Все мои друзья и слуги их собирают. Джулия могла бы нас предупредить, что ты решил прославиться, Аполлон ты наш.

Хит горестно покачал головой.

— Проклятие! Полагаю, что теперь мне конец: в приличное общество меня не пустят.

— Но зато какой дебют в неприличном! — расхохотался Дрейк. — Одри предложила награду за оригинал рисунка.

— Она может.

Дрейк посерьезнел:

— Но боюсь, Рассел воспринял это плохо.

Хит бросил пачку памфлетов в огонь и медленно обернулся.

— Так он уже в Лондоне? Должно быть, следует за тобой по пятам?

— Не совсем.

— Тогда он наверняка знает обо мне и Джулии. Ну, что мы вместе.

— О, это-то он знает, — торопливо произнес Дрейк.

— И не помчался сюда? За нами? — Глаза Хита недоверчиво потемнели. — Это не

похоже на Рассела.

— Крепись. — Дрейк взял кочергу и поворошил горящие памфлеты. — Он вскоре сюда явится.

— Почему же такая проволочка? — нахмурился Хит. — Занят своей любовницей?

— Я не назвал бы это проволочкой, — проказливо усмехнулся Дрейк. — Скорее, небольшое отклонение в сторону. Не найдя тебя в Лондоне, он в полной ярости явился ко мне, а я сообщил ему, что, кажется, вы с Джулией сбежали, чтобы тайно обвенчаться.

— Обвенчаться? Тайно?

— Ну-у, я не сказал именно такие слова. Я всего лишь намекнул, что семейство владеет старинным фамильным замком в Роксбери. А каждый дурак и его матушка знают, что это по дороге в Гретна-Грин.

Хит уставился в невысокое пламя камина и одобрительно улыбнулся хитроумию брата.

— Так ты поблагодаришь меня за это? — поинтересовался Дрейк. — Теперь есть время подумать или действительно сбежать куда-нибудь с Джулией. Как тебе будет угодно.

— Не в моем характере убежать, но спасибо тебе.

— Всегда к твоим услугам. — Дрейк опустил кочергу.

— Надеюсь, что ты говоришь это всерьез.

Дрейк удивленно выпрямился.

— Конечно, всерьез. Не хочу портить тебе настроение, но ты слышал что-либо об Оклере?

— Нет. И полагаю, что недооценивать его опасно. Хотелось бы мне понять, что он намеревается делать и почему.

— Это-то, по-моему, очевидно. Два шпиона на противоборствующих сторонах. Ты его одолел. Он не простил оскорбления.

— Нет, это что-то большее, — медленно проговорил Хит. — Я знаю, что это так, но не знаю, в чем именно дело.

— Скоро придет Девон, — помолчав, сообщил Дрейк, пристально глядя на брата. — С чем бы тебе ни пришлось столкнуться, на этот раз ты будешь не один.

Вечером в пятницу в амбаре бродячие актеры представляли пьесу «Она сдается, чтобы победить». Следуя семейной традиции, слуг пригласили на спектакль, и они удобно расселись в задних рядах, радуясь, что их включили в праздничное развлечение. Хит не мог смотреть пьесу. Игра актеров была чудовищной, реплики или подавались не вовремя, или пропускались вообще. Однако зрители смеялись, и Джулия в том числе. Это было бездумным развлечением, облегчением, и если не радость, то смех доставляла самая плохая игра.

Хит получал удовольствие только оттого, что сидел рядом с Джулией, плечом к плечу, в плохо освещенном амбаре на связках сена. Там, где они сидели, было достаточно темно, так что он мог время от времени прикасаться к ней и украдкой целовать. Именно такой представлял он себе их дальнейшую жизнь. Его рука обвила ее талию. Большой палец игриво касался крутого бедра.

— Как замечательно слышать твой смех, Джулия.

— Как я могу не смеяться? — шепотом ответила она. — Актеры чудовищно плохи. Одна из них в последнюю минуту заболела, и роль миссис Хардкасл играет мужчина. Мне кажется, что она... что он забыл побриться..

Хит с улыбкой взглянул на сцену, но был слишком заинтересован женщиной, сидящей рядом. Она выглядела такой очаровательной в серебристом шелковом платье с ниспадающей с плеч шалью. Ему нравилась изящная линия ее спины и то, как переходил изгиб талии в высокую нежную грудь. Он вспомнил тот последний раз, когда они занимались любовью, и тело его отозвалось таким взрывом похоти, что амбар мог бы вспыхнуть огнем.

Пьеса закончилась довольно рано. Гермия и Джулия рука об руку медленно направились к дому, со смехом обсуждая представление. Джейн и Одем восхищались залитым луной садом, волкодавы следовали за ними по пятам.

Хит шел сзади с Дрейком и Грейсоном. Он мог видеть стоявшие на краю имения фургоны бродячей труппы. Многие из актеров еще оставались в амбаре, разбирая декорации. Поместье старшего брата было единственным местом на свете, где Хит чувствовал себя в безопасности и мог расслабиться.

— Мы с Гермией собираемся отнести актерам немного угощения, — сказала ему Джулия.

— Я понаблюдаю за вами из окна, — крикнул он вслед ее удаляющейся фигуре.

Грейсон с ухмылкой повернулся у нему.

— Ты и в самом деле считаешь, что между домом и амбаром ее настигнет смертельная опасность?

Он услышал, как фыркнул Дрейк.

— Этого никогда нельзя знать заранее. Вдруг на нее выпрыгнет лягушка из фонтана?

— Или, — добавил Грейсон, — она может провалиться в грязь, и никто больше ее не увидит.

— Да и кусты роз в это время года склонны к убийству, — продолжал Дрейк.

— Чертовы ублюдки, — проворчал Хит, но к тому времени и, как они вернулись в дом, он тоже смеялся.

Хит закурил сигару и подошел к окну библиотеки. Он обещал Джулии, что прочтет

книгу о египетских иероглифах, которую она ему подарила. И много раз собирался это сделать.

Грейсон и Дрейк отправились с Хэммом и Одемом в карточную комнату, но Хит отклонил предложение присоединиться к ним.

Он перевернул страницу и уставился на рисунок с нерасшифрованными надписями. Считалось, что эти символы содержат тайны древних веков. Ученые и лингвисты тщетно старались их разгадать. Именно такое исследование привлекало Хита, но сейчас мысли его бродили далеко.

«Защитить ее. Уберечь от скандала».

Он нахмурился. Темноволосая его голова окуталась душистым дымком сигары. Как странно, что он так четко помнил последние слова Рассела перед отъездом друга в Париж. А теперь им предстояло встретиться лицом к лицу.

Что ж, от опасности он Джулию уберег. А вот от скандала...

Хит покачал головой. Он мог наблюдать за Джулией в окно. Она с Гермией пересекала залитый лунным светом газон. Джулия сама представляла собой небольшой скандал.

Но иной он и не хотел ее видеть.

Они с Гермией достигли амбара. Перед тем как она исчезла внутри, Хит заметил последний отблеск серебра ее платья.

Он снова раскрыл книгу. Оттуда выпал какой-то обрывок бумаги.

Хит три раза перечитал его, прежде чем вскочить на ноги. Кровь отлила от его лица.

«Сегодня я первый раз увидел ее. В книжной лавке. Она прелестна и примерно того же возраста, в каком была бы моя сестра, если бы ты не убил ее.

Ты будешь горевать по ней, Боскасл?

Или, как я, ты не способен испытывать это мучительное безумие, называемое любовью?

Арман».

Хит потрясенно уставился в книгу. Лицо его побелело от ужаса. Тот незнакомец, поднявший книгу, когда Джулия ее уронила около книжной лавки, видимо, был Оклер. И прежде чем вернуть книгу, он вложил в нее эту записку. Тогда они все вместе стояли на улице.

Хит разминулся с ним на секунду. Хотя вряд ли он смог бы опознать заклятого врага по старому рисунку.

Потом были сад Джулии, театр, улица. Что еще? Оклер не выказывал страха. И что это за безумная чепуха насчет того, что Хит убил его сестру? Он никогда не убивал женщин... Господи Боже! Неужели убивал?.. Тот месяц, навсегда исчезнувший из памяти... он подсознательно преследовал его. После пыток Хит долго ничего толком не мог вспомнить.

Что он натворил? Что делал Оклер?

Хит ощутил, как кровь бросилась ему в голову, и попятился от окна. Джулия дала ему в руки ответ. Если бы Хит уделил ее подарку больше внимания, то мог бы и сам догадаться о правде.

«Одна из актрис в последнюю минуту заболела, и роль миссис Хардкасл сегодня играет мужчина. Я думаю, что она... что он забыл побриться...»

Гермия приостановилась, чтобы поправить висящую на руке тяжелую корзинку с холодным мясом, сыром и хлебом. Лицо ее покраснелось, она тяжело дышала.

Джулия остановилась, чтоб дать тетушке возможность передохнуть.

— Нам нужно было попросить Хэмма помочь. Или кого-нибудь другого из слуг. С тобой все в порядке, тетя Гермия?

Гермия с досадой посмотрела на нее. Они почти добрались до двери в бревенчатый амбар. Внутри стояла тишина, но фонари еще были зажжены, и сцена оставалась неразобранной.

— Я вполне способна донести корзинку, Джулия. — С этими словами она сделала следующий шаг.

Джулия улыбнулась:

— Тогда скажи, пожалуйста, почему у тебя такое красное лицо? Почему ты едва переводишь дыхание?

Слегка смущенная Гермия вздохнула.

— Из-за Одема. Когда мы уходили из дома, этот глупец меня поцеловал. О Боже! В амбаре нет никаких актеров.

Джулия бросила взгляд на маленький лесок позади амбара.

— Наверное, они разошлись по своим фургонам.

— Мне хотелось повидать актера, который играл сквайра Хардкасла, — пробормотала Гермия, взгляд ее погрустнел. — Он напомнил мне покойного мужа.

— А миссис Хардкасл выглядела как мой покойный муж, — безрадостно усмехнулась Джулия.

— Одем снова просил выйти за него замуж. — Гермия отломил кусочек сыра и положила его в рот. — На этот раз я серьезно подумываю сказать ему «да». Знаю, это прозвучит глупо, но когда я сегодня вечером смотрела пьесу, у меня возникло странное чувство, что дорогой мой Джеральд велит мне быть счастливой...

Джулия повернула голову.

— Тогда отнеси свою корзинку к сквайру Хардкаслу и скажи Одему, что принимаешь...
Смотри-ка, один из актеров остался в амбаре. Я попрошу его помочь нам.

— Я пойду вперед.

— Только недолго, тетя Гермия, — шутливо произнесла Джулия. — Одем соскучится по тебе.

К тому времени как в амбар вошла Джулия, все фонари, за исключением одного, были потушены. Она приблизилась к столу, чтобы поставить на него тяжелую корзинку с фруктовыми тарталетками, кругом сыра и двумя бутылками вина.

Одиноким актер еще оставался на грубо сколоченной деревянной сцене, практикуясь с саблей в схватке с воображаемым противником. Джулия удивилась, зачем ему репетировать такую схватку к следующему представлению, ведь, по словам Грейсона, в репертуаре труппы были только сегодняшняя пьеса и «Ромео и Джульетта».

Клинок актера завершил грациозный выпад. Черный плащ эффектно взмыл в воздух, Джулия почувствовала, что актер знает о ее присутствии: он явно работал на публику. Впрочем, для его профессии это было проявлением привычного тщеславия. Она сделала шаг к сцене и сказала:

— Мне понравилось представление.

Он картинно поклонился и спрыгнул с невысокой платформы.

— Мне это приятно.

Она всмотрелась в его лицо, грубо вылепленное, небритое, привлекательное на неприятный вкус. У него был жесткий взгляд, а глаза сверкали в полумраке, как

черные угли.

— Вы играли миссис Хардкасл. Я не сразу узнала вас без костюма.

Он снова поклонился, прижав саблю к сердцу.

— А я вас, — произнес он мягким голосом, в котором звучал слабый акцент. — Вы Джулия Хепуэрт Уитби. Женщина, которую желают сразу двое: Боскасл и Олторн. Как мило с вашей стороны предоставить мне такое удобное оружие мщения.

В первый миг Джулия не поняла значение его слов. Потребовалось несколько секунд, чтобы до нее дошел их смысл. И тогда она его узнала, незнакомца с улицы в высокой фетровой шляпе, и с ужасом поняла, что находится наедине с французским офицером, который так жестоко пытал Хита в Саагуне. Это казалось невозможным. Не здесь, в имении Боскаслов, где она чувствовала себя в полной безопасности. Такой защищенной. Не здесь, где он может причинить зло стольким невинным людям.

— Оклер, — промолвила она, не двигаясь с места.

Сердце ее билось где-то у горла. Казалось, даже звук этого имени отравил воздух. Это и был тот монстр, который наслаждался зрелищем чужих страданий.

Он легко перекинул саблю в другую руку, словно она ничего не весила. Джулия увидела красные следы ожогов на костяшках его пальцев и содрогнулась от его холодной усмешки.

Где Хит? Как давно она отсутствует? Наверное, лишь несколько минут. Недостаточно долго, чтобы он встревожился. А Гермия? О Боже, пусть только это не коснется ее тетушки.

Оклер, видимо, заметил отчаянный взгляд, брошенный ею на дверь. Он приближался к ней, и Джулия отступала, пока не уперлась в сцену. Ее пронзил холод, она поверить не могла в происходящее. Нет, она не покажет ему, как напугана.

— Он появится, я уверен. Едва поймет, что вы исчезли.

Оклер сократил расстояние между ними. Она почувствовала укол его клинка сквозь легкое платье. Раньше в амбаре было неимоверно жарко. Теперь воздух леденил ее. Рот, казалось, был полон известки. Он пересох от страха. Темные глаза Оклера ничего не выражали. Они были пустыми... и жестокими.

— Зачем вам все это? — спросила она, пытаясь глотнуть, чтобы прогнать горечь во рту.

— Разве он вам не сказал?

— Нет.

— Он убил мою сестру, — хмуро ответил Оклер. — Она оставалась в том монастыре, где, сбежав от меня, укрылись Боскасл и Олторн, Они потребовали убежища, и монахини его предоставили. Ваш любовник выстрелил ей в сердце. Среди бела дня. Когда я ее нашел, она была мертва.

Хит бежал сломя голову и впопыхах чуть не сбил с ног Джейн и ее служанку, наткнувшись на них на вьющейся между кустами дорожке к амбару.

— Господи, Хит! — воскликнула Джейн, когда он схватил ее за локти. — Ты бежишь за Джулией или от нее?

Однако шутливая улыбка сошла с ее губ, когда она увидела его лицо, бледное, испуганное, с безумным взглядом.

— Оклер — один из актеров, которые играли сегодня перед нами, — произнес он. — Найди Грейсона и Дрейка. И ради Бога, поторопись!

Джулия слышала отзвук своего голоса, эхом отдававшегося в балках потолка. Лучик лунного света упал сверху на неосвещенное крыло сцены.

Ей казалось, что она смотрит какой-то спектакль. Было чувство отрешенности. Она

оцепенела и едва соображала, что говорит и делает. Пальцы ее сомкнулись на маленьком пистолете, спрятанном в складках плаща. Покойный муж дал ей этот пистолет за четыре месяца до смерти. Предупреждения Хита в лесу и какой-то инстинкт побудили Джулию взять оружие с собой. В мозгу стучали слова покойного мужа. Может быть, Адам пытался ей помочь?

«Не носи его на виду, Джулия. В этом зверском мире я могу не оказаться рядом, чтобы тебя защитить».

Она почувствовала прилив грусти при мысли о нем, боль, которую загнала внутрь с момента отъезда из Индии. Сейчас настал миг, когда она впервые по приезде домой позволила себе погоревать об Адаме. Его смерть оставила ее растерянной и даже озлобленной: Джулия была полна неуверенности, не знала, что с ней станет. Возвращение в Англию, к умирающему отцу, в родные места успокоило ее, но одновременно принесло новую боль и горькие сожаления.

Джулия верила, что навсегда потеряла Хита, единственного человека, которого тайно любила. Она утратила молодого мужа, которого тоже любила, пусть не с такой обжигающей страстью, как Хита. С репутацией буйной, но богатой вдовушки она вернулась в свет, который никогда ее не одобрял.

Она была Джулия Хепуэрт Уитби, которая бросалась в жизнь, как в омут, предаваясь душой и телом, тем радостям и неприятностям, которые встречались на пути. Нет, она не покорится и будет драться за свою жизнь до конца.

— Моей сестре было всего лишь девятнадцать, — произнес Оклер, вскидывая саблю над головой. — Я оставил ее в монастыре, чтобы защитить. Твой любовник ее убил, и я...

Джулия подняла пистолет и приготовилась стрелять.

Готовясь спустить курок, она инстинктивно закрыла глаза. А открыв их, увидела перед собой скорчившегося на соломе Оклера. Кровь намочила белые рюши его льняной рубашки. К счастью, Джулии не было видно его лица. Сабля валялась у ее ног.

Эхо выстрела на несколько минут оглушило Джулию. Она подняла глаза и увидела замершую посреди амбара. Гермию. Как давно она стояла здесь? По правде говоря, Джулия даже не могла вспомнить момента выстрела.

Пустая корзинка выскользнула у Гермии из рук.

— Джулия, — с посеревшим лицом, запинаясь, проговорила она. — Я думаю... Я, кажется, сейчас упаду в обморок. Тебе действительно надо умерить свою привычку стрелять в мужчин.

Джулия с трудом обогнула Оклера, двигаясь к Гермии, но та уже падала. К счастью, ее полная фигура приземлилась на слой соломы.

— Тетя Гермия! — воскликнула Джулия, опускаясь перед тетушкой на колени. — Ты меня слышишь?

Глаза Гермии впились в лицо Джулии.

— Я что, потеряла сознание?

— Я так не думаю, — промолвила Джулия, ладонями растирая ей запястья.

— Почему? — прошептала Гермия.

— Ну, потому что глаза у тебя открыты и ты не перестала говорить.

Испуганный взгляд Гермии передвинулся с лица Джулии на неподвижную мужскую фигуру, лежавшую всего лишь в нескольких футах.

— Он мертв?

Джулия прикусила губу. Ее начало трясти и попеременно бросало то в жар, то в холод, словно в лихорадке.

— По-моему, да.

— Мне хочется потерять сознание, — сказала Гермия, пытаясь встать на ноги.

— Мне тоже, — откликнулась Джулия. Сердце у нее билось с перебоями. — Я ведь первый раз убила человека.

— Ты его не убила.

Она неуверенно поднялась на ноги и услышала низкий сильный голос Хита, донесшийся откуда-то с лестницы, ведущей на сцену. Джулии потребовалось несколько секунд, чтобы разглядеть знакомую фигуру.

Мысли ее разбежались.

Хит еще был в вечернем костюме и в каждой руке держал по пистолету.

«Впервые я вижу его растрепанным, — подумала она, — и...»

— У тебя солома на брюках, — проговорила она.

Она только что убила человека... Ведь так? Собравшись с мужеством, Джулия попробовала пристальнее посмотреть на Оклера. Он лежал неестественно тихо.

Прежде чем она смогла шевельнуться, Хит встал перед ней и схватил ее в объятия с такой силой, словно собирался больше никогда не отпускать от себя. Джулия была рада прильнуть к его теплой силе, к его поддержке. Она не знала, сколько сможет вытерпеть, не давая воли своим чувствам. До сих пор ее храбрость не подвергалась такому испытанию. Ей

вдруг подумалось, что отец был бы доволен и горд ею. Только теперь, когда все кончилось, она могла признаться себе, как испугалась... Нет, в какой ужас она впала... и как благодарна была инстинкту самосохранения, спасшему ее.

— Он ведь мертв? Правда мертв? — спросила она, стараясь заглянуть через плечо Хита. Он повернул ее в другую сторону от мертвеца.

— Да, он мертв, но его убила не ты, а я.

Джулия недоуменно уставилась на Хита. Пистолеты, которые минуту назад были в его руках, куда-то исчезли. Вечерним костюм по-прежнему был в соломе, и ей отчаянно хотелось плакать.

— Я вошел почти сразу за тобой. Как только понял, что происходит.

— Ты застрелил его сверху, с чердака? — удивилась она.

— Я пробрался через окно. В какой-то момент я решил, что ты меня услышала: ты взглянула прямо на меня. — Голос его дрогнул. — Я пришел в ужас, представив, что будет, если я промахнусь.

Она почувствовала, как крепко сжались его руки вокруг нее. словно он хотел окружить ее щитом. Все еще удерживая ее в объятиях, Хит посмотрел мимо нее на чердак и резко кивнул. Уголкем глаза Джулия заметила, как оттуда мягко, как кошка, спрыгнул Дрейк. Он быстро приблизился к телу Оклера и накрыл его своим сюртуком. Суровое лицо Дрейка осталось невозмутимым.

Дверь амбара распахнулась. Раздались тревожные голоса всех примчавшихся на помощь Боскаслов и слуг. Грейсон и Одем бережно подняли на ноги Гермину и повели ее на свежий воздух.

Дрейк и Хэмм убрали с глаз труп Оклера. Хит не выпускал Джулию из объятий. Она едва могла поверить в случившееся: все произошло так быстро. Хит победил человека, вознамерившегося его уничтожить. В голове ее стоял сундук, в глазах все плыло. Она почти не помнила, как вообще выглядел Оклер... И хотела поскорее о нем забыть.

— Ты слышал, что он сказал? — тихо поинтересовалась она.

Хит смотрел мимо нее на сцену. Взор у него был отрешенный.

Наконец Хит перевел взгляд на Джулию. Когда их глаза встретились, лицо его смягчилось.

— Я все слышал, но не помню, что произошло в монастыре в тот день, когда меня спасли. Я вообще ничего не помню, ведь очнулся, когда Рассел с Хэммом волокли меня по обледеневшей дороге. Мы были одеты крестьянами... они переодели меня, чтобы легче было скрыться.

— В любом случае не думаю, что ему можно верить, — промолвила Джулия, сердце которой разрывалось от мучительной жалости к Хиту.

Он покачал головой:

— Зачем ему лгать? — Глаза его потемнели от растерянности, которую он и не пытался скрыть.

Почему она раньше считала его холодным и отстраненным? Сейчас Джулии казалось невероятным, что она многие годы воображала его бессердечным и сдержанным.

Стоявший перед ней человек, только что убивший врага, чтобы ее защитить, чувствовал глубже, переживал сильнее, чем кто-либо мог предположить. Она неосознанно понимала, что он может раскрыться перед ней еще больше... но тут двери амбара театрально распахнулись.

Дыхание ночного воздуха взвихрило раскиданную по земляному полу солому. Вернулся Грейсон. Широкими шагами он приблизился к ним, как возмущенный король, чуть было не потерявший любимых принца и принцессу.

Он поднял пистолет, который уронила Джулия. Его синие глаза одобрительно сверкнули.

— С ней все в порядке, Хит?

— Да.

— Это был чертовски хороший выстрел, Джулия, — медленно произнес Грейсон. — Хотя... — Голос его прервался. Он недоуменно разглядывал пистолет. — К счастью, твое стрелковое искусство улучшилось после того, как ты подстрелила моего братца.

Хит послал ему многозначительный взгляд.

— Она не убивала Оклера. Его убил я.

— А-а, — понимающе кивнул Грейсон и опустил пистолет. — Это объясняет, почему из ее пистолета не стреляли. Какое жуткое испытание.

— Я отведу ее в комнату, — твердо объявил Хит, и не успела Джулия собраться с мыслями, как он повернул ее лицом к двери.

Он ни на одну минуту не задержался около брата, который почти сразу последовал за ними.

— Хорошая мысль, — произнес Грейсон. — Сразу уложи ее в постель.

Хит искоса посмотрел на Джулию и удрученно улыбнулся:

— Какие необычные идеи возникают у Грейсона... Знаешь, братец, может, ты лучше позаботишься о своей жене? Я ее очень напугал по пути сюда. Прошу прощения, если расстроил.

— Джейн больше встревожилась из-за тебя и Джулии, — отозвался Грейсон.

Обернувшись, он окинул взглядом амбар и, покачав головой, сказал голосом, севшим от переживаний:

— И это случилось в моем имении. Господи Боже, подумать только, что я сам пригласил этого мясника в дом!

* * *

Этой ночью Джулия спала урывками. Она дважды просыпалась... голая... в объятиях Хита... и на миг ей казалось, что смерть Оклера привиделась ей во сне. Сцена, разыгравшаяся в амбаре, произошла так быстро, так неожиданно, а любовные ласки Хита оказались такими страстными и порывистыми, что ранние события вечера стерлись и стали казаться нереальными. Ей хотелось, чтобы происшедшее между ней и Оклером ушло из памяти навсегда. Ей хотелось, чтобы все это растаяло в тумане.

Неужели всего несколько часов назад Оклер занес над ней саблю?

— Может, все это было лишь кошмаром? — пробормотала она.

Джулия постаралась сосредоточиться на дьявольской усмешке Хита, нависшей над ней в полумраке, и попыталась сесть. Но он без труда вновь уложил ее на постель, и его рот завладел ее ртом.

— Нет, это было на самом деле, — прошептал он и поцеловал ее глубоко-глубоко. — А теперь все закончилось, отважная ты моя воительница.

Его низкий, чувственный голос заставил ее покрыться мурашками приятного предчувствия. Он звучал еще опаснее и чувственнее, чем раньше. Могло ли случиться, что, победив врага, он выпустил на волю самые глубинные свои желания?

Если так, Джулия столкнется с большим, чем ожидала: со страстями самыми греховными. Разумеется, у этой дилеммы был только один ответ: покориться, соучаствовать, наслаждаться.

Она обвила его шею руками.

— Ты опасный соперник, Боскасл. Я рада считать тебя своим другом.

— Мы с тобой несколько больше, чем друзья, — ответил он.

До окончания ночи он еще несколько раз подтвердил это свое утверждение. Джулия никогда не видела его таким раскованным, таким безмерно эротичным. Она не знала, сумеет ли пережить общение с этой темной и бесстыдно несдержанной стороной природы человека, которого любила безоглядно. Однако готова была попытаться. Он вызвал на свет страсть, которую Джулия всегда в себе подавляла.

Одним мощным выпадом он овладел ею. Нежность, светившаяся в глазах Хита, действовала на нее также оглушительно, как и безудержная его страсть. Джулия предалась ему душой и телом. Он брал ее жадно, требуя все больше и больше... и она отвечала с полной самоотдачей.

Она вздымалась навстречу, встречала его неукротимые порывы своими мучительно томными движениями.

Он дразнил ее. Она дразнила его в ответ.

Не раз он уменьшал глубину своих вторжений, мучил неудовлетворенностью. Они играли в эту игру, стремясь доставить друг другу наивысшее наслаждение.

Хит был в этом мастер.

Джулия не уступала ему.

В итоге они оба могли оспаривать победу, но радость заключалась в игре, а не в следовании.

Он содрогался от наслаждения, мускулы его крепкого тела напрягались, когда она находила облегчение. С лицом, потемневшим от бурного желания, он мощно врывался в нее снова и снова.

В самый разгар экстаза Хит жарким жадным поцелуем завладел ее ртом, и Джулия сдалась ему на милость, самозабвенно отдалась своим глубинным чувствам. Она вцепилась ему в плечи и ощутила, что распадается под ним, разбивается вдребезги от невыносимого наслаждения... Погруженный в нее Хит застонал.

Им оставалось только следовать своим инстинктам, куда бы те их ни завели. Джулия впивала, смаковала его необузданную силу, чувства, которые ее раскрепощали, неудержимые судороги, волнами прокатывавшиеся по ее телу. Всего час назад они стояли лицом к лицу с убийцей. Она выжила, она видела, как Хит победил своего врага, и от этого настоящее становилось слаще. Он жаждал грубого, первобытного. Возможно, жаждал забвения... Она стремилась удовлетворить эту жажду.

Он содрал с нее притворство и фальшь приличий, оставив лишь обнаженную чувственность. Она постанывала под лаской его губ. Она вонзилась ногтями ему в спину, когда он испустил горловой рык. Хит держал ее так крепко, что она чувствовала телом биение его сердца, то, как постепенно уходило напряжение из его мышц. Она бережно коснулась пальцами его лица.

Аромат их страсти пропитал душистые простыни и влажную кожу их сплетенных тел. Через час начнется новый день. Их близость будет нарушена, а возможно, окажется под угрозой. Она знала, что Рассел потребует объяснений... Она знала, что Хит никогда не будет в мире с собой, пока не узнает правды о том дне в монастыре. Слова Оклера глубоко его поразили. Неужели он действительно убил сестру Оклера? Сознал ли он тогда, что делает? Владел ли тогда собой? Джулия не бросит его и будет стоять рядом, что бы он ни сделал.

Она размышляла, как отнесется к ним светское общество. Сплетни захлестнут, как шторм. Может, ей вообще не стоит возвращаться в Лондон?

— После этого нас никогда никуда не пригласят, — пробормотала она, нисколько не страдая от этого, но не зная, как такое воспримет он.

Хит обнял ее за талию.

— Один мертвый шпион скандала не составит. Кроме того, никто из тех, кто видел сегодняшние события, слова о них не скажет.

Она замолчала на миг, закрыв, глаза. Мужчины умеют свести душевные муки к основным фактам. Особенно Боскаслы, которые явно верили в то, что как они решат, так и будет. Они были сами себе закон... Или считали себя выше закона. Особенно если это были законы света.

— По-моему, ты забыл о Расселе, — неуверенно проговорила она. — О небольшом препятствии на пути нашей незаконной любви. Я говорю о препятствии величиной с маленькую гору.

Хит что-то буркнул. Этот грубый звук заставил ее хихикнуть.

— Я же тебе говорил, что позабочусь о Расселе. Я ни на минуту о нем не забывал. — Он притянул ее теплое тело к себе. — А вот тебе предлагаю о нем забыть. Вообще-то как твой будущий муж я этого требую. Моя семья поддержит тебя, что бы кто ни говорил и ни делал. А насчет прочих — мне все равно.

— Может быть, лучше поговорить с ним мне? — мягко промолвила она.

— По-моему, это плохая идея.

— Он не причинит мне вреда.

— Это-то я понимаю.

— Это будет справедливо, Хит. — И Джулия поцеловала его в шею.

Как и предсказывал Хит, в последующие дни семейство Боскаслов сплотилось вокруг Джулии, словно она была членом королевского рода, осаждаемого толпой крестьян. С типичной для этого клана надменностью Боскаслы втайне полагали, что все, кто их не поддерживает, и есть толпа крестьян.

Семейство собралось за завтраком. Слушая, как они шутили и строили планы на следующую неделю, Джулия вдруг засомневалась, действительно ли прошлой ночью Хит убил человека? А затем поняла, что их жизнерадостность была прочувствованным облегчением после исчезновения угрозы. Они делили друг с другом все — и радости, и опасности, хорошее и плохое.

Даже Гермия и Одем смеялись и обменивались тайными взглядами. Но они были влюблены и, наконец преодолев все препоны, примирились со своими чувствами. Семейство Боскаслов любило жизнь, и все они любили друг друга. Иногда у них случались стычки, сшибались воля и чувства, и это их мучило. Боскаслы были сторонниками крайних мер. Слова «тепловатый» в их словаре, в их мире не существовало. Джулию приняли всей душой и включили в свой страстный хаос.

Самый молодой дьявол этого выводка, Девон Боскассл, к радости окружающих, явился поздним утром и затем скрылся, чтобы выпить кофе и пообщаться с братьями. Джулия не знала, как Девон узнал о смерти Оклера. Но по тому, как он ухмылялся, глядя на Хита, ему явно все сообщили, и он жаждал быть частью празднования по этому поводу.

Сестры Хита, Эмма и Хлоя, прислали сообщение, что скоро придут. У маркиза соберется полный дом родных. Радостное настроение Грейсона было заразительным. Он уже обдумывал, как всех развлечь.

Джулия обнаружила, что ее заразило общее веселье, обаяние Боскассл. Раньше ей в голову бы не пришло, что она может так вовлечься в происходящее. Она совершенно забыла о предстоящих неприятностях. А ведь ей придется разорвать помолвку с Расселом...

Он приехал в дом маркиза через час после завтрака, когда члены семьи разошлись переодеться для игры в крикет на лужайке возле особняка. Джулия задержалась над последней чашкой чая, наслаждаясь струившимся в окна солнечным теплом. Это была тихая минута, время расслабиться и спокойно подумать.

Однако солнце, казалось, поблекло, когда лакей ввел в комнату Рассела. Джулия поставила на стол чашку с блюдцем и медленно поднялась со стула. Лицо Рассела выглядело осунувшимся, изможденным, но все равно он выглядел очень импозантно в двубортном сюртуке для верховой езды и темно-коричневых панталонах. А черная повязка на глазу, как всегда, придавала ему лихой пиратский вид. Он был привычной частью ее прошлого, но сердце никак не откликнулось на его появление. Они никогда не были бы счастливы вместе. Джулия надеялась, что он примет это без возражений.

— Рассел?!

— Как мило. Вы все еще меня узнаете.

Было очевидно, что он не собирается облегчать ей задачу. Впрочем, в глубине души она на это и не рассчитывала и внезапно пожалела, что не согласилась на обещание Хита обо всем позаботиться.

— Не знаю, что и, сказать.

Его голос обжег ее как хлыстом:

— Я рисковал жизнью, чтобы много лет назад спасти Хита, и сделал бы то же самое ради вас. Я оставил вас на него, потому что доверял вам обоим. Как могли вы так со мной поступить? Неужели вам все равно, что скажут люди?

Она посмотрела в окно. Хит стоял возле мраморного фонтана посреди двора, спиной к ней. Его волосы отливали на солнце вороньим синеватым блеском. Стоял в одиночестве. Он выглядел таким одиноким. Ей мучительно хотелось подойти к нему, прогнать эту мрачность с его лица.

Как он сказал, исповедуясь ей? Что думает, будто ему суждено быть одному? Но это было неверно. Она пройдет сквозь ад и пламя, чтобы быть с ним рядом.

Джулий услышала за собой шаги Рассела, его властный настойчивый голос. Он не любил проигрывать. Отстранив заслонявший ему обзор медный телескоп, он язвительно произнес:

— Вы меня слышите? Черт побери!

Но она не вслушивалась в его слова. Хит повернулся и тем отвлек ее внимание. Она изучала его ястребиный профиль в солнечном свете, а рядом с ней стоял и требовал внимания другой мужчина, но это лишь заставляло ее еще больше томиться по любимому. Каким озорным был он с ней прошлой ночью. Она ощущала нежность во всем теле,

чувствовала себя соблазненной... очарованной... истинной женщиной. Надо будет вновь тайком посетить Одри и взять у той несколько дополнительных уроков. Хиту вроде бы понравились ее познания.

— Ты что-то сказал, Рассел?

— Я знаю, что бы стали любовниками. Не отпирайтесь.

Он размахивал перед ее носом каким-то листком, заслоняя вид из окна на ее любимого, обожаемого повесу. О Боже, это же ее карикатура с голым Хитом Боскасом на пылающей колеснице. Этот проклятый рисунок не желал пропадать в забвении.

— Готов держать пари, — продолжал Рассел неприятным тоном, — что вы как следует посмеялись надо мной. Можете объяснить, как это произошло?

Она взяла листок из его руки.

— Нет. Не могу.

— Но это ваша работа?

Она уставилась на рисунок, на великолепное тело Хита, на все эти скульптурные мускулы.

— Божественно, — вздохнула она восхищенно. — Не правда ли, он великолепен?

— Великолепен? — У Рассела дернулась мышца на щеке. — Итак, вы признаетесь, что действительно нарисовали эту мерзкую картинку?

Она загадочно улыбнулась, но промолчала. Ее взоры вернулись к Хиту. Он направился к дому своей плавной, упругой походкой кавалериста, от которой у нее перехватывало дыхание. О, она отлично знала, что он может вытворять этими бедрами. Она вновь желала его... Немедленно. Столько ее лет прошло без его любви, и теперь она не хотела тратить впустую время, необходимое для разрыва ненужной помолвки.

— Посмотри на меня, Джулия, — приказал Рассел голосом, которым запугивал солдат.

Она посмотрела. Он был привлекательным мужчиной, честолюбивым, не очень плохим. Или недостаточно плохим. За время его отсутствия Джулия обнаружила, что ее тянет к дьявольски опасным мужчинам. Но Рассел был не ее дьяволом. И слава Богу, что она не успела выйти за него замуж.

Он поднял брови, явно удовлетворенный, что наконец добился ее внимания.

— Так-то лучше. Теперь вы меня слышите. — Он ухватил ее подбородок своей загрубевшей рукой. — Боскасы — семейство оболстителей. Я знаю, что прославленный повеса вас соблазнял. Я знаю, как трудно им сопротивляться. Я вырос рядом с ними и больше всего мечтаю стать частицей их мира.

Джулия глотнула, невольно чувствуя к нему симпатию. Рассела воспитывала тетка, относившаяся к нему небрежно. Родители его умерли, когда он был маленьким ребенком. Он сам себя воспитал, собственными усилиями возвысился над более чем скромными обстоятельствами. Беспощадное честолюбие и трудные старания проложили ему путь наверх. Но его никогда не удовлетворяло то, чего он добился. Ему никогда не хватит скопленного богатства, недостаточно будет признанной славы и вечно будет мало женщин, чтобы удовлетворить ненасытную, беспокойную натуру. Она согласилась выйти за него, потому что была одинока и благодарна за поддержку. Она не знала и помыслить не могла, что Хит будет ее дожидаться.

— Ты с самого начала была моей, — произнес Рассел с отчаянием в голосе.

— Нет. — В комнату вошел Хит.

В выражении его лица не было ни капли понимания или прощения.

— С самого начала она была моей. — Он прислонился к двери и скрестил руки на груди. — А ты ее предал. И можешь винить только себя. Ты просил меня защитить ее, и я это сделал. Защитил ее от тебя.

Рассел бросил на нее презрительный взгляд.

— Вот так он заманил вас в свою постель?

— Рассел, не будьте таким оскорбительным идиотом, — возмущенно произнесла она. — У вас есть любовница. И судя по ее состоянию, ей вы уделяли гораздо больше внимания, чем мне.

Он недоуменно пожал плечами.

— У каждого мужчины моего положения в обществе есть любовница. Полагаю, вам доложил о ней Боскасл?

— Нет, не он, — ответила Джулия. — Но я хотела бы, чтобы это сделал он.

Рассел положил руки ей на плечи, видимо, решив испробовать другой подход.

— Я в этом деле оскорбленная сторона. Я тот, кого обидели.

Хит, сжав зубы, надвинулся на него.

— Убери от нее руки, Рассел.

Когда Рассел подчинился, Джулия облегченно вздохнула. Видя Хита таким, с лицом суровым и непреклонным, ничего другого сделать было нельзя. Подчиниться было самым разумным.

— Я не могу позволить себе ни скандала, ни дуэли, — холодно сказал Рассел. — Моя карьера и так, по всей видимости, погибла. Оклер заставил меня тщетно гоняться за ним, а сам находился в это время в Лондоне. Моя нареченная обманула и опозорила меня с моим другом...

Хит посмотрел на Джулию.

— Оставь нас, пожалуйста, наедине.

Она бросила взгляд на Рассела, но он отказался встретиться с ней глазами. Ему явно еще не рассказали, что Оклер убит, что он упустил золотой шанс добиться высшего признания. Осознание, что Хит лишил его и этого, никак не улучшит его настроения.

— Я не знаю, что вам сказать Рассел...

Он безрадостно рассмеялся.

— Мне нужно время, чтобы это как следует обдумать.

Она втянула в себя воздух, но испытала огромное облегчение.

— Все кончено между нами. И я надеюсь, что вы примете это так же, как приняла я.

Джулия вышла из комнаты, и Хит плотно закрыл за ней дверь. Он предоставил ей и Расселу вполне достаточно времени, чтобы покончить с помолвкой. Хит подозревал, что Рассел попытается ею манипулировать и скорее всего употребит моральный шантаж, чтобы вынудить Джулию поступить, как ему выгодно. Наибольший удар получила его непомерная гордыня. Он от него оправится, но без Джулии. Он ее не заслуживал. Хит не даст Расселу шанса помириться с ней.

— Оклер мертв, — объявил он. — Я убил его.

Рассел изумленно уставился на него.

— Что-о?!

— Он пробрался сюда, — продолжал Хит, пристально вглядываясь в соперника, затем замолчал в задумчивости. — Получается, я был тем, кого он стремился наказать.

— Ты его убил? — Рот Рассела искривился в неприятной усмешке. — Значит, и это ты у

меня украл? Какой ты у нас герой!

— Ты знал, что он хочет убить именно меня?

— Ты от него, сбежал, и он взбеленился. Какой логики искать в поступках безумца?..

— Вот как?.. По-твоему, все просто?

Рассел отвернулся к окну.

— Откуда мне знать, что было на уме у этого ублюдка? Он был помешанным. Ты не забыл, что он с тобой проделывал? — Он огляделся по сторонам и бросил на Хита вызывающий взгляд. — Я этого не забыл. Когда я тебя нашел, ты был на волосок от смерти. Ты сам был полубезумным.

— Видимо, я позабыл больше, чем думал, — покачал головой Хит. — Оклер утверждал, что я убил его сестру.

Плечи Рассела напряглись под сюртуком для верховой езды. Он кивнул, не глядя на Хита.

— Я не видел причины напоминать тебе об этом. Это был акт самозащиты, и ты не понимал, что делаешь. В конце концов, она была француженкой и притворялась, что помогает тебе. К тому же у нее был пистолет. Ты просто убил ее раньше, чем она убила тебя. По крайней мере это выглядело так.

Хит старался изо всех сил представить себе картину того, что тогда произошло. Он мог припомнить то, как смывал кровь с лица ледяной водой из колодца... Он вспомнил как бежал, задыхаясь и спотыкаясь на подгибающихся ногах, то, как Хэмм поднимал его на ноги. Затем бесконечную тряску фургона на ухабистой обледенелой дороге. А вот убийство молодой женщины?.. Нет, этого он представить себе не мог.

— Да и какая теперь разница? — бесстрастно заметил Рассел. — Была война. И ничего не изменить. Проблема сейчас в том, как избежать скандала, устроенного тобой и Джулией.

— У тебя была возможность ее покорить, — с легким цинизмом пожал плечами Хит. — Ты сыграл свою партию и проиграл.

— Получается так, — кисло отозвался Рассел. — Женщину заменить можно всегда, но урон моей карьере непоправим. Оклер был моим. Я вернулся домой с пустыми руками и в придачу оказался посмешищем.

— Возможно, и нет, — возразил Хит и замолчал. — У меня имеется предложение. Так сказать, джентльменский обмен... Если захочешь. Мне не нужна слава из-за поимки Оклера, но я хочу Джулию.

Рассел мрачно смотрел на него, рот его кривила горькая усмешка.

— Оклера за Джулию? Ты предлагаешь бартер?

— Никто за пределами поместья еще не знает, что он убит. Властям сообщат об этом только через час.

Рассел ничего не ответил, но Хит понял, что решение принято. Это было прекрасным способом спасти репутацию Рассела, представить дело так, что он пожертвовал личным счастьем ради страны. Хит защитит Джулию от скандала. Все сплетни об их любовной связи рассеются в тот день, когда они поженятся. Светское общество примет их с распростертыми объятиями. Это они могут не ответить обществу взаимностью.

Рассел нагнулся и поднял с ковра карикатуру.

— Ты это видел?

Хит бросил взгляд на печатный листок и с трудом подавил ухмылку, затем посмотрел Расселу в лицо.

— Да. Рассел покачал головой:

— Только не говори, что позировал для этого.

— По правде говоря, позировал. — Хит откашлялся. — Это было сделано в благотворительных целях.

Хит вызвал Дрейка, чтобы обсудить с Расселом все детали передачи тела Оклера властям. Самому ему ввязываться в это не хотелось. Он мечтал поскорее отыскать Джулию. Теперь они оба были свободны, и он ощущал, как исчез, растворился в воздухе покров темноты, тяготевший над ним так долго, что стал частью его души. Что ж, есть время быть мудрым и время быть озорным. Есть время для войны и время для любви.

Он взбежал по лестнице, прошел по длинному коридору и достиг ее комнаты. У двери он обнаружил стоящего на часах Хэмма, тот, как было велено, охранял Джулию. Его костлявое рябое лицо было мрачным.

— Леди Уитби ожидает меня? — спросил Хит.

— Да, милорд, но... могу ли я сказать вам словечко наедине до того, как вы ее навестите?

— Что-то случилось? — удивился Хит.

— Я должен вам признаться.

— Если ты разбил еще какое-нибудь блюдо, можешь успокоиться и больше не упоминать о нем.

— Я дал слово, что никогда никому не расскажу. Сэр Рассел был моим командиром... так же как и вашим. Он заставил меня поклясться в соблюдении тайны.

Хит бросил взгляд на дверь Джулии.

— Звучит более серьезно, чем разбитое блюдо. Пожалуйста, Хэмм, продолжай.

Выражение грубого лица бывшего солдата помрачнело.

— Он оставил вас над трупом женщины, чтобы люди увидели вас и решили, что это вы ее убили. Простите меня. Я не хотел подслушивать ваш разговор с братьями прошлой ночью.

— Ты знал насчет сестры Оклера?

— Я помню молодую женщину в монастыре. В ту пору я не знал, кто она. Не думаю, что сэр Рассел когда-либо открыто обвинял вас в ее смерти. Он просто не отрицал, когда все поверили, что это сделали, вы. Никто никогда не вспоминал об этом до нынешнего момента.

Хит с трудом глотнул. Еще один тяжкий груз свалился с его души.

— Ты хочешь сказать, что ее убил Рассел?

— Я не видел. Я всего лишь подозреваю, что он действовал в целях самозащиты и потом постыдился в этом признаться. Вы подбежали к нему, когда выстрел уже прозвучал. Милорд, вы были в таком плохом состоянии, что я мог бы убедить вас, что я король.

— Все закончилось, Хэмм. Ты успокоил меня больше, чем можешь себе представить. Спасибо тебе.

— Мне было приказано никогда об этом не говорить.

— Это никогда больше не будет обсуждаться.

На следующее утро Джулия встретила Хита в конце коридора башенного крыла. В сером фраке и панталонах он выглядел на удивление свежим и жизнерадостным. Сторонний наблюдатель никогда бы не догадался, что в течение ночи он обладал ею не один раз. По правде говоря, они расстались всего час тому назад.

— Ты сегодня необыкновенно прелестна, — промолвил он, церемонно беря ее за руку, словно не видел ее только что в ванне полностью обнаженной и не помогал ей потом застегивать крючки лифа.

Она поправила юбку платья из шерсти сливочного цвета.

— Я чувствую себя абсолютно совращенной.

— Предлагаю тебе как следует подкрепиться. У тебя впереди годы совращения и разврата.

Рука об руку они спускались по широкой лестнице.

— Однако я вовсе не жалуясь.

— Значит, это был комплимент? — Губы его дернулись в улыбке.

Она посмотрела вперед. Затем, понизив голос, добавила:

— Стыдно признаться, но... да, это был комплимент.

— Страсти не надо стыдиться и стесняться, Джулия. И уж тем более между мужем и женой.

— Но мы еще не женаты.

— Скоро поженимся.

— На этот раз нам никто не помешает? — спросила она, останавливаясь у подножия лестницы.

— Ни в коем случае. Почему я поставил Хэмма караулить твою комнату? — Хит нежно привлек ее в объятия и поцеловал.

Глаза его светились любовью.

Джулия удовлетворенно вздохнула.

— В доме много других людей.

— Я никого не вижу.

— Но я их слышу.

Он поднял глаза вверх. Из овального салона доносились голоса.

Джулия, хоть убей, не могла бы узнать, кому они принадлежат. Поцелуи Хита вытесняли все из ее сознания. Она обвила рукой его крепкую шею и притянула ближе. Она всегда знала, что он отважен и благороден, но прошлой ночью заглянула в душу этого человека. Красота его души была истинной и глубинной.

— Нам нужно это прекратить, — смеясь, прошептала она.

— Почему? — Он быстро провел ладонями по ее бокам. Кожа Джулии была еще теплой после ванны. — Хочешь вернуться наверх?

— Мы только что спустились вниз.

— Ну и что? Нас никто не видел, — Он попытался подтолкнуть её на ступеньку выше.

— Джулия! Хит! — прогремел звучный бас из конца коридора. — Мы уж было решили, что вы собираетесь провести в постели весь день.

Хит тяжело вздохнул, Джулия сняла руку с его шеи.

— Доброе утро, Грей, Спасибо за деликатность.

— Утро? Уже полдень, — возразил Грейсон. — Мы как раз собрались сесть за ленч.

Присоединитесь к нам, или у вас другие планы?

— Ну-у, — протянул Хит, — Вообще-то мы собрались заняться другими делами — свадебными.

Грейсон расхохотался:

— Неужели?

— Именно так.

— Я не удивлен и в полном восторге. Могу я первым принести вам поздравления?

* * *

Хит хотел обвенчаться как можно скорее. В течение двух недель. Джулия была согласна. Они столько лет ждали, чтобы быть вместе. Ее золовка Джейн была вне себя от радости и обещала помочь во всем и всем, чем сможет.

Гермия выразила озабоченность, что двух недель может не хватить для надлежащих приготовлений. Но как заметила сестра Хита, Эмма, виконтесса Лайонс: «Этого времени более чем достаточно, чтобы наша парочка вызвала еще какой-нибудь скандал. Мои ученицы продолжают обсуждать эту злосчастную карикатуру».

Однако Джулия и Хит согласились на тихую сельскую свадьбу. Хотя вряд ли можно было назвать тихим поместье, переполненное Боскаслами, братьями и сестрами, их женами и мужьями, дядями, тетями, шумными кузенами и кузинами. Что лишний раз доказывало: такую страстную кровь не разбавишь и не успиришь. Впрочем, никто этого и не пытался делать.

Свадебный обряд был совершен в субботу днем в загородном поместье маркиза Седжкрофта. Хит, тщательно одетый и чисто выбритый, задержался у окна в верхней галерее, где его поджидал старший брат. Бросив взгляд на вереницу экипажей, заполнивших подъездную аллею, Хит усмехнулся углом рта и осведомился, найдется ли в Англии хоть кто-нибудь, кого Грейсон забыл пригласить.

— Я думал, что ты не любишь свадьбы, — сказал Хит, стоя у окна рядом с братом.

— Не люблю. Но это ведь не моя свадьба. Сегодня тебе стоять перед расстрельным взводом. А я свой долг уже исполнил... и выжил, о чем готов тебе рассказать.

— Господи Боже! — воскликнул Хит, узнав миниатюрную фигурку в ярко-зеленом атласном платье, весело махавшую им рукой из только что подъехавшего экипажа. — Это же Одри Уотсон. Ты пригласил куртизанку на мою свадьбу?

— Не я, — усмехнулся Грейсон, — а Джулия.

— И ты это позволил?

— Ну, это ведь не моя свадьба.

— А Дрейка нет?

— Пока нет. Он прислал сообщение, что немного опоздает. Задержится на дуэли.

Хит улыбнулся.

— А Девон?

— Он повел двух юных леди на прогулку в лес. Полагаю, что они отправились в печально известную пещеру. Ты ее помнишь?

— Очень ярко.

— Значит, легенда жива, рассмеялся Грейсон.

— Боюсь спрашивать... но где наша дорогая диктаторша, сестрица Эмма?

— Раздает непрошенные советы невеждам в области этикета, — понизил голос Грейсон. — Поэтому, я и прячусь здесь, наверху.

— Я прятаться не могу, — вздохнул Хит, вынимая руки из карманов. — Мне нужно идти к алтарю.

Они спустились по лестнице. Сестрица Эмма стояла и поджидала Хита. Это была хрупкая женщина с золотисто-персиковыми волосами, синими глазами и отважным сердцем воинственного рыцаря.

— А вот и ты, — произнесла она. — Я не виню тебя за то, что прячешься: после опубликования той карикатуры, которую повидали все мужчины, все женщины и все дети в стране.

— Как приятно видеть тебя, Эмма, — проговорил Хит, поправляя свой белоснежный галстук.

— А мне было совсем не приятно увидеть карикатуру в печатном виде, — прошептала она и потянулась, чтобы поправить складки его галстука. — Поздравляю тебя, шалопай, — добавила она со снисходительной улыбкой. — Я рада за тебя и очень тобой горжусь.

Маркиз велел, чтобы для свадебного приема украсили не только комнаты дома, но и сады. Погода стояла теплая, но не жаркая. Дул легкий ветерок. Среди зелени играл приятные мелодии частный оркестр Седжкрофта. Слуги, одетые в ливреи с золотыми галунами, стояли на всех дорожках, предлагая гостям кексы и шампанское. Чистокровные лошади в безупречных конюшнях были украшены белыми шелковыми розетками. Время от времени их прогуливали вокруг поместья.

Церемония прошла без запинок. На невесте было серебристо-белое платье с лифом из брюссельских кружев поверх жемчужно-белой сорочки. Наряд дополняли белые замшевые перчатки и белые атласные туфельки. Ее фату придерживала на месте гирлянда из темно-розовых бутонов роз, перевитая листьями плюща. Как сообщила потом лондонская газета, пистолета у Джулии не было.

На женихе был двубортный темно-синий сюртук поверх белой кембриковой рубашки, расшитый жилет и черные облегающие панталоны. Он выглядел таким красавцем, что женские сердца обмирали, и Джулия еле удерживалась, чтобы не вцепиться в него изо всех сил. Девон сидел среди кучки молодых леди, которые хихикали при каждом слове, слетавшем с его языка. Маркиз Седжкрофт играл роль шафера, его жена Джейн вместе с одной из тетушек наблюдала за свадебным обрядом из первого ряда маленькой семейной часовни в западном крыле. Гермия и Одем сидели рядом с ними, не разговаривая друге другом. Они только что поругались, но ради Джулии договорились появиться на публике вместе.

Лорд Дрейк Боскасл явился в часовню за минуту до начала церемонии с роскошной молодой дамой, которую никто не знал. Виконт Стрэтфилд привез свою черноволосую красавицу жену Хлою, которая была подружкой невесты. Эмма была почетной матроной, деликатно настояв сыграть эту роль вместо Джейн.

Одри Уотсон одобрительно и мечтательно покачала головой, глядя, как нежно Хит обнял и поцеловал невесту.

— Шалопай, — пробормотала она. — Еще один Боскасл разбил мне сердце. — Она

оглядела переполненную людьми часовню и просветлела при виде двух младших братьев, послушно присутствовавших при обряде. — Ах, ладно. Надежда всегда остается, правда, Дрейк?

— Это зависит от того, на что надеяться, Одри: на алтарь или на роман.

— Ты гадкий повеса, Дрейк Боскасл! — воскликнула дама, сидящая рядом с ним. — Неужели ты не можешь вести себя пристойно даже во время свадебной церемонии?

Он посмотрел на Хита и ехидно рассмеялся:

— Но, слава Богу, это не моя свадьба.

Священник объявил стоявшую перед ним пару мужем и женой, и голоса в часовне слились в гул поздравлений. Джулия почувствовала, как обвила ее талию крепкая рука Хита, когда гости встали, чтобы их приветствовать.

— Теперь ты от меня не сбежишь, — нежно промолвил он, отводя фату от ее лица.

— К тебе это тоже относится, — подняла она глаза на него.

— Теперь тебе от меня не избавиться. Мы скрепили наш союз, дорогая...

Она задержала дыхание: поверить не могла, что он наконец принадлежит ей. Что она стала женой Хита Боскасла. Вокруг них клубилась суета гостей, но Хит крепко держал Джулию за руку, даже когда по обязанности целовался с сестрами, тетушками и кузинами. Его братья, естественно, стремились обогнать друг друга, целуя новобрачную в щечку.

— Моя, — вежливо, но твердо объявил Хит, отводя ее в сторону. — Ищите свою.

— Ты так никогда и не выпустишь ее руки? — поддразнила его юная кузина, Шарлотта Боскасл.

— Нет. — Он вытащил Джулию из объятий Девона Боскасла. — Не выпущу.

Свадебный пир был накрыт в торжественном банкетном зале. Танцы продолжались до ночи в бальном зале с купольным потолком. На балконе играл струнный квартет. Джулия за всю жизнь не слышала столько смеха, и эти звуки согревали ей сердце. Ее собственные детство и юность были очень одинокими.

Хит смотрел на праздничное ликование. Голова Джулии покоилась у него на плече. Он увел ее на галерею во время вальса.

— Сколько пройдет времени, пока они сообразят, что мы исчезли? — спросила она.

— Дни. Девон поднимал тосты за всех, только что не за садовника.

— Мы должны были по меньшей мере пожелать всем доброго вечера.

— Поверь, так лучше, Я же мастер сливаться с фоном. Они и не заметят, что потеряли нас.

Через несколько минут они заперлись в восточной башне. В камине горел небольшой огонь, на столике их ждали две бутылки шампанского и поднос с тонко нарезанной ветчиной, поджаристым хлебом и крохотными французскими пирожными.

Пока Джулия, сидя на постели, прихлебывала шампанское, Хит стащил с себя все, кроме рубашки и панталон. Она любовалась им с нарастающим желанием, восхищаясь скульптурной мускулатурой его сильного тела и неотразимой, чуть ленивой мужской грацией, всегда возбуждавшей ее чувственность. Шампанское плюс любимый муж. Это сочетание ударяло ей в голову.

— Приятная свадьба, правда? — спросила она, нервно глотнув, когда Хит решительно направился к ней.

— Я тоже так думаю.

— Мы оба так хорошо себя вели.

— До сей минуты.

Он опустил на колени, чтобы снять с нее туфельки и розовые чулки. Джулия посмотрела вниз, на его смуглое, чуть ироничное лицо, и дыхание ее зачастило от нескрываемого желания.

— Мы вернемся к прежнему нашему поведению?

— Естественно. — Он сел на постель, чтобы распустить ее французский корсет на косточках. — Вы сегодня выглядите очень соблазнительной, леди Боскасл.

— Послушайте, кто говорит!..

Он стянул корсет с груди Джулии и склонился над нежной, прелестно округлой фигурой жены.

— Я слышал о вас некоторые весьма заманчивые слухи.

Она крепко зажмурилась. Рука Хита скользнула вверх по ее бедру и сомкнулась на пышной груди.

— К несчастью, все они верны. Не могу их отрицать.

— Отрицать их? — Он перекатился и накрыл ее губы своим ртом. — Я-то надеялся, что ты докажешь их справедливость.

Она положила ладони ему на грудь, провела ими по выпуклостям и впадинам сильных мускулов и прошептала:

— Ты это имел в виду?

— Для начала сойдет и это. Но пожалуйста, позволь мне...

— Позволить тебе?..

Она ощутила, как его пальцы сжали оба ее запястья, она вновь становилась его пленницей, эротической рабыней. Джулия напряглась, проверяя его намерения. Но он только усилил свою хватку. Она почувствовала, как бурно пульсирует кровь в ее теле, требуя большего, безмолвно приглашая его продолжить нападение.

— Пожалуйста, — наконец прошептала она.

— Возлюбленная жена моя, наша брачная ночь только началась, и я не собираюсь комкать ее поспешностью.

— Наша брачная ночь, — пробормотала она. — Я мечтала об этом в далеком прошлом.

— Правда, Джулия? — тихо спросил он. — Тогда, думаю, у нас с тобой были одинаковые мечты.

Она радостно засмеялась.

— Что сказали бы люди, услышав, как Хит Боскасл, прославленный своей выдержкой, признается, что мечтал жениться на женщине, которая в него стреляла?

— Признаюсь, мне абсолютно все равно, что думают люди за стенами этого дома.

Она с нежной улыбкой посмотрела ему в глаза.

— И тебя не волнует, что Рассел забрал твою славу?

— Славу? — Он глубоко вздохнул. — Нет никакой славы в убийстве, есть лишь спокойствие, что Оклер нам больше не угрожает. Пусть Рассел будет героем сколько захочет. Один Бог знает, как не хочу я признания таких заслуг.

— Рассел никогда не был моим героем, — улыбнулась она.

— Неужели?

— Героем всегда был ты. Наверное, я должна была рассказать ему, как к тебе отношусь.

Он покачал головой.

— Ты должна была рассказать это мне.

— Могу я рассказать, как отношусь к тебе теперь?

Хит лукаво улыбнулся в ответ:

— Я отлично знаю, как ты ко мне относишься.

— Тогда...

— Наша брачная ночь, — напомнил он ей, — переживание, которое я намерен осуществить таким образом, чтобы оно запомнилось на всю жизнь доставленным удовольствием.

И свое слово он сдержал.

Он гладил ее, ласкал каждый сокровенный уголок ее тела, доставляя невыразимое наслаждение. Он возбуждал ее до того, что она содрогалась, от безумия жажды удовлетворения. Она отдавала ему себя, принимала каждое прикосновение. Он отказывался торопиться. Она мучительно задыхалась.

— Сладкая, — прошептал он. — Озорная, восхитительная Джулия. Спасибо, что согласилась стать моей женой.

На какой-то миг она замерла. Затем ее тело выгнулось, встречая его со страстью, почти равной его напору. Он напрягся. Она застонала от удовольствия.

Хит выпустил ее руки, и сердце его вздрогнуло, забилося толчками, когда она протянула их, чтобы дотронуться до него. Она гладила шрамы на его груди, проводила пальцами по твердым упругим мускулам спины. Он изучал ее лицо, погружаясь без оглядки в ее тепло, в любовь, светившуюся в ее глазах. Никогда он так ни на кого не смотрел, никого так не любил, как ее. Она выпустила на волю его сердце, чтобы он мог отдать его ей, как давно собирался.

Он вновь поймал ее руки, переплел ее пальцы со своими. Запрокинув голову, он снова вонзился в нее. Она отвечала с самозабвенной чувственностью. Жар в его крови дошел до кипения, и Хит почувствовал, как полностью теряет самообладание. Он продолжал держать ее пальцы, когда Джулия дошла до пика, и его сердце отозвалось громовым откликом, от которого стало невозможно дышать.

— Господи, как ты прекрасна, — выдохнул он, закрывая глаза, чтобы ощутить собственный экстаз. — Жена моя, — Голос его охрип. — Моя любовь.

Она лежала под ним, бессильным, среди сбившихся простыней, и ее лицо было прижато к его плечу. Несколько минут они так и держались друг за друга, разогретые, не желая нарушать настроение. Она чувствовала себя защищенной... лелеемой, переполненной восторгом от того, что они снова нашли друг друга. Когда Хит наконец заговорил, ей показалось, что он прочел ее мысли.

— Никогда бы не поверил, что могу чувствовать себя таким счастливым, как теперь. — Он поцеловал ее в макушку и погрузил пальцы в тяжелые темно-рыжие локоны, рассыпавшиеся по ее спине.

— Я тоже.

Он слегка приподнял голову.

— Прислушайся. Слышишь?

Она открыла глаза и засмеялась.

— Это оркестр твоего брата... Он велел им играть в саду под башней.

— Я должен был его придушить, — ухмыльнулся Хит.

— Только не в нашу брачную ночь. Пожалуйста.

— Логично. Я сделаю это утром.

Несколько часов спустя тот же самый Грейсон послал вверх слугу с подносом еды и питья. Хит не пошевелился. Накинув халат, он сидел у камина и поглощено рисовал обнаженную жену.

Джулия посмотрела на дверь.

— Наверное, нам надо сказать спасибо всем нашим, гостям?

— Это, подождет до утра. Грейсон наверняка пригласит их остаться. Подними правую ногу на постель, дорогая. Согни ее немного. Отведи волосы.

— Ты неисправимый негодник, Хит Боскасл. Это неприличная поза.

— Только не с моей точки зрения.

— Могу я поинтересоваться, зачем ты это делаешь?

— Это ответный жест, любовь моя.

Она, ахнув, выпустила волосы, и они вновь рассыпались по спине.

— Ты ведь не намерен это опубликовать?

— Не обижай меня. Это свадебный подарок.

Она нахмурилась:

— Не скажу, что мне очень хочется получить такой рисунок. Жемчуга? Да. Бриллианты? Возможно. Но рисунок... на котором я без одежды?

Хит обогнул мольберт и задумчиво прищурился:

— А по-моему, очень неплохо. Это только для моего удовольствия. Подарок себе. Если ты согласна.

— Не согласна, — возразила Джулия, выпрямляясь. — Позировать не стану.

Он подошел к ней сзади и обнял за талию.

— Я же тебе позировал.

Она повернулась в его руках, но не сделала попытки освободиться.

— Ну и посмотри, какие это принесло неприятности.

— Я хочу, — тихо промолвил он, — чтобы мы приносили друг другу такие неприятности до конца жизни.

— Думаю, на это ты можешь твердо рассчитывать, — так же тихо отозвалась она.

Больше книг на сайте — Knigolub.net